

НЕКОТОРЫЕ ШРАМЫ НЕ ИСЧЕЗАЮТ.
НЕКОТОРЫЕ КОРОЛИ НЕ ОТПУСКАЮТ.

АЛЬФА-КОРОЛЬ УБИЛ МЕНЯ ОДНАЖДЫ ISACATMEOW

АЛЬФА-КОРОЛЬ УБИЛ МЕНЯ *однажды*

ТЁМНОЕ ФЭНТЕЗИ О ЛЮБВИ

ISACATMEOW

18+

isacat meow

Альфа-король однажды убил меня

«Автор»

2026

meow i.

Альфа-король однажды убил меня / i. meow — «Автор», 2026

Эллара погибла от меча Ронана Вейра — Альфа-короля, которого когда-то любила больше жизни. К тому моменту она уже потеряла дочь, семью и всё, ради чего согласилась стать его парой. Но смерть возвращает её в прошлое — за три дня до их первой встречи. На этот раз Эллара не станет спасать раненого незнакомца под дождём. Не позволит связи пары превратить её тело и судьбу в чужую собственность. И прежде чем снова поверить Ронану, она узнает, кто похитил её дочь и кто на самом деле стоял за трагедиями первой жизни. Однако прошлое оказывается сложнее, чем она помнила. Ронан пытается изменить свои решения, старые тайны связывают их семьи, а рядом с Элларой появляется человек, который предлагает ей не власть и не клетку, а право выбирать. Можно ли исправить любовь, построенную на предательстве? Или единственный способ обрести новую жизнь — навсегда отказаться от Альфа-короля?

© meow i., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1. В следующий раз умрёшь ты	5
Глава 2. До пятнадцатого апреля	9
Глава 3. И всё же она вышла под дождь	13
Глава 4. Мой отец тебя знает	16
Глава 5. Ребёнок, который ещё не родился	19
Глава 6. Она знает слишком много	23
Глава 7. Стая Серого Клыка	25
Глава 8. Я не человек	28
Глава 9. Возвращение в Мункип	31
Глава 10. Он был не один	34
Глава 11. Дочь мясника	37
Глава 12. Лунный колодец	40
Глава 13. Отец Мейв	42
Глава 14. Кто-то хочет её смерти	44
Глава 15. Временный союз	47
Глава 16. Три лжи	50
Глава 17. Серебряная запонка	54
Глава 18. Зелье для наследника Вейров	58
Глава 19. Когда действие яда закончилось	63
Глава 20. Первая сеть	66
Глава 21. После рассвета	70
Глава 22. Вторая сеть	74
Глава 23. Курьер	77
Глава 24. Она забыла его имя	81
Глава 25. Первый долг	86
Глава 26. Возвращённый	90
Глава 27. Перед короной	94
Глава 28. Приглашение Серафины	99
Глава 29. Испытание Лунного колодца	104
Глава 30. Она встала рядом с ним	108
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	112
Глава 31. Союз — не прощение	112
Глава 32. Письмо, которое так и не дошло	116
Глава 33. Она научилась улыбаться	121
Глава 34. Ради вашей безопасности	125
Глава 35. Второй долг	130
Глава 36. Навстречу женщине, которая её убила	135
Глава 37. Её отец стоял рядом с ними	139
Глава 38. Вторая ложь Гидеона	143
Глава 39. Она заняла место Весперов	150
Глава 40. Меч Вейров завершит последний этап	152
Глава 41. Мёртвые не станут лгать ради неё	155
Конец ознакомительного фрагмента.	159

isacat meow

Альфа-король однажды убил меня

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. В следующий раз умрёшь ты

Первым, что почувствовала Эллара, когда королевский меч дома Вейр вошёл ей в грудь, был холод.

Клинок прошёл сквозь чёрный знак, высеченный в центре алтаря, а затем пронзил её тело. Серебро встретилось с кровью. Боль взорвалась под рёбрами, и разверзающиеся под её ногами врата мёртвых содрогнулись.

Вокруг церкви Холлоубон горело синее пламя. Из-под земли поднимались голоса — плач, крики, молитвы, — пока все они не растворились в зове маленького ребёнка.

— Мамочка.

Эллара резко вскинула голову. Это был голос Лиоры.

Её трёхлетняя дочь умерла. Под алтарём Эллара нашла лишь запятнанный кровью серебряный колокольчик в форме луны и половину разорванного детского платья. Ронан обещал вернуть их ребёнка. В конце концов он вернулся всего с четырьмя словами.

Было уже слишком поздно. А теперь он стоял перед ней, обеими руками сжимая рукоять меча, пронзившего её грудь.

Она не могла ясно разглядеть его лицо. Кровь стекла из уголка её рта и упала на волчий герб дома Вейр. Когда-то она обводила этот герб кончиками пальцев. Когда-то прижималась к груди Ронана, пока он говорил, что обнажит этот клинок лишь ради защиты своей семьи.

И она ему поверила.

— Почему?

Ронан не ответил. Он шагнул ближе, словно хотел подхватить её.

Эллара схватила его за запястье и заставила себя остаться на ногах. Знакомое тепло его кожи вытащило на поверхность старые воспоминания: дождь над Грейхарбором, залитый кровью незнакомец в переулке за её клинкой, серебряная рана на его боку, которая никак не заживала, и сдержанное дыхание между ними перед первым поцелуем.

Тогда Ронан лежал на её кровати. Чёрные волосы намокли от холодного пота. Она зашивала его рану, а он смотрел на неё, не моргая.

— Ты меня не боишься? — спросил он.

— Ты даже стоять не можешь.

— Я всё равно могу тебя убить.

Эллара сделала последний стежок и подняла на него глаза.

— Тогда подожди, пока я закончу перевязку. Иначе после того, как ты меня убьёшь, сам истечёшь здесь кровью.

На его губах появилась едва заметная улыбка.

Позже эта улыбка превратилась в поцелуй. Сначала он остановился, оставляя ей возможность отстраниться. Вместо этого Эллара сама схватила его за воротник и сократила расстояние между ними.

В ту ночь они ничего друг другу не обещали. Были только раны, жар и дыхание, становившееся всё более отчаянным. Эллара верила, что мужчина, который остановился прежде, чем коснуться её, и дождался её решения, никогда не сможет по-настоящему причинить ей боль.

В этом она тоже ошиблась.

Они полюбили друг друга. Эллара последовала за ним на территорию Блэкпайн и стала его парой, несмотря на ненависть волчьих кланов. Когда она забеременела, Ронан положил ладонь ей на ещё плоский живот и долго ничего не говорил.

Когда родилась Лиора, все оборотни Мункипа склонили головы, услышав её крик. В ребёнке соединились королевская кровь Вейров, человеческая душа и вампирская родословная. С того мгновения, как она открыла глаза, она не принадлежала полностью ни к одному народу.

Ронан любил свою дочь.

Поздними ночами он носил Лиору по коридорам и позволял ей кусать его за палец крошечными зубами. Когда она впервые назвала его папой, он простоял один на террасе до рассвета.

Но когда старейшины стали называть её скверной, когда кто-то похитил Лиору из Мункипа, когда Эллара опустилась на колени в зале совета и потребовала, чтобы Ронан немедленно закрыл границы, — он всё равно сначала выбрал спокойствие стаи.

Позже их дочь погибла в церкви Холлоубон.

Все сказали Элларе, что Джулиан тоже мёртв. Её мать, Хелена, сгорела заживо в их доме. На её отца, Гидеона, Ронан объявил охоту. И только после того, как Эллару заперли под Мункипом, она узнала: первая встреча с Ронаном никогда не была случайностью.

— Ты знал моего отца ещё до того, как встретил меня? — спросила она через железные прутья.

Ронан положил на пол между ними почерневший семейный герб. Он принадлежал его первой паре, Мейв.

— Четырнадцать лет назад вампиры напали на Мункип. Мейв, Орин и почти весь дом Вейр были убиты.

— Какое отношение к этому имеет мой отец?

— Он их возглавлял.

Эллара отказалась в это верить. Отец, который чинил её украшения, сидел у постели, когда она болела, и собственноручно готовил каждый праздничный ужин, не мог убить другую женщину и пятилетнего мальчика.

— Значит, ты сблизился со мной, потому что расследовал его прошлое?

Ронан на мгновение замолчал.

— Сначала — да.

Четыре слова разрушили все нежные воспоминания между ними. И всё же она спросила:

— А потом?

— Потом дело было уже не только в нём.

Она плакала из-за этого ответа. Лишь сейчас, на грани смерти, Эллара поняла: пока человек всё ещё хочет продолжать любить, даже самый расплывчатый ответ можно принять за надежду.

Боль в груди стала острее. Чёрные полосы яда поползли под кожей к горлу. Ронан, казалось, наконец это заметил. Он вырвал меч, поймал её и крепко прижал ладонь к ране.

— Смотри на меня.

— Ты всегда думаешь, что все будут тебе подчиняться.

— Эллара, этот меч не должен был тебя убить. В ритуале было что-то...

Где-то в глубине церкви рассмеялась женщина. Вой мёртвых поглотил звук прежде, чем Эллара успела услышать остальное. Она знала только одно: меч принадлежал Ронану, и именно Ронан держал его в руках.

— Где Лиора?

Его рука замерла.

— Я найду то, что от неё осталось.

— Она мертва.

— Я знаю.

— Ты всегда всё знаешь, — прошептала Эллара, — и всегда опаздываешь.

Крыша начала рушиться. Обломки камня падали в огонь. Ронан прижал её крепче, словно мог украсть ещё несколько мгновений у крови, покидавшей её тело. Эллара посмотрела на лицо мужчины, которого любила много лет, и вспомнила ночь их встречи под дождём.

Если бы она тогда закрыла дверь клиники и оставила его умирать в том переулке, не было бы Мункипа. Не было бы связи пары. Не было бы брака. Не было бы Лиоры.

— Если бы я могла прожить всё заново... — Её голос сорвался. — Я бы не стала тебя спасать.

— Не говори.

— Я бы тебя не полюбила. Я бы не родила нашего ребёнка.

Наконец что-то надломилось в выражении Ронана. Собрав последние силы, Эллара схватила его за воротник и притянула к себе, точно так же, как перед их первым поцелуем. Но на этот раз она его не поцеловала.

— В следующий раз, — выдохнула она, — умрёшь ты.

Тьма поглотила церковь. Когда Эллара снова открыла глаза, за окном пели птицы. Солнечный свет проходил сквозь белые занавески и ложился на деревянный пол. Не было ни запаха крови, ни могильного яда, ни обгоревшего камня.

Она лежала в спальне, которая принадлежала ей в двадцать три года. На тумбочке стояли забытые Джулианом ноты. Светло-серое пальто, которое Эллара собиралась надеть в клинику, висело на спинке стула.

Кожа на груди была целой. Сердце билось так сильно, что причиняло боль. Из коридора донёсся голос матери.

— Эллара? Ты проснулась? Завтрак остывает.

Она вскочила с кровати и распахнула дверь.

Хелена стояла в коридоре со стопкой свежестырированных полотенец. Её волосы не стогрели. На лице не было крови, ничто не напоминало о том, как она выглядела перед смертью.

Когда Эллара бросилась к ней и обняла, Хелена от неожиданности отступила на полшага.

— Что случилось? Тебе приснился кошмар?

Снизу крикнул Джулиан:

— Если она сейчас не спустится, я съем все блины!

Эллара отпустила мать и почти бегом направилась в столовую. Её девятнадцатилетний брат сидел за столом, всё ещё жуя. Увидев слёзы на её лице, он странно нахмурился.

— Ты что, привидение увидела?

Она обняла его и ничего не ответила.

Гидеон вышел из кухни в безупречно белой рубашке. Его лицо было таким же мягким, каким она его помнила. Он поставил чашку кофе и приложил тыльную сторону ладони к её лбу.

— Ты бледная. У тебя жар?

От него едва заметно пахло лекарственными травами. В первой жизни Ронан говорил, что люди, убившие Мейв и Орина, пахли так же. Эллара посмотрела на отца, но не отступила.

Она всё ещё не знала правды о резне. Она не могла знать, сколько Ронан от неё скрыл. Но одно было несомненно: её семья всё ещё была цела.

Эллара повернулась к календарю на стене.

Двенадцатое апреля.

Через три дня дождь будет лить над Грейхарбором всю ночь. Она найдёт Ронана раненым в переулке за клиникой. Откроет перед ним дверь — и с этого мгновения начнёт терять всё, что у неё было.

На этот раз она не войдёт в тот переулок. Если он всё же появится перед ней, она не станет останавливать кровь. Прежде чем снова влюбиться в Ронана, она узнает, кто убил Лиору.

И если ответом по-прежнему окажется он, Эллара отомстит так, как не сумела в первой жизни.

Глава 2. До пятнадцатого апреля

После завтрака Эллара не сразу вернулась в свою комнату.

Она осталась за обеденным столом и смотрела, как Хелена уносит тарелки на кухню. Джулиан зажал зубами последнюю половину блина, схватил пальто со спинки стула и, уже выходя, оглянулся через плечо.

— Ты выглядишь так, будто не спала три ночи подряд.

— Просто плохо спала.

— Хочешь, я скажу отцу, что сегодня ты не пойдёшь в клинику?

— Нет.

Джулиан пожал плечами и открыл входную дверь. Через мгновение скрежет велосипедных колёс по гравию стих за углом. Хелена выглянула из кухни.

— Ты точно в порядке?

Эллара кивнула.

Она боялась сказать больше. Ещё один вопрос матери — и она могла выложить всё: огонь, тела, Лиору и церковь Холлоубон. Но ничего этого пока не произошло. Хелена всё так же проведёт вторую половину дня в саду. Джулиан всё так же будет жаловаться за ужином на школьную еду. Клиника Гидеона откроется как обычно. На календаре по-прежнему было двенадцатое апреля.

До дождя оставалось три дня. Она не могла позволить всему начаться заново.

Вернувшись в свою комнату, Эллара заперла дверь и достала из нижнего ящика письменного стола чистую тетрадь. На первой странице она написала дату.

12 апреля.

Кончик ручки долго лежал на бумаге неподвижно.

Многие подробности первой жизни сохранились с жестокой ясностью. Она помнила переулочек, где впервые появился Ронан, глубину раны под его левыми рёбрами, дождь, стекавший с чёрных волос на подбородок. Помнила даже, сколько стежков наложила на его рану.

Но последующие годы больше не складывались в одну непрерывную дорогу. Некоторые события слились друг с другом. От отдельных разговоров остались лишь чувства. После рождения Лиоры Эллара верила, что жизнь наконец замедлится. Вместо этого казалось, будто каждое несчастье было запущено одной и той же невидимой рукой, и одно неизбежно обрушивалось вслед за другим.

Она записала только самое важное.

15 апреля — Ронан ранен за клиникой.

Июнь — узнала, что он оборотень.

Август — прибыла на территорию Блэкпайн.

Следующая зима — беременность.

Её пальцы сильнее стиснули ручку.

Она долго не могла написать имя Лиоры.

При рождении дочь была совсем крошечной, но один её крик заставил замолчать всех оборотней Мункипа. У неё были серые глаза Ронана и мягкие тёмно-каштановые кудри. До трёх лет она больше всего любила сидеть на плечах отца, боялась грозы и отказывалась засыпать, если не держала маленькой ладонью палец матери.

Теперь её не существовало. Она не умерла. Она вообще ещё не появилась в этом мире.

Эллара медленно выдохнула и заставила себя продолжить.

Лиору похитили.

Джулиан объявлен погибшим.

Мать убита.

Церковь Холлоубон.

В последней строке было только одно имя.

Ронан Вейр.

Ручка продавила на странице тёмную борозду.

В момент смерти Эллара была уверена, что её убил Ронан. Меч принадлежал ему. Его рука сжимала рукоять. И всё же перед тем, как она умерла, он пытался что-то сказать.

Этот меч не должен был тебя убить.

Остальное поглотили голоса внутри церкви. Эллара закрыла глаза и снова заставила себя вспомнить: огонь, кровь, рушащиеся колонны, тихий женский смех и руки, бесконечно тянувшиеся из темноты.

Больше ничего.

То, чем она обладала, не было знанием будущего. Это было лишь прошлое, которое она могла понять неправильно. Перерождение не сделало её всеведущей. Оно всего лишь оставило ей ещё больше вопросов, которые она больше не могла позволить себе игнорировать.

Действительно ли её отец участвовал в резне в Мункипе?

Кто похитил Лиору?

Почему Джулиана объявили погибшим после того, как оборотни начали охоту?

Кто поджёг дом, в котором погибла Хелена?

И кто на самом деле хотел смерти Эллары в церкви Холлоубон?

Она перевернула страницу и перечислила то, что могла сделать сейчас.

Первое: не входить в переулок пятнадцатого апреля.

Второе: заставить отца закрыть клинику раньше, до появления Ронана.

Третье: расследовать прошлое Гидеона.

Четвёртое: узнать правду о смерти Лиоры прежде, чем позволить какой-либо связи с Ронаном возникнуть снова.

Она не написала: убить Ронана. Не потому, что передумала. Просто было слишком рано.

В первой жизни она прожила рядом с ним много лет и всё равно так и не узнала всей правды о резне в Мункипе. В этой жизни они ещё даже не встретились. Ронан мог умереть под дождём, но его смерть могла похоронить вместе с ним все ответы.

Пока он был нужен ей живым.

После обеда Хелена вышла в сад. Гидеон переоделся наверху и приготовился ехать в клинику. Эллара стояла у подножия лестницы и наблюдала, как он застёгивает манжеты.

— Папа, ты когда-нибудь слышал о территории Блэкпайн?

Гидеон поднял глаза. Пауза была короткой. Если бы Эллара не следила за ним так внимательно, она могла бы её не заметить.

— О лесном регионе на севере?

— Там живут... необычные люди?

— Что ты называешь необычным?

— Например, семью Вейр.

На этот раз он ответил не сразу. Солнечный свет падал на одну сторону коридора. Выражение его лица оставалось мягким, но глаза изменились.

— Где ты услышала это имя?

— Оно приснилось мне прошлой ночью.

— Что ещё было во сне?

Эллара заставила себя улыбнуться.

— Огонь. Волки. Старый замок. Наверное, Джулиан опять слишком громко смотрел свои фильмы.

Гидеон несколько секунд изучал её лицо, затем поднял руку и поправил воротник её блузки.

— Это был всего лишь сон. Не забивай себе голову.

— Ты знаешь Ронана Вейра?

— Нет.

Слишком быстро.

В первой жизни Гидеон никогда не упоминал дом Вейр. Когда Ронана впервые принесли в клинику, отец делал вид, будто перед ним всего лишь неизвестный раненый мужчина. Но этой единственной реакцией он выдал себя.

Эллара не стала давить.

— Ты будешь дома к ужину?

— Возможно, задержусь. В клинике есть старые документы, которые нужно разобрать.

— Хорошо.

После ухода Гидеона она стояла у окна, пока его машина не исчезла в конце улицы. Затем пошла в кабинет отца. Дверь была не заперта.

Гидеон никогда не прятал вещи от жены или детей. На столе лежали медицинские документы, счета и журналы. В ящиках не обнаружилось ничего необычного. Как и в старом шкафу для бумаг рядом со столом.

В первой жизни Эллара никогда не обыскивала эту комнату.

Не потому, что у неё не было возможности. Ей просто не приходило в голову подозревать собственного отца.

На дне шкафа стоял старый футляр для медицинских инструментов. Обивка выцвела от времени, однако возле защёлки не было пыли.

В самом футляре не оказалось ничего примечательного. Зато деревянная панель за ним была совсем другой.

Её края выглядели новее окружающей древесины. В правом нижнем углу виднелась слабая отметина, словно на это место много раз нажимали пальцем. Эллара надавила дважды. Панель ушла внутрь, открывая узкий тайник.

Внутри лежала единственная тёмная деревянная коробка. Крышки стёрлись. Медная застёжка была отполирована до блеска. Эллара достала коробку и открыла.

Первым, что она увидела, была фотография молодого мужчины.

Ему было не больше тридцати. Черты лица почти в точности напоминали Гидеона, но холод во взгляде принадлежал незнакомцу. На обратной стороне не было даты — только выцветшая надпись.

Северный медицинский транспортный отряд.

Под фотографией лежала серебряная пуговица. Волчья голова на ней почернела от сильного жара. По краям всё ещё держались тёмно-красные следы. Такой же герб Эллара видела в Мункипе.

Он принадлежал королевской линии Вейров.

Она обернула пуговицу носовым платком и потянулась к ней. В тот миг, когда пальцы коснулись металла, кожу пронзила боль. Это был не порез.

Казалось, что-то скрытое внутри холодного серебра проникло прямо в её плоть. Свет в кабинете померк. Женщина закричала у самого уха. Затем послышались быстрые шаги, грохот распахнувшейся деревянной двери и напряжённый голос маленького мальчика, отчаянно старающегося не заплакать.

— Мама велела мне не издавать ни звука.

Эллара отпустила пуговицу. Та с резким металлическим звоном ударилась о дно коробки. Видение исчезло. Солнечный свет снова лёг на стол. На кончике пальца не было раны, но он так замёрз, что почти потерял чувствительность.

Этот голос принадлежал не Лиоре. Ребёнок был старше, возможно, мальчик, которого Эллара никогда раньше не слышала.

Она смотрела на серебряную пуговицу, и в памяти всплыло имя.

Орин.

Сын Ронана и Мейв. Ему было пять лет, когда он погиб под Мункипом.

Прежде чем Эллара успела снова коснуться пуговицы, в коридоре послышались лёгкие шаги. Не Хелены. Не Джулиана.

Босые детские ступни пробежали по деревянным половицам, спустились с лестницы и остановились у двери кабинета.

Эллара закрыла коробку, вернула скрытую панель на место и вытащила из волос тонкую шпильку.

Шаги стихли.

Под дверью не было тени.

Она медленно распахнула её. Коридор оказался пуст.

Белые занавески приподнимались от ветра. Солнечный свет тянулся по полу. Все двери в дальнем конце были закрыты. Спрятаться было негде.

Эллара стояла неподвижно.

За спиной едва слышно звякнул колокольчик.

Чистый, далёкий серебряный звон, будто принесённый ветром.

Она обернулась. Кабинет всё ещё был пуст.

На этот раз заговорила маленькая девочка. Младше того мальчика. И намного ближе её сердцу.

— Мамочка.

Эллара застыла.

Этот голос она не могла спутать ни с каким другим.

Лиора.

Он больше не повторился. Осталось лишь ровное тиканье часов.

Эллара опустила взгляд. Возле окна на полу появился отпечаток половины маленькой босой ступни. По краям лежала серая пыль, а на пятке темнел мазок крови, уже становившейся чёрной.

На календаре по-прежнему было двенадцатое апреля.

До появления Ронана оставалось всего три дня.

Глава 3. И всё же она вышла под дождь

Следующие два дня голос ребёнка не возвращался.

След на полу кабинета исчез ещё до того, как вернулась Хелена, будто единственный зов «мамочка» был лишь видением, оставшимся после перерождения Эллары. Только серебряная пуговица в тайнике доказывала, что она действительно коснулась чужого предсмертного воспоминания.

Эллара больше не открывала деревянную коробку и ничего не сказала Гидеону.

Отец продолжал ездить в клинику, возвращаться домой к ужину, слушать жалобы Джулиана на занятия и чинить для Хелены расшатавшуюся дверцу кухонного шкафа. Со всех сторон он выглядел тем самым человеком, который воспитывал Эллару двадцать три года, а не мясником, который, по словам Ронана, вышел из руин Мункипа.

Утром пятнадцатого апреля над Грейхарбором собрались тяжёлые грозовые тучи.

Эллара приехала в клинику раньше обычного и перенесла все приёмы второй половины дня. Последний пациент ушёл до пяти, вскоре после него она отпустила администратора и медсестёр. Обнаружив пустой зал ожидания, Гидеон поднял журнал записей и перелистнул несколько страниц.

— Почему ты всех перенесла?

— Сегодня будет гроза.

— Клинику не затопит.

— Дороги домой может залить.

Отец посмотрел на неё. Эллара никогда не боялась грома и уж точно не стала бы без его согласия перестраивать расписание клиники из-за погоды.

— В последние дни ты ведёшь себя странно.

— Мне приснился плохой сон. Я хочу уйти пораньше.

Гидеон не стал расспрашивать. Лишь велел администратору перед уходом запереть шкафы с лекарствами. Хелена уже была дома с Джулианом, машина ждала у главного входа. По плану Эллары им оставалось только уехать до темноты. Тот, кто окажется в заднем переулке, на этот раз не будет иметь к ней никакого отношения.

Чуть позже шести небо разрезала молния.

Дождь хлынул почти сразу и забарабанил по окнам так сильно, что улица исчезла за белой стеной воды. Эллара сидела за стойкой приёмной, разбирая документы, но не сводила глаз с часов.

В первой жизни удар в заднюю дверь раздался в шесть двадцать семь. Она решила, что под дождём кто-то ранен. Вышла одна — и впустила Ронана в свою жизнь.

Минутная стрелка медленно двигалась вперёд.

В шесть двадцать один свет в клинике дважды мигнул. Гидеон вышел из помещения с лекарствами и остановился. Он слегка повернул голову, словно уловил в сыром воздухе какой-то запах, а затем посмотрел в сторону заднего коридора.

— Похоже, резервный генератор залило водой.

— Починим завтра.

— Лекарства в холодильниках нельзя оставлять без питания.

Он снял со стены фонарь и направился в техническое помещение. Эллара тут же пошла следом.

— Я с тобой.

— Нет. Останься впереди.

Голос звучал обычно, но у неё сжался желудок. В первой жизни электричество не отключалось. И Гидеона в ту ночь в клинике не было.

Через несколько минут часы показали шесть двадцать семь.

В заднюю дверь с силой ударило тяжёлое тело.

Эллара вцепилась пальцами в край стола.

Это был не гром. И не мусор, опрокинутый ветром. Она знала, кто лежит снаружи, и знала: если останется на месте, этот мужчина может умереть под дождём.

В конце коридора тихо звякнул серебряный колокольчик.

— Мамочка.

Голос маленькой девочки прозвучал так близко, будто она шепнула Элларе прямо в ухо.

Эллара закрыла глаза.

— Не называй меня так.

— У папы так много крови.

— Он тебе не отец.

— Отец.

Эллара обернулась. Возле стойки никого не было, но на плитке появился пыльный детский след. Затем второй. Отпечатки вели в заднюю часть клиники и остановились у входа в коридор.

— Мамочка, он умрёт.

— Пусть умирает.

Эти слова не принесли облегчения. Вместо этого что-то медленно сдавило её грудь.

Из технической комнаты донёсся металлический скрежет.

Вспомнив, как долго там находится отец, Эллара схватила из ящика серебряный нож для писем и поспешила по коридору. Резервный генератор работал нормально. А вот шкаф с лекарствами у стены был отодвинут в сторону, открывая край металлической двери, которой Эллара прежде никогда не видела.

Гидеон пришёл сюда не проверять генератор. Он воспользовался скрытым проходом, чтобы попасть к противоположному концу переулка.

Задняя дверь была приоткрыта. Холодный ветер гнал внутрь дождь и смывал по полу тонкие полосы крови.

Эллара остановилась на пороге. Она знала: один шаг может вновь открыть дорогу, разрушившую её первую жизнь.

Она сильнее сжала нож для писем и всё же вышла под дождь.

Переулок уже наполовину затопило.

У кирпичной стены сидел мужчина. Чёрная рубашка промокла от крови. Из раны под левыми рёбрами поднимались тонкие струйки белого дыма: застрявший внутри серебряный осколок продолжал разъедать плоть. В правой руке он всё ещё держал короткий клинок. Даже в полубессознательном состоянии его тело было готово нанести удар.

Ронан Вейр всё-таки пришёл.

Он выглядел более чужим, чем Эллара его помнила. Мокрые чёрные волосы прилипли ко лбу. Лицо обескровилось, широкие плечи неровно поднимались под ливнем. Когда-то Эллара спала, прижавшись к этим плечам. Осматривала каждый сантиметр его тела после сражений. Помнила его поцелуи, объятия и жар ладони на своей талии.

Знакомство отозвалось раньше ненависти, и от вызванного этим отвращения её едва не стошнило.

Она отступила.

Ронан открыл глаза.

Серый взгляд оставался расфокусированным лишь мгновение, а затем с пугающей точностью остановился на ней. Казалось, он уловил запах, которого не должно было существовать. Его дыхание стало глубже. Он упёрся ладонью в стену, пытаясь подняться.

— Не двигайся.

Эллара подняла нож для писем.

Он проигнорировал предупреждение. Его взгляд скользнул с её лица к шее, зрачки сузились.

— Кто ты?

— Та, кто тебя не спасёт.

Эллара отвернулась. Следом донёсся его хриплый голос.

— Почему от тебя пахнет Орином?

Она остановилась под дождём.

С дальнего конца переулка слышались шаги. Из скрытого выхода появился Гидеон. В руке он держал пистолет, заряженный серебряными пулями, и целился Ронану прямо в сердце.

— Отойди от него.

По-прежнему прислоняясь к стене, Ронан безрадостно усмехнулся.

— Четырнадцать лет, — пробормотал он, глядя мимо Эллара на Гидеона. — И ты всё ещё смеешь быть живым.

Глава 4. Мой отец тебя знает

С карнизов сплошными потоками лилась вода.

Гидеон стоял у входа в переулок и держал пистолет совершенно неподвижно. Эллара никогда прежде не видела оружия в руках отца. И такого выражения на его лице тоже не видела. Словно мягкую маску сорвали, оставив лишь спокойное намерение убить.

— Опусть клинок, — сказал он.

— Ты его знаешь.

— Возвращайся внутрь.

— Ты сказал, что не знаешь Ронана Вейра.

— Сейчас не время.

Раненый мужчина тихо рассмеялся.

— Ты всегда умел лгать, Гидеон.

Палец отца сильнее лёг на спусковой крючок. Ронан потерял слишком много крови, но голову не опустил. Он следил за пистолетом с серебряными пулями, будто рассчитывал, успеет ли вырвать Гидеону горло прежде, чем рухнет на землю.

Эллара шагнула между ними.

— Отойди, — голос Гидеона стал жёстче.

— Ты собираешься стрелять за собственной клиникой?

— Он не должен уйти отсюда живым.

— Почему?

— Он принесёт беду.

— И это единственная причина?

Гидеон промолчал.

Короткий клинок Ронана внезапно блеснул в дожде и вонзился в раствор рядом с сапогом Гидеона. Это движение отняло у него последние силы. Крупное тело сползло по стене, одно колено ударилось о затопленную землю.

Эллара не обернулась.

— Если он умрёт здесь, стоя Серого Клыка пойдёт по его запаху. Как ты объяснишь кровь, серебряную рану и тело?

Гидеон посмотрел на дочь так, словно больше её не узнавал.

— Ты даже знаешь о Сером Клыке.

— Я знаю больше, чем ты думаешь.

После короткого противостояния он опустил оружие.

— Открой заднюю дверь.

Вместе они перенесли потерявшего сознание Ронана в клинику. Шкаф с лекарствами в технической комнате был полностью отодвинут, открывая узкую лестницу за металлической дверью. Подземное помещение оказалось небольшим, но полностью оборудованным: аппараты для переливания крови, инструменты для серебряных ран, запертые шкафы с лекарствами и несколько бутылок почти чёрной жидкости у дальней стены. На стекле был выгравирован герб из крыльев и клыков.

Знак дома Веспер.

Эллара видела его в Дворе Багровой Ночи в своей первой жизни.

Гидеон уложил Ронана на смотровой стол и разрезал пропитанную кровью рубашку. Под рёбрами застрял серебряный осколок. Плоть вокруг почернела, и даже исцеление оборотня не спасло бы его, останься серебро внутри ещё немного.

— Уходи, — велел Гидеон, обеззараживая инструменты.

— Я останусь.

— Ты здесь не нужна.

— Мне нужны ответы.

Он поднял голову. В голосе прозвучало предупреждение.

— Эллара.

Она не сдвинулась с места.

На столе Ронан стиснул край и открыл глаза. Сознание всё ещё было затуманено, но он продолжал втягивать воздух, проверяя запахи в комнате. Когда Эллара подошла к подносу с инструментами, его взгляд последовал за ней.

— Орин...

Щипцы в руке Гидеона замерли. Ронан это заметил.

— Ты всё ещё помнишь его имя.

Гидеон ничего не ответил. Он ввёл инструмент в рану. Всё тело Ронана окаменело, на виске вздулись вены, но он не издал ни звука. Осколок выходил медленно и с резким звоном упал на металлический поднос.

— Не говори о нём при моей дочери, — сказал Гидеон.

— Твоей дочери?

Ронан повернул голову и снова внимательно посмотрел на Эллару.

— Почему в ней его кровь?

Комната погрузилась в тишину. Эти слова прогремели в голове Эллары подобно грому.

— Что это значит?

Ни один из мужчин не ответил. Она подошла ближе к столу.

— Почему во мне кровь Орина?

От потери крови лицо Ронана стало ещё бледнее, но взгляд оставался суровым.

— Спроси своего отца.

— Я спрашиваю тебя.

— Запах не на коже. Он в костях. Кто-то использовал королевскую кровь Вейров, чтобы спрятать внутри тебя другую кровь.

Четырнадцать лет назад Элларе было девять.

В тот год она перенесла страшную болезнь. Жар держался несколько дней, занавески в комнате не открывали. Гидеон всё время сидел у её кровати. Позже Хелена сказала, что болезнь стёрла часть воспоминаний Эллары.

Именно в тот год напали на Мункип. В тот год Орин погиб в подземных помещениях.

Эллара посмотрела на отца.

— Что случилось со мной, когда мне было девять?

— Ты заболела.

— Чья кровь меня спасла?

Его лицо не изменилось, но рука, державшая инструмент, напряглась.

— Мы поговорим об этом дома.

— Это была кровь Орина?

Ронан рванулся в креплениях так сильно, что стол с визгом сдвинулся по полу. Гидеон схватил его за правое запястье и достал из шкафа прозрачный флакон. Увидев его, Ронан ледяным взглядом впился в Гидеона.

— Ты собираешься применить ко мне вампирское успокоительное?

— Я тебя не спасаю.

Гидеон вонзил иглу ему в руку.

— Если ты умрёшь за моей клиникой, Серый Клык проследит твою кровь по всей улице. Мне нужно только, чтобы ты прожил достаточно долго и я смог тебя отсюда убрать.

Ронан сопротивлялся так, что натянулись ремни. Лекарство действовало быстро. Сила покинула его, дыхание замедлилось.

Эллара схватила Гидеона за запястье.

— Ты не можешь вот так закончить этот разговор.

— Сегодня ночью он не умрёт.

— Это не ответ.

— Когда мы вернёмся домой, я расскажу тебе часть правды.

— Часть?

— Достаточно, чтобы ты поняла, почему должна держаться от него подальше.

Глаза Ронана почти закрылись, но он продолжал смотреть на Эллара.

— Как тебя зовут?

Она не ответила.

Гидеон открыл дверь подвала и жестом приказал ей уйти. Пока он очищал инструменты, рядом с дверью повесил запасной ключ. Проходя мимо, Эллара беззвучно спрятала его в рукав.

Отец ничего не заметил.

Перед уходом Гидеон закрепил и лодыжки Ронана. Серебряных полос, встроенных в четыре угла стола, было достаточно, чтобы подавлять силу раненого оборотня.

Эллара уже ступила на лестницу, когда вслед донёлся голос Ронана, смазанный лекарством, но всё ещё узнаваемый.

— Он тебе не рассказал.

Она обернулась.

— Чего не рассказал?

Его губы были в крови, однако взгляд сохранял жестокую ясность.

— Что именно он поместил в твоё тело четырнадцать лет назад.

Глава 5. Ребёнок, который ещё не родился

В тот вечер Гидеон не сдержал обещание.

Хелене он сказал лишь, что в клинике находится политически важный пациент, которому требуется наблюдение. Джулиан ничего не знал о подвале. После ужина он ушёл наверх заниматься музыкой, и неровные звуки спускались вниз, делая тишину за столом ещё тяжелее.

Эллара сидела напротив отца и смотрела, как он режет мясо, будто ничего не произошло.

— Ты обещал всё объяснить.

— Не сейчас.

— Когда?

— После того, как он покинет Грейхарбор.

— Когда Ронан поправится, ты всерьёз думаешь, что сможешь решать, когда ему уйти?

Гидеон положил нож и вилку.

— Я разберусь.

— Так же, как разобрался четырнадцать лет назад?

Хелена подняла голову и перевела взгляд с одного на другую.

— Что произошло четырнадцать лет назад?

— Ей снятся кошмары, — ответил Гидеон.

— Она говорит не так, будто обсуждает сон.

Его лицо оставалось спокойным, но рука под столом сжалась в кулак.

Эллара решила не давить. Хелена явно ничего не знала ни о Мункипе, ни о реликвии Вейров, спрятанной в кабинете Гидеона. Чем больше Эллара расскажет сейчас, тем глубже он закопает остальную правду.

Она поднялась.

— Я устала.

В одиннадцать вечера погас последний свет в доме.

Эллара надела тёмное пальто, взяла украденный ключ и выбралась через окно спальни. Клиника находилась всего в двух улицах. Ливень ослаб, холодный ветер гнался по пустым дорогам, где свет фонарей растягивался длинными тонкими полосами по лужам.

Она вошла через боковую дверь, пересекла тёмную приёмную и снова открыла металлическую дверь за шкафом с лекарствами. В подвале горела одна настенная лампа.

Ронан не спал.

Его правое запястье и обе лодыжки всё ещё были прикованы к столу. Встроенное в раму серебро подавляло силу. Гидеон обработал рану под рёбрами, но лицо почти не порозовело. Услышав шаги, Ронан не сразу открыл глаза.

— Твой отец знает, что ты здесь?

— Когда ты меня заметил?

— Ещё до того, как ты дошла до боковой двери.

Эллара остановилась у стола.

— Все оборотни такие раздражающие?

— Ты многих встречала?

Обычный вопрос выбил её из равновесия.

Она видела, как Ронан превращался в огромного волка и разрывал врагу горло на снегу. Видела, как он возвращался из леса обнажённым, с незажившими ранами на спине. В такие ночи она стирала кровь с его кожи, проводила пальцами вдоль позвоночника, прежде чем он уносил её в постель.

Мужчина перед ней ничего этого не помнил. Он не знал, что когда-то она спала в его объятиях. Не знал, что однажды пронзит её грудь мечом.

Эллара отвела взгляд.

— Ты сказал, что во мне кровь Орина.

— Это не обычный запах.

— Что может королевская кровь?

— Скрыть другую родословную. Оборвать след. Подавить некоторые способности, с которыми человек родился.

— А цена?

Ронан медленно открыл глаза.

— Для полного запечатывания нужна кровь прямой королевской линии. Большинство подходящих доноров уже мертвы.

Холод разошёлся по её пальцам.

— Ты когда-нибудь нашёл тело Орина?

Ронан ответил не сразу.

— Кто сказал тебе, что он умер?

— Ты назвал его имя в переулке.

— Я не говорил ни его возраста, ни того, что он был в подземном помещении Мункипа.

Серый взгляд удерживал её.

— Ты меня знаешь.

— Я знаю, кто ты.

— Что ещё?

После короткой паузы она сказала:

— Твою пару звали Мейв.

Крепления натянулись. Что-то в Ронане резко и страшно изменилось. Сосуды у стены задрожали. Комнату наполнил запах мокрого леса и железа — давление оборотня, приближающегося к границе самоконтроля.

— Кто тебе это сказал?

— У тебя много врагов.

— Они не знали её имени.

— Гидеон знает.

— Конечно, знает.

Ронан попытался приподняться. Из-под повязки проступила свежая кровь.

— Четырнадцать лет назад я вернулся в Мункип и увидел, как он выходит из помещения, где прятался Орин. На его руках была кровь моего сына.

— Ты видел, как он кого-нибудь убил?

Ронан не ответил. Молчание сказало достаточно. Он видел лишь то, что осталось после.

— Значит, ты знаешь не всё.

Эллара вспомнила меч Вейров в церкви Холлоубон. Она тоже решила, что последний увиденный образ был всей правдой. Умерла, так и не услышав окончание предупреждения Ронана.

— Иногда человек держит оружие, но ты всё равно не знаешь, почему клинок опустился.

Ронан внимательно её изучал.

— Ты его защищаешь?

— Я отказываюсь решать, кому верить, только по последнему увиденному мгновению.

Она не произнесла слово «ненавижу». Оно было слишком близко к правде.

Свободная рука Ронана резко метнулась вперёд и сомкнулась на её запястье. Эллара начала двигаться ещё до того, как повернулось его плечо, уходя в сторону с реакцией человека, много раз стоявшего против него.

Они оба замерли.

— Ты двинулась слишком рано, — сказал он.

— Потому что знаю: тебе нельзя доверять.

— Нет.

Большой палец лежал на её пульсе.

— Потому что ты уже видела, как я делаю это движение.

Эллара вытащила из рукава нож для писем и прижала лезвие к его горлу.

— Отпусти меня.

Он не отпустил.

— Ты меня боишься, но на самом деле не хочешь моей смерти.

Она нажала сильнее, пока на коже не выступила тонкая полоска крови.

— Ты слишком высокого о себе мнения.

— Твоя рука не дрожит.

— Это значит, что я не стану колебаться.

Между ними оставались считанные сантиметры. Взгляд Ронана опустился с её глаз на губы, будто он искал на лице незнакомки знакомство, которого не должно было быть. Эллара ненавидела его близость. Ещё больше ненавидела то, что тело всё ещё помнило его запах.

В углу тихо звякнул серебряный колокольчик.

Каждая мышца в её теле напряглась.

У шкафа с лекарствами стояла девочка лет трёх. Белая ночная рубашка была запятнана засохшей кровью. Тёмно-каштановые кудри лежали на плечах. На правой ноге — серебристо-серая туфелька, левая оставалась босой. В маленьком лице не было живого цвета, но глаза были серыми, как у Ронана.

Лиора.

Ребёнок сначала посмотрел на смотровой стол.

— Папа.

Ронан не отреагировал. Он не видел и не слышал её.

Лиора повернулась к матери.

— Мамочка.

Эллара продолжала смотреть прямо перед собой, ещё сильнее сжимая нож для писем. Малейший взгляд в сторону ребёнка сообщил бы Ронану, что там кто-то находится.

— Куда ты смотришь? — спросил он.

— Никуда.

— Твоё лицо изменилось.

— Твоя кровь попала мне на руку.

Лиора бесшумно подошла ближе.

— Почему папа меня не узнаёт?

Эллара не могла ответить. Не смела посмотреть на дочь.

— Здесь темно, — прошептала Лиора. — Я не могла найти ни тебя, ни папу.

Ногти Эллара впились в ладонь.

В первой жизни она всю ночь искала Лиору в церкви Холлоубон и так и не нашла её тела. Под алтарём остались только одна туфелька, колокольчик в форме луны и засохшая внутри камня кровь.

— Перестань, — выдохнула она.

Глаза Ронана стали острее.

— С кем ты разговариваешь?

— Я сказала тебе замолчать.

Лиора дошла до стола и коснулась повязки Ронана. Пальцы прошли сквозь его тело.

— У папы так много крови.

— Он не умрёт, — ответила Эллара.

— Я тебя не спрашивал, — нахмурился Ронан.

Девочка подняла глаза. После долгого колебания она спросила:

— Мамочка, ты всё ещё будешь меня любить?

Лампа мигнула.

Лиора исчезла. Подвал снова стал обычным. Ни колокольчика, ни следов, ни ребёнка — словно её никогда не существовало.

Эллара осталась у стола, не отводя лезвия от шеи Ронана. Выдала её только ладонь. Ногти прорвали кожу, и между пальцами медленно потекла кровь.

Она будет любить Лиору.

Сколько бы жизней ни прожила, она не сможет отвернуться от дочери. Но если Лиора родится снова, оборотни, вампиры и все, кому нужна королевская кровь, вновь начнут на неё охоту.

Ронан посмотрел на кровь в её ладони.

— Чего ты боишься?

Эллара вырвала запястье и спрятала нож для писем обратно в рукав.

— Только того, что убью недостаточно чисто.

Она отвернулась, не позволяя ему увидеть своё лицо. Когда дверь начала закрываться, вслед прозвучал голос Ронана.

— Эллара.

В этой жизни он впервые произнёс её имя.

Она не оглянулась.

Глава 6. Она знает слишком много

Когда Эллара вернулась домой, до рассвета оставалось совсем немного. Хелена и Джулиан ещё спали. Гидеон сидел в гостиной под единственной включённой лампой. Перед ним стояла давно остывшая чашка кофе.

— Ты ходила в клинику.

Это был не вопрос. Эллара положила запасной ключ на стол.

— Ты знал, что я пойду.

— Я надеялся, что ты хотя бы вспомнишь об опасности.

— Похоже, самые опасные вещи всё это время жили рядом со мной.

Его взгляд потемнел.

— Что тебе рассказал Ронан?

— Он сказал, что четырнадцать лет назад видел, как ты выходил из убежища Орина, а руки у тебя были в крови мальчика.

Выражение Гидеона почти не изменилось.

— И ты ему веришь?

— Я жду твою версию.

— Оборотень, ослеплённый мстью, исказит всё, что увидел.

— А ты солжёшь, чтобы защитить тайну.

Они смотрели друг на друга через стол.

Когда-то Эллара доверяла этому человеку безусловно. В детстве, когда она боялась грома, Гидеон сидел возле её кровати, пока она не засыпала. Во время её первой самостоятельной поездки он звонил каждый день, чтобы убедиться, что она в безопасности. Спустя годы, когда она привела домой Ронана, Гидеон невзлюбил его, но всё равно приготовил ужин для незнакомца.

Эта любовь была настоящей. Как и кровь Орина внутри её тела.

— Что случилось со мной, когда мне было девять?

— Ты заболела.

— Я спрашиваю не о жаре.

— Если я расскажу сейчас, дому Веспер будет легче тебя найти.

— Что они ищут?

Он не ответил.

Поняв, что этой ночью больше ничего не добьётся, Эллара повернулась к лестнице. Гидеон заговорил ей вслед.

— Больше не встречайся с Ронаном.

— Он прикован в твоём подвале.

— Это не значит, что тебе следует к нему приближаться.

— Почему? Потому что он тебя узнал или потому что может раскрыть то, что ты сделал?

Гидеон поднялся.

— Он никогда ни к кому не приближается без цели.

Эллара едва не рассмеялась. В первой жизни ей потребовались годы, чтобы понять именно это.

— Я знаю его лучше, чем ты думаешь.

Она поднялась вверх.

Вскоре после восхода солнца вдали раздался протяжный волчий вой. Первый донёсся с окраины города. Второй — уже ближе. Третий, казалось, прокатился по всей улице.

Гидеон немедленно вышел из комнаты.

Эллара оделась и последовала за ним в клинику. Когда они вошли в техническое помещение, Ронан не спал. Половина крепления на правом запястье была разорвана, а на обитой серебром раме остались глубокие борозды.

Рана всё ещё кровоточила, однако взгляд был намного яснее, чем прошлой ночью.

— Ты их позвал, — сказал Гидеон.

— Я пропал на целую ночь.

— Клиника обработана так, чтобы скрывать запах оборотней.

— Связь со стаей держится не только на запахе.

Ронан посмотрел мимо Гидеона на Эллару.

— Ты всё ещё мне не ответила.

— Не помню, чтобы была обязана тебе отвечать.

— Ты знаешь Мейв и Орина. Узнаёшь мои движения. Знала, как Серый Клык будет искать пропавшего альфу.

— Ничто из этого не доказывает, что я знаю тебя.

— Что ты видела прошлой ночью?

Её лицо не изменилось.

— Ты потерял слишком много крови. Тебе привиделось.

— Видения были не у меня.

Гидеон повернулся к дочери.

— Что произошло?

— Ничего.

На губах Ронана появилась холодная, едва заметная улыбка. Он не разоблачил её ложь. Только продолжал смотреть так, словно уже решил: она скрывает больше, чем Гидеон.

Наверху разбилось стекло.

В клинику одновременно вошли несколько человек, не пытаясь скрываться и не проявляя никакой вежливости в человеческом здании. Гидеон вытащил пистолет.

— Убери, — сказал Ронан. — Ты не сможешь убить их всех.

Дверь технической комнаты с треском распахнулась внутрь.

— Ронан.

Эллара узнала низкий мужской голос.

Марек Холт нашёл Грейхарбор.

Глава 7. Стая Серого Клыка

Замок продержался всего несколько секунд.

Когда деревянная дверь раскололась внутрь, Гидеон навёл оружие на вход. Первым вошёл высокий широкоплечий мужчина с короткими тёмно-каштановыми волосами и старым шрамом, пересекавшим левую бровь. Открыто Марек оружия не носил, но под пальто скрывались два серебряных клинка, один был закреплён внутри левого сапога.

Женщина за ним была в длинном чёрном пальто. Волосы собраны, на бедре висела кожаная сумка с лекарствами. Несса. Эллара много лет жила рядом с ними обоими.

После исчезновения Лиоры в первой жизни Марек тайно расследовал действия членов Совета старейшин и оказался за это в тюрьме. Несса была одной из немногих целительниц, согласившихся лечить ребёнка смешанной крови. Но к тому времени Эллара уже не доверяла ни одному оборотню и так и не выслушала их объяснения полностью.

В этой жизни они встречались впервые. Она не могла назвать их по именам. Не могла показать, что они ей знакомы.

Марек сначала посмотрел на Гидеона, едва скрывая враждебность, затем заметил Эллару.

— Где Ронан?

— Здесь нет никого, кого вы ищете, — ответил Гидеон.

В подвале лопнул металл.

Ронан разорвал крепление на запястье. Серебро в столе всё ещё подавляло большую часть силы, но не могло бесконечно удерживать восстанавливающегося альфу. Он поднялся по лестнице, одной рукой опираясь о стену. Чёрная рубашка была распахнута, край повязки пропитался кровью.

Марек резко повернулся к нему.

— Кто это сделал?

— Никто из находящихся здесь.

— Мы уезжаем. Немедленно.

— Сначала нужно разобраться ещё с одним вопросом.

Ронан взглянул на Эллару.

Это не было защитой. И не приглашением. Так лидер оценивал угрозу, которую ещё не взял под контроль. В первой жизни он смотрел на неё точно так же, прежде чем ограничить её передвижения «ради её безопасности», поставить охрану у двери и объявить, что каждое решение служит интересам стаи.

Эллара подавила поднимающееся отвращение и отказалась встречаться с ним взглядом.

Несса подошла к Ронану и быстро осмотрела рану.

— Серебро извлекли чисто. Лекарство выбрали неверно.

— У меня не было лучшего варианта, — сказал Гидеон.

— Был.

Только тогда Несса внимательно посмотрела на Эллару. Сразу приближаться не стала, а сначала вдохнула воздух между ними.

— Кто она?

— Дочь Гидеона, — ответил Ронан.

— Человек?

— Не полностью.

Взгляд Нессы задержался на горле Эллары.

— Подойди сюда.

— Я не ранена.

— Внутри тебя печать.

Эллара не сдвинулась. Несса шагнула вперёд. Гидеон немедленно преградил ей путь.

— Не прикасайся к ней.

— Мне не нужно касаться её, чтобы почувствовать королевскую кровь.

Выражение Марека изменилось.

— Чью?

— Орина, — ответил Ронан.

Комната погрузилась в мёртвую тишину.

Потрясение на лице Марека сменилось яростью. Его правая рука потянулась под пальто. Эллара знала: если Гидеон сделает хотя бы малейшее угрожающее движение, Марек сначала выхватит нож из левого сапога.

Она едва не предупредила отца, но вовремя остановилась. Она не должна была этого знать.

Гидеон тоже почувствовал опасность. Пистолет оставался опущенным, но мог подняться в любую секунду.

— Это вас не касается, — сказал он.

— В ней кровь Орина, — ответил Марек. — И ты всё ещё утверждаешь, что это нас не касается?

— Это произошло четырнадцать лет назад.

— Возможно, для тебя это уже старая история.

Ронан поднял руку, останавливая своего заместителя.

— Если ты убьёшь его сейчас, мы ничего не узнаем.

Челюсть Марека напряглась, но он опустил руку.

Несса снова осмотрела Эллара, теперь гораздо осторожнее.

— Печать разрушается.

— Насколько всё серьёзно? — спросил Ронан.

— Пока невозможно определить. Её истинный запах подавлялся слишком долго, а королевская кровь теряет силу. Если так продолжится, дом Веспер снова сможет её обнаружить.

— Я могу восстановить печать, — холодно сказал Гидеон.

— Если бы мог, она не стояла бы сейчас перед нами в таком состоянии.

Несса посмотрела на Эллара.

— В последнее время ты постоянно мёрзла, слышала голоса, которых не было, или видела то, чего не замечали другие?

Перед глазами Эллара всплыло бескровное лицо Лиоры.

— Нет.

Ронан слегка повернул голову в её сторону. Он явно не поверил. Несса не стала настаивать.

— Чтобы определить происхождение печати, ей нужно вернуться в Мункип. Лунный колодец распознает кровь Вейров и, возможно, покажет, как её стабилизировать.

— Она не поедет, — немедленно сказал Гидеон.

— Это не тебе решать, — ответил Ронан.

— Но и не тебе.

Оба мужчины снова начали решать за неё.

Эллара немного послушала, затем перебила:

— Я поеду.

Гидеон резко повернулся.

— Ты не знаешь, что такое территория Блэкпайн.

Она знала её до боли хорошо.

Знала, что зимой северный коридор Мункипа холоднее всех остальных. Знала, что второе окно в зале совета никогда не открывается. Знала отметины на стойке кровати в восточной спальне, которые Ронан вырезал собственными руками.

Она любила там одного человека.

И там же потеряла дочь.

— Именно поэтому я должна увидеть всё сама, — сказала Эллара.

Ронан внимательно посмотрел на неё.

— Ты не боишься?

— Чего мне бояться?

— Многие в Мункипе хотят смерти твоего отца.

— Кажется, этого хотят уже все в этой комнате.

Её голос оставался ровным, будто поездка в Блэкпайн была обычным расследованием. Никто не заметил руку, сжатую под рукавом.

Окончательное решение вынесла Несса.

— Выежаем на рассвете. Печать может долго не продержаться.

Эллара не возражала.

Ей нужно было вернуться в Мункип — не ради Ронана и не ради крови Вейров. Она войдёт в помещение, где погиб Орин, и сама узнает, что сделал её отец.

Глава 8. Я не человек

Вернувшись домой, Эллара больше не дала Гидеону возможности тянуть время.

Хелена сидела в гостиной, накинув на плечи лёгкую шаль. Джулиана отправили ночевать к другу — явно по настоянию Гидеона. На столе стояли три нетронутые чашки чая, а через приоткрытое окно в комнату проникал сырой воздух после грозы.

Гидеон закрыл дверь.

— Ты не можешь поехать с ними.

— Сначала скажи, кто я.

— Эллара...

— Несса почувствовала во мне три вещи: человеческую кровь, вампирскую и кровь Орина.

Пальцы Хелены сильнее сжали чашку. Эллара это заметила.

— Мама, ты знала?

— Я знала, что твой отец не обычный человек. Знала, что ты и Джулиан можете унаследовать некоторые... особенности.

Хелена посмотрела на мужа.

— Но он сказал, что ни на одном из вас это не отразится.

— Что значит «не обычный»?

Гидеон сел напротив них. После долгого молчания произнёс:

— Я вампир.

Ему ответило только тиканье часов.

Эллара уже подозревала правду, но, услышав её вслух, всё равно почувствовала незнакомый холод. Этот мужчина был её отцом с самого рождения, а она не знала ни его настоящего возраста, ни родословной, ни фамилии.

— Веспер?

Он не стал отрицать.

— При рождении меня звали Гидеон Веспер.

Хелена резко подняла голову. Даже она этого не знала.

— Ты говорил, что больше не имеешь никакого отношения к этой семье.

— Я ушёл от них много лет назад.

— В том числе четырнадцать лет назад? — спросила Эллара.

Гидеон посмотрел на неё.

— В тот год твоя способность впервые пробудилась. У тебя начался жар. По ночам ты разговаривала с пустыми комнатами и называла по именам умерших пациентов. Дом Веспер проследил тебя по крови.

В памяти всплыли обрывки болезни в девять лет: закрытые занавески, один таз красной воды за другим, игла в руке отца. Эллара считала эти картины лихорадочными снами. Теперь она задумалась, сколько людей ждало снаружи, чтобы её забрать.

— Зачем я им была нужна?

— Ты унаследовала способность, которой не было очень давно.

— Видеть мёртвых?

— Не только.

Объяснять дальше он отказался. Эллара не упомянула Лиору.

Дочь была единственной тайной, которую она не отдаст никому. В первой жизни все фракции знали, что у Лиоры необыкновенная кровь. В конце концов каждая из них захотела использовать ребёнка.

В этой жизни имя Лиоры никто не услышит от Эллары.

— Поэтому ты использовал кровь Орина.

— Королевская кровь способна оборвать слежение вампирской семьи и подавить твою способность.

— Где ты её взял?

Гидеон замолчал.

— Ронан видел, как ты выходил из убежища Орина.

— Он видел не всё.

— Тогда расскажи мне всё.

— Не могу. Пока нет.

Эллара смотрела на него.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что некоторые истины лишь сделают тебя уязвимее.

— Орину было пять. Ты использовал его кровь, чтобы сохранить мне жизнь, и всё же считаешь, что я не имею права знать, как он умер?

Выражение лица Гидеона едва заметно изменилось.

— Я никогда не пожалею, что спас тебя.

— Я спрашивала не об этом.

Хелена поставила чашку.

— Когда ты спасал её, кому ты причинил вред?

Гидеон не посмотрел на жену.

— Я сделал то, что было необходимо.

— Это не ответ.

— Хелена.

— Это был тот ребёнок?

Он продолжал молчать.

Краска медленно сошла с лица Хелены. Она не заплакала и не повысила голос. Просто встала и подошла к окну. Её молчание было тяжелее любого обвинения.

Эллара подавила смятение. Она всё ещё любила отца. Именно поэтому не могла принять обвинение Ронана без доказательств. Но и объявить Гидеона виновным в убийстве Орина до завершения расследования тоже не могла.

Однако кровь пятилетнего мальчика бесспорно находилась внутри неё.

— А Джулиан?

— Его вампирская кровь слишком слаба. Дом Веспер его не заметил.

— Значит, печать наложили только на меня.

— Да.

— Почему она разрушается сейчас?

Гидеон долго смотрел на неё.

— Возможно, это связано с переменами, которые произошли в тебе за последние дни.

Он не знал, что она вернулась после смерти, но заметил: его дочь стала другой.

Эллара поднялась и взяла пальто.

— Утром я еду в Блэкпайн.

— Я запрещаю.

— Один раз ты уже выбрал за меня жизнь.

— Тебе было девять.

— А сейчас я беру сама.

Гидеон преградил ей путь. В его глазах проступил тёмно-красный цвет — не как угроза, а как страх, который он больше не мог скрывать.

— Ронан везёт тебя туда не ради помощи. Он подозревает, что ты связана со смертью Орина. И использует тебя, чтобы вынудить меня выйти из укрытия.

— Я знаю.

— Ты его не понимаешь.

Никто не понимал лучше Эллары подозрительность Ронана, его выбор между долгом и чувствами и привычку заканчивать каждый спор одной фразой: «ради блага стаи».

— Возможно, — ответила она.

Гидеон понизил голос.

— Если уедешь с ним, можешь уже не вернуться.

— Тогда подготовь ответы, которые отказываешься мне дать.

Она обошла его. От окна заговорила Хелена.

— Гидеон, сегодня ночью не приходи за мной наверх.

Он остановился.

— Хелена.

— Я не хочу делить с тобой комнату.

Поднимаясь по лестнице, Эллара увидела Лиору на верхней ступени. Девочка сидела, обхватив колени. Она ничего не сказала. Только смотрела вниз на своего деда. В серых глазах не было страха — лишь печаль, которую не должен знать ни один умерший ребёнок.

Эллара прошла мимо, не останавливаясь и не позволяя никому внизу заметить, куда направлен её взгляд.

Глава 9. Возвращение в Мункип

На рассвете колонна Серого Клыка покинула Грейхарбор.

Эллара сидела на заднем сиденье второй машины. Слева от неё находилась Несса, справа была запертая дверь. Марек вёл автомобиль. Ронан занимал переднее пассажирское место.

Гидеон не появился. Проводить её пришла только Хелена, передав дорожную сумку с одеждой и лекарствами.

Мать не просила её остаться.

— Вернись живой, — сказала она лишь это.

Город остался позади, здания сменились лесом. Территория Блэкпайн находилась в северных горах. Человеческие дороги доходили только до внешней границы; дальше оборотни пользовались собственными старыми путями.

Эллара прислонилась к окну и молчала.

Ронан время от времени наблюдал за ней через зеркало. Она замечала каждый взгляд и ни разу не ответила. Знакомство, оставшееся от первой жизни, и без того было опасным. Нельзя позволить кому-либо увидеть, что всё ещё скрывается под ненавистью.

После полудня колонна достигла развилки. Марек собирался свернуть направо. Увидев горный проход, Эллара сжала пальцы.

В первой жизни промокнувший от дождя склон обрушился ближе к сумеркам.

Камни повредили плечо Ронана, и им пришлось провести ночь в заброшенной охотничьей хижине. Отопления там не было. Когда Эллара не могла перестать дрожать, он сначала завернул её в своё пальто, а потом прижал к телу. Его ладонь проскользнула под свитер, согревая кожу на талии. Простое желание согреться превратилось в поцелуй, который ни один из них не смог остановить.

Когда-то это воспоминание было одним из самых дорогих.

Теперь казалось лишь горькой нелепостью.

— Езжай по левой дороге, — сказала она.

Все посмотрели на неё. Марек не убрал рук с руля.

— Старый путь закрыт много лет.

— Правая дорога небезопасна.

— Погода уже прояснилась.

Эллара поняла, что заговорила слишком быстро, и откинулась назад.

— Тогда не обращай внимания.

Ронан обернулся.

— Ты уже бывала здесь?

— Нет.

— Почему считаешь правую дорогу опасной?

— Гроза смыла склон. Открытые пласты породы разного цвета.

Марек посмотрел на далёкую скалу, но ничего не сказал. Решение принял Ронан.

— Езжай налево.

— Мы потеряем час.

— Выполняй.

Колонна свернула. Меньше чем через три часа разведчик сообщил по рации, что правый склон обрушился и полностью завалил дорогу.

В машине повисла тишина. Марек смотрел на Эллара через зеркало.

— Как ты это увидела?

— Я уже объяснила.

— Из машины нельзя было так ясно разглядеть склон.

Она больше ничего не сказала.

На закате колонна остановилась в пограничном доме. Несса настояла на том, чтобы заново перевязать Ронана, пока остальные ждали снаружи. Эллара сидела на дальнем конце веранды и слушала приглушённый звон инструментов за дверью.

В другой жизни она сама делала эту работу.

Ронан не любил, когда кто-то касался старых ран, и отказывался лечиться у большинства целителей. Только Эллара могла заставить его сидеть неподвижно. Она вставала перед ним на колени, снимая повязки, и пальцы намокали от его крови. Когда заканчивала накладывать швы, он хватал её за затылок и поднимал к себе для поцелуя, словно боль требовала другого выхода.

Воспоминание было слишком живым.

Эллара встала и отошла дальше от двери.

Вскоре вышел Ронан. Чёрная рубашка оставалась расстёгнутой, у талии виднелся край свежей повязки. Он заметил её и продолжил идти.

— Ты меня избегаешь.

— Не люблю смотреть, как раненные мужчины делают вид, будто они неуязвимы.

— Ты знала, что я не люблю, когда другие меняют мне повязки?

— Теперь знаю.

Он остановился перед ней и всмотрелся в лицо.

— Когда ты впервые меня увидела, то не смотрела на незнакомца.

— Я смотрела на тебя с отвращением.

— Для отвращения нужна причина.

Эллара подняла глаза. С такого расстояния в нём ничто не отличалось от мужчины, которого она помнила: серые глаза, очертания челюсти, старый шрам под воротником — тело, которое она когда-то целовала.

Мужчина, который однажды будет держать её на руках, пока она умирает от его меча.

— Некоторым людям нужно совсем мало времени, чтобы стать невыносимыми.

— Тогда почему ты вышла под дождь?

— Потому что Гидеон исчез.

— Ты посмотрела на меня так, будто уже знала.

— И как это выглядело?

Ронан помолчал.

— Будто я уже причинял тебе боль.

Старая рана в груди словно раскрылась снова. Эллара сохранила ровное дыхание.

— Ты придаёшь себе слишком большое значение.

Она прошла мимо него и вернулась к машине.

До наступления полной темноты они достигли Мункипа.

Древняя крепость стояла в самой высокой точке долины, тёмные каменные стены тянулись вдоль обрыва. У главных ворот горели факелы. Герб с волчьей головой всё ещё висел там, где она помнила, а на стенах сохранялись обугленные шрамы от резни четырнадцатилетней давности.

Эллара остановилась, выйдя из машины.

Она прожила здесь много лет. Видела первый снег с восточной террасы, спорила со старейшинами в зале совета и носила новорождённую Лиору по всем коридорам.

Теперь здесь не было ни её портрета, ни детской игрушки, ни малейшего следа того, что когда-то она была хозяйкой Мункипа.

Ронан сам провёл её в главный зал.

— Гостевая комната находится в западном крыле.

Эллара последовала за ним, не глядя на восток. Она знала, что тот коридор ведёт к спальне Ронана. Знала, что камин за третьей дверью плохо тянет. Нельзя было ошибаться.

На середине коридора впереди появилась Лиора.

Девочка стояла между двумя настенными лампами. Один раз посмотрела на Ронана, затем повернулась к северному крылу, запечатанному четырнадцать лет назад. Ничего не говоря, остановилась перед деревянной дверью, скованной цепями, и указала на вырезанное имя.

ОРИН ВЕЙР.

Эллара не пошла за ней и не замедлила шаг. И всё же Ронан заметил краткое движение её глаз.

— На что ты смотришь?

— На след от огня на стене.

— Там нет следа.

Она встретила его взгляд без единой перемены в лице.

— Значит, ошиблась.

Эллара продолжила идти к гостевой комнате. Позади неё Лиора осталась у двери Орина.

Глава 10. Он был не один

После полуночи Мункип погрузился в полную тишину. Эллара не спала.

Она дождалась смены охраны у своей комнаты, надела пальто и выскользнула в коридор. Лампы не горели, но лунного света из окон было достаточно, чтобы различать дорогу по каменному полу.

Лиора больше не появилась.

Эллара помнила дверь. Цепи, запечатывавшие старую детскую, не были тронуты. Она только подняла руку, когда сзади прозвучал голос Ронана.

— Куда ты идёшь?

Эллара обернулась, не показывая испуга. Он стоял в нескольких шагах в чистой одежде. Рана всё ещё влияла на движения. Оружия при нём не было, однако взгляд казался опаснее, чем днём.

— Не могла уснуть. Решила прогуляться.

— Все гости Мункипа во время прогулки направляются прямо в крыло, запечатанное четырнадцать лет?

— Я не знала, что сюда нельзя.

— Ты ни разу не свернула не туда.

Эллара посмотрела на вырезанное имя.

— Теперь знаю.

Ронан подошёл и встал между ней и дверью.

— Это была комната Орина.

Тон оставался почти бесстрастным, но рука у его бедра медленно сжалась.

— После резни сюда никто не входил.

— Почему?

— На двери кровавый замок, оставленный прямой линией Вейров. Открыть его не может никто, кроме членов королевской семьи.

Эллара посмотрела на серебряный механизм.

Она не хотела показывать Ронану ещё одну невозможную вещь. Но комната Орина была совсем рядом, а пуговица из тайника Гидеона пришла именно отсюда. Если упустить возможность, Ронан наверняка удвоит охрану.

Эллара протянула руку.

Как только кончик пальца коснулся замка, подавленная внутри неё сила ответила. Один за другим на механизме вспыхнули серебряные волчьи знаки. Цепи сами ослабли и с тяжёлым грохотом упали на пол.

Выражение Ронана изменилось.

Они оба молчали.

Дверь медленно открылась, выпуская пыль и запах горелого дерева.

Детская застыла в той ночи резни. Окна были заколочены досками. Половина детской кровати сгорела. На стене остались следы от серебряных клинков. В углу валялась детская одежда, среди неё — тёмно-синее пальто без верхней серебряной пуговицы.

Эллара узнала пустое место. Предмет из кабинета отца принадлежал этому пальто.

Она подошла ближе. Дыхание Ронана стало тяжелее.

— Не трогай.

Слишком поздно.

Пальцы коснулись ткани, и комната вокруг изменилась.

За окнами вспыхнул огонь. Женщина опустилась на колени у детской кровати и торопливо открыла люк в полу. Лицо было в крови, через одно плечо проходила глубокая рана.

Мейв.

Она подняла пятилетнего Орина и опустила в тесный тайник, обхватив его лицо обеими ладонями.

— Что бы ты ни услышал, не издавай ни звука.

Мальчик дрожал от сдерживаемых рыданий, но отчаянно кивнул.

— Ты вернёшься, мама?

Мейв поцеловала его в лоб и не ответила.

Люк закрылся. Его взгляд поглотила темнота. Орин свернулся, обеими руками зажав рот. Над ним раздались удары, бег, крики, а затем глухое падение тела.

Шаги остановились прямо сверху.

Доска поднялась. В проёме появился Гидеон. Он выглядел моложе. Белая рубашка почти полностью пропиталась кровью, в правой руке оставался серебряный клинок.

Орин смотрел вверх, слишком испуганный даже для дыхания.

— Мама велела не издавать ни звука, — прошептал он.

Гидеон ничего не сказал.

Сзади подошла другая фигура. Орин видел только бледную руку и чёрное кольцо на указательном пальце. На печати был крылатый герб дома Веспер.

Сверху заговорила женщина.

— Вытащи его.

Гидеон не двинулся.

— Он всего лишь ребёнок.

— Ты понимал цену, когда принял приказ.

— Вам нужна только его кровь.

— Мне незачем оставлять в живых того, кто сможет нас запомнить.

Орин глубже забился в тайник. Гидеон наклонился и поднял его. Мальчик закричал, зовя мать, и видение яростно задрожало. Женское кольцо приблизилось. Серебро разрезало кожу. Детский крик стал пронзительнее.

Кровь оборвала воспоминание.

Эллара вырвалась из видения. Холод затопил тело. Колени подогнулись.

Ронан поймал её прежде, чем она упала. Одна рука обхватила талию и прижала её к нему.

Знакомый запах окружил Эллару. По привычке она вцепилась в его рубашку. В первой жизни Ронан ловил её так бесчисленное количество раз. Даже после ссор она прислонялась к его груди и позволяла ударам сердца успокоить себя.

Тело помнило.

Разум помнил меч.

Эллара сразу оттолкнула его и схватилась за обгоревшую раму кровати.

— Не прикасайся ко мне.

Он больше не приблизился.

— Что ты увидела?

— Мой отец был здесь.

— Что ещё?

Температура тела всё ещё падала, но голос оставался ровным.

— Он был не один.

Ронан посмотрел на открытый люк.

— Я никогда не утверждал обратного.

Эллара подняла голову.

— Ты знал, что здесь находились другие вампиры?

— Когда я вернулся в Мункип, оставались три разных запаха. Гидеон был лишь тем, кого я узнал.

— Тогда почему ты охотился только за ним?

— Потому что он ушёл с кровью Орина.

Простого ответа на это не было.

Воспоминание не доказало невиновность Гидеона. Он открыл тайник, вынес Орина и подчинился приказам дома Веспер. Видение оборвалось прежде, чем показало, кто нанёс последнюю рану.

Ронан поднял пальто без пуговицы.

— Что сохранил твой отец?

Эллара промолчала.

— Пуговица у него.

Это не было вопросом.

— Она доказывает только то, что он находился здесь.

— Разве этого мало?

— Возможно, для тебя. Не для меня.

— Тебе нужно увидеть, как он убивает Орина, чтобы поверить?

— Мне нужна вся правда.

Ронан держал детское пальто. В его лице не осталось тепла.

— Правда не становится легче только потому, что ты узнаёшь её целиком.

Эллара посмотрела на него.

— Ты не имеешь права мне это говорить.

Она повернулась, и носок туфли ударился о твёрдый предмет. Эллара присела и смахнула пепел с маленького почерневшего металлического обломка. На одном краю сохранились древние письма Весперов. С обратной стороны от огня уцелела всего одна буква.

S.

Ронан забрал фрагмент. Изменение в его лице было едва заметным, но Эллара увидела.

— Ты знаешь, кому это принадлежит.

— Возможно.

— Назови имя.

Он сжал обломок в кулаке.

— Сначала мне нужно подтверждение.

— Подтверди после того, как скажешь.

— Нет.

Ещё одна тайна. Всё как раньше. Даже в этой жизни он собирался давать ей только те части, которые сам считал дозволенными.

Эллара смотрела на него, пока последний упрямый остаток привязанности не утонул под гневом.

— Оставь свои тайны себе.

Она прошла мимо.

Коридор за комнатой Орина лежал во тьме. Эллара не оглянулась и поэтому не увидела, как Ронан остался в разрушенной детской, крепко сжимая в руке обгоревший фрагмент.

Глава 11. Дочь мясника

Эллара не успела отойти от детской и на десять шагов, когда зрение начала затягивать темнота. Холод не проникал сквозь кожу — он расходился наружу из глубины костей. Она схватилась за стену, прижала пальцы к ледяному камню и почти ничего не почувствовала.

Дверь детской закрылась позади. Ронан сразу последовал за ней.

— Остановись.

Эллара проигнорировала его. Впереди была гостевая комната западного крыла. Если она доберётся туда и переждёт приступ холода, никто не увидит её слабой.

На следующем шаге колено подломилось.

Прежде чем Эллара ударилась о пол, Ронан поймал её. Спина прижалась к его груди, знакомое тепло прошло сквозь одежду. Она немедленно опёрлась о перила и вывалилась.

— Отпусти.

— Ты даже идти не можешь.

— Тебя это не касается.

Он посмотрел на её бескровные губы и закончил спор, просто подняв Эллара на руки.

Она вся напряглась.

Он уже носил её так по Мункипу.

В первую зиму их брака Эллара подвернула лодыжку на снегу. В зале совета ждала целая очередь старейшин, но Ронан на глазах у всех отнёс её в восточное крыло. Тогда она спрятала смех у него на груди и шутливо зацепила пальцем воротник.

Теперь она помнила только церковь Холлоубон и то, как эти же руки держали её остывающее тело.

— Поставь меня.

— Когда сможешь стоять, снова сможешь мне приказывать.

— Я не одна из твоих волчиц.

— Я знаю.

Он не отпустил её.

Эллара проглотила гнев. Соппротивление лишь показало бы ещё больше слабости, поэтому она молчала, пока он нёс её в лазарет западного крыла.

Несса раскладывала медицинскую сумку. Увидев их, она сразу откинула одеяло на свободной кровати.

— Положи её.

— Я могу сидеть.

Как только Эллара коснулась матраса, Несса перехватила её запястье. Целительница нахмурилась.

— Температура слишком низкая для живого человека. Чего ты коснулась?

— Старого пальто.

— Что увидела?

Эллара посмотрела на Ронана. Он стоял у изножья и явно не собирался уходить.

— Неполное воспоминание.

Несса вылила содержимое одного из двух флаконов в тёплую воду.

— Пей.

Смесь была невыносимо горькой. После нескольких глотков чувствительность начала возвращаться к пальцам.

Несса села напротив.

— Какое сегодня число?

— Восемнадцатое апреля.

— Как зовут твоего брата?

— Джулиан.

— Сколько ему лет?

Эллара открыла рот.

Ответ должен был прийти без усилий. Джулиану девятнадцать. Только в прошлом месяце Хелена испекла ему праздничный торт, а он жаловался, что она поставила слишком много свечей. Эллара помнила каждую картину, но само число словно вычерпнули из памяти.

Через несколько секунд она произнесла:

— Девятнадцать.

Взгляд Ронана потемнел. Несса выглядела так, будто ожидала этого.

— Чтение отголоска мёртвого имеет цену. Сейчас возникло лишь временное замешательство. В следующий раз исчезнувшее может не вернуться.

— Что я могу потерять?

— Никто не знает. Дату. Событие. Возможно, лицо того, кого ты меньше всего хочешь забыть.

Эллара крепче сжала чашку.

Мир уже однажды стёр Лиору. Она не могла позволить своему разуму сделать то же самое.

— С этого момента, — сказал Ронан, — она не будет в одиночку касаться предметов, связанных с резнёй.

— У тебя нет права меня ограничивать.

— Это Мункип.

— И что?

— Ты находишься под моим надзором.

Эллара посмотрела на него.

— Ты меня не защищаешь. Ты пытаешься контролировать то, чего не понимаешь.

— Да.

Ответ прозвучал без колебаний и на мгновение лишил её слов.

Ронан никогда не умел притворяться. Когда хотел контроля, признавал это. Когда выбирал стаю, не прятал решение за чувствами.

Эта прямота только делала каждое предательство в первой жизни ещё яснее.

Снаружи раздались быстрые шаги. Вошёл Марек с мрачным лицом.

— Аларик прибыл в крепость.

— Так быстро? — спросил Ронан.

— Заседание Лунного совета и без того было назначено здесь на сегодняшнее утро. Аларик и несколько старейшин ночевали во внешней крепости. Когда открылся северный кровавый замок, королевская тревога дошла до них напрямую.

Марек взглянул на Нессу.

— Предварительный отчёт тоже уже отправлен Совету.

Эллара посмотрела на целительницу. Несса не отвела глаз.

— Закон Мункипа. Всё, что касается королевской крови, не может решаться одним Серым Клыком.

В отчёте уже наверняка говорилось, что Эллара — дочь Гидеона Веспера и носит кровь Орина под разрушающейся печатью.

При имени Аларика каждое её нервное окончание напряглось.

Отец Мейв. Один из самых яростных противников существования Лиоры в первой жизни.

Эллара всё ещё помнила его в зале совета, когда он заявил, что ребёнок, осквернённый вампирской кровью, никогда не сможет унаследовать трон Вейров.

Дверь лазарета снова открылась.

Снаружи стоял седой мужчина, за ним — несколько членов Лунного совета. Ему было за шестьдесят, но телосложение оставалось мощным, а серые глаза сильно напоминали глаза Мейв.

— Дочь Гидеона Веспера, — сказал он.

Ему не требовалось спрашивать, кто она.

Аларик вошёл и вдохнул, распознавая запах внутри её тела.

— В ней действительно кровь Орина.

Ронан встал между ними.

— Мы ещё не знаем, что произошло.

— Что здесь ещё выяснять? — голос Аларика оставался низким, но ненависть тяжело давила на комнату. — Её отец устроил бойню в Мункипе. Она с тех пор живёт благодаря крови моего внука. А теперь ты привёл дочь мясника в место, где погибла моя дочь.

— Она способна читать отголоски той ночи.

— Вампирская сила всегда требует платы.

Аларик смотрел на Эллару как на нечто, украденное у трупа.

— Извлеките королевскую кровь.

— Насильственное отделение убьёт её, — сказала Несса.

— Тогда пусть умрёт.

Ронан шагнул вперёд.

Давление альфы обрушилось на помещение.

— Пока я не узнаю, почему кровь Орина оказалась в её теле, никто к ней не прикаснётся.

Аларик посмотрел ему в глаза.

— Ты сохраняешь её ради ответов или забыл, чьим отцом являешься?

Ронан не ответил.

Глубоко в груди Эллары поселился холод.

Конечно, он помнил Орина.

Но в исчезнувшей жизни он был и отцом Лиоры.

Теперь это знала только Эллара.

Глава 12. Лунный колодец

В тот же день Лунный совет потребовал суда королевской крови.

Лунный колодец находился глубоко под крепостью. К нему вёл проход за большим залом. Каменные ступени спускались между древними белыми огнями духов. На стенах были высечены имена Альфа-королей, коронованных у этого источника.

Последняя колонна заканчивалась именем предыдущего короля. С тех пор Лунный колодец не признал никого. Вода занимала центр круглой площадки — чёрная и неподвижная, как стекло без отражения.

К приходу Эллары Совет уже разделился по обеим сторонам. Аларик стоял впереди фракции чистокровных, не скрывавших враждебности. Напротив ждали Марек и Несса. Ронан стоял рядом с колодцем, а не на месте, предназначенном для наследника.

На площадку вышел пожилой жрец.

— Лунный колодец определяет кровь. Он не судит вину. До завершения обряда никто не имеет права действовать.

— А после? — спросил Аларик.

Ронан взглянул на него.

— После решу я.

— Ты ещё не Альфа-король.

— Это всё ещё моя территория.

Жрец не обратил внимания на спор и жестом подозвал Эллару.

— Опусти руку в воду, — тихо сказала Несса. — Что бы ты ни почувствовала, не сопротивляйся.

— Что произойдёт?

— Если печать создана кровью Орина, колодец его узнает.

Эллара погрузила правую руку в воду.

Сначала ничего не изменилось. Затем из ладони поднялся серебряный узор и быстро пополз по запястью. Из-под воды донёсся низкий вой, похожий на ответный зов молодого волка, внезапно оборванный во тьме.

Все оборотни в помещении напряглись. Впервые Аларик заметно дрогнул.

— Орин.

Но серебряный рисунок продолжал подниматься. Между пальцами Эллары выступили тёмно-красные жилы и переплелись с королевским светом. Вода закипела, наполняя помещение сладким металлическим запахом вампирской крови.

— Кровь Весперов, — сказал жрец.

Несколько чистокровных потянулись к оружию.

Не оборачиваясь, Ронан произнёс:

— Уберите руки.

Они не подчинились сразу. Давление альфы обрушилось на них физической тяжестью. Руки отдёргнулись от оружия.

Затем вода почернела.

Вокруг зала зажглись лампы духов, не горевшие поколениями. Их бледный огонь не давал тепла и осветил имена всех умерших волчьих королей.

Бесчисленные голоса хлынули в уши Эллары — плач, шёпот, последние обрывки дыхания. Казалось, она стоит в зале, переполненном мёртвыми, и каждый зовёт её обернуться.

Она вырвала руку из воды.

Лампы погасли. Только пламя возле самого колодца продолжало дрожать.

Никто не говорил. Жрец выглядел куда сильнее потрясённым, чем при виде её вампирской крови.

— Это не сила, рождённая среди волков.

— Она осквернила Лунный колодец, — заявил Аларик.

— Нет.

Несса опустила руку у площадки и осмотрела исчезающие узоры.

— Колодец лишь ответил тому, что уже находилось внутри неё.

— В ней живёт смерть.

— Это не значит, что она ею управляет.

— Когда начнёт, будет уже поздно.

Аларик шагнул вперёд. Его сторонники последовали за ним. Ронан преградил путь к площадке.

— Никто к ней не прикоснётся.

— Ты выступишь против Лунного совета ради полукровки Весперов?

— Я выясняю, что сделали с кровью Ориана.

— То, что находится в ней, принадлежало ему.

Прежде чем противостояние переросло в столкновение, Несса наклонилась ниже и серебряной иглой разделила оставшиеся линии.

— Это не просто кровавая печать.

Ронан повернулся.

— Что ты имеешь в виду?

— В неё вплетён защитный знак внутреннего двора Мункипа.

Марек подошёл ближе.

— Ты уверена?

— Полностью.

Несса указала на тонкую серебряную нить между королевской кровью и письменами вампиров.

— Такой узор существует только в королевских архивах и замках внутреннего двора. Обычные члены стаи не имеют к нему доступа. Чужак не смог бы воспроизвести его настолько точно.

Аларик оглядел зал.

— Вампиры могли скопировать его с руин.

— Возможно, — ответила Несса. — Или кто-то передал им знак ещё до резни.

Враждебность в помещении изменила направление.

Четырнадцать лет назад дом Веспер не просто получил кровь Ориана. У них был королевский защитный знак, который никогда не должен был попасть к чужакам. Скопировали ли его после нападения или использовали изнутри, чтобы открыть Мункип, пока никто не знал.

Ронан посмотрел на Эллару.

— Твой отец знает.

— Тогда спроси его.

— Он не ответит.

— Как и ты.

Они смотрели друг на друга через Лунный колодец.

Ни один не стал отрицать.

Глава 13. Отец Мейв

В тот же день Аларик послал за Элларой. Посланник ничего не объяснил, лишь сообщил, что старейшина ждёт её на восточном кладбище. Услышав об этом, Ронан назначил двух охранников. Эллара остановила их у входа.

— Если Аларик намерен меня убить, вы двое его не остановите.

Они не ушли, но держались на расстоянии.

Кладбище находилось на теневой стороне горы, куда почти не доходил солнечный свет. Ряды камней тянулись под чёрными соснами. На большинстве была одна и та же дата — четырнадцать лет назад.

Могила Мейв стояла впереди. Рядом — меньший камень.

ОРИН ВЕЙР.

Под ним не было костей. Только запятнанная кровью одежда и игрушки, найденные в детской.

Аларик стоял между могилами с белыми горными цветами в руке. Он положил их перед камнем Мейв и повернулся к Элларе.

— Ты её видела.

Это был не вопрос.

— В отголоске.

— Как она выглядела в конце?

Эллара вспомнила женщину в свете огня — кровь на лице, рану в плече и обе руки, твёрдо державшие лицо Орина.

— Она знала, что не вернётся.

Аларик закрыл глаза.

На мгновение он перестал быть старейшиной, потребовавшим смерти Эллары. Остался только отец, четырнадцать лет оплакивавший дочь.

— Она спрятала Орина?

— Да.

— Он боялся темноты.

Эллара посмотрела на маленький камень.

— Он не издал ни звука.

Дыхание Аларика сбилось.

— Пока его не нашли.

Ветер прошёл через сосны.

— Его нашёл твой отец, — сказал Аларик.

— Там была ещё одна женщина.

— Это не меняет того, что Гидеон забрал его.

— Я и не говорила, что меняет.

Аларик изучал её.

— Если бы кто-то использовал кровь твоего ребёнка, чтобы сохранить жизнь дочери другой семьи, что бы ты сделала?

Пальцы Эллары напряглись.

Лиоре было всего три. От неё не осталось даже целого тела. Если бы кто-то взял её кровь ради спасения другого ребёнка, Эллара ненавидела бы. Хотела бы убить. Невинность выжившего ребёнка не облегчила бы принятия.

— Сначала я нашла бы того, кто сделал этот выбор.

— Выжившие всегда предпочитают говорить о выборе.

— Тот, кого спасли, мог никогда не знать цену.

— Но теперь ты знаешь.

Его взгляд похолодел.

— Каждый день твоей жизни держится на смерти Орина.

Эллара не отвела глаз.

— Значит, ты хочешь моей смерти.

— Я хочу вернуть ему то, что принадлежало ему.

— Даже если это его не воскресит?

— По крайней мере, кровь больше не останется внутри дочери мясника.

Эллара не стала себя защищать.

После долгой паузы она спросила:

— Почему четырнадцать лет назад Ронана не было в Мункипе?

Выражение Аларика изменилось.

— На границе сообщили о нападении. Он увёл большую часть бойцов Мункипа.

— Донесение было ложным.

— Да.

— Кто его отправил?

— На письме стояла официальная печать Северного совета. Когда он обнаружил обман, было уже поздно.

Значит, Ронан не просто бросил Мункип. Кто-то намеренно выманил его и лишил крепость защиты.

— Он три дня искал среди руин, — продолжил Аларик. — Тело Мейв нашли в большом зале. От Орина осталась только кровь. Ронан всегда считал себя причиной их смерти.

— А ты так считаешь?

— Он был наследником Вейров. Решение увести основные силы принял он.

— Даже если письмо подделали, провал остаётся его виной?

— Наследник не освобождается от ответственности лишь потому, что его обманули.

Эллара подумала о первой жизни.

Ронан не похищал Лиору лично, но не сумел предотвратить её смерть в церкви Холлоубон. Он был главой стаи, отцом и мужчиной, который пришёл слишком поздно.

Неудача не исчезает только потому, что ты не держал руку убийцы.

В этом они с Алариком были согласны.

— Ты его ненавидишь, — внезапно сказал Аларик.

— Я ненавижу многих.

— Ты не смотришь на Ронана как на человека, которого увидела впервые.

— Кажется, все в Мункипе одержимы изучением моих глаз.

Он не стал настаивать.

Перед её уходом Аларик сказал:

— Не принимай решение Ронана сохранить тебе жизнь за личную привязанность. Как только вина Гидеона будет доказана, он сам извлечёт королевскую кровь.

Эллара не ответила.

Она никогда не ожидала, что Ронан будет защищать её в этой жизни. По крайней мере, не позволяла себе этого ожидать.

Когда она вернулась в гостевую комнату, дверь всё ещё была заперта.

Внутри на ковре лежала сложенная записка.

Покинь Мункип. В следующий раз предупреждения не будет.

На одном краю осталась тёмная смола.

Смола чёрной сосны — вещество, которым охранники Мункипа обрабатывали тетивы и кожу.

Кто бы ни написал это послание, он находился внутри крепости.

Глава 14. Кто-то хочет её смерти

Эллара не отдала записку Ронану.

На следующее утро, после осмотра Нессы, она попросила показать общедоступные документы четырнадцатилетней давности. Марек выделил молодого охранника и предупредил, что ей разрешено находиться только в читальном зале первого этажа.

Эллара без возражений согласилась.

Архив занимал северо-западный угол Мункипа. Два этажа соединяла старая лестница. На середине подъёма служитель отозвал охранника, заявив, что его вызвал Ронан.

Момент был слишком удобным.

Эллара позволила ему уйти. Она поднялась одна, прекрасно понимая, что за ней наблюдают. Намеренно оставила им возможность.

Железная дверь второго этажа была не заперта. За ней коридор стоял неестественно пустым. Как только Эллара вошла, дверь с грохотом захлопнулась, замок опустился. Над головой щёлкнул механизм.

Она задержала дыхание.

Из вентиляции посыпался серебристо-серый порошок, смешанный с подавляющим ядом, особенно опасным для вампирской крови. При соприкосновении он обжигал. Разрушающаяся внутри печать стянулась вокруг сердца подобно проволоке.

Закрыв рот пальто, Эллара побежала к противоположному выходу.

Заперто.

Зрение затуманилось. Под кожей разливался жар, вокруг глаз проступил тёмно-красный цвет. Она вставила нож для писем в механизм, но внутри замка было серебро. От кончиков пальцев поднялся белый дым.

Снаружи не слышалось шагов.

Тот, кто устроил ловушку, понимал и её родословную, и способ атаковать печать Орина.

Эллара отступила и ударила ногой по замку. Первый удар ничего не дал. Второй слегка погнул дверь.

Дышать становилось всё труднее.

Соскальзывая по стене, она вспомнила подземную камеру Мункипа в первой жизни. Ронан называл заключение защитой, пока охрана стояла снаружи, а Эллара снова и снова повторяла, что ничего не знает о прошлом Гидеона.

Запереть человека и назвать это безопасностью — всё так же отвратительно.

Снаружи раздался сокрушительный удар.

Первый расколол раму. Второй вырвал серебряный замок.

Ронан вошёл прямо в облако яда.

Серебряная пыль обожгла его голые руки и горло при первом прикосновении. Он не замедлился. Накрыв лицо Эллара своим пальто и поднял её на руки.

Движение разорвало повязку под рёбрами. Кровь растеклась по рубашке.

— Не дыши.

Эллара не сопротивлялась. Сил не было.

Он вынес её через коридор, пока ожоги на руках становились глубже, и ни разу не замедлился, пока не добрался до открытого воздуха.

Как только он поставил её, Эллара отстранилась и ухватила за каменные перила, закашлявшись.

— Почему ты ушла с первого этажа? — потребовал он.

— Дверь наверху была открыта.

— Значит, ты поняла, что что-то не так, и всё равно вошла.

— Как иначе заставить того, кто прячется здесь, действовать?

Ронан смотрел на неё.

— Тебе прислали предупреждение.

Она не ответила.

— Ты не выглядела заблудившейся. Ты выглядела человеком, который ждёт, когда ловушка захлопнется.

Эллара не стала отрицать.

— Ты использовала себя как приманку.

— Это сработало.

— Ты едва не погибла.

— Все вы начинаете говорить о защите только после того, как опасность уже миновала.

Он схватил её за руку. Серебряные ожоги на ладони всё ещё дымились, но хватка осталась сильной.

— Отдай записку.

Эллара вырвалась.

— Ты мне не приказываешь.

— Это моя территория.

— Тогда объясни, почему внутри твоей крепости кто-то может менять назначения охраны и устраивать коридор, предназначенный специально для моего убийства.

Ронан посмотрел на повреждённую дверь.

— Как ты узнал, что я здесь? — спросила она.

— Охранник сказал, что я приказал ему уйти. Я такого приказа не отдавал. Когда кто-то включил механизм архива, командная комната сообщила Мареку. Я был рядом.

Значит, он пришёл не из-за неё. Он отреагировал на поддельный приказ и сработавшую защиту.

Нежелательное движение в груди Эллары стихло.

— Ты скорее войдёшь одна, чем скажешь мне, что тебе угрожали, — произнёс Ронан.

— Я не доверю свою жизнь лидеру, который не смог сохранить жизнь собственным людям.

Наступила тишина.

Она говорила о Мейв и Орине — и о ребёнке, которого помнила только она.

Челюсть Ронана напряглась, но он не вспыхнул.

— Записка.

Эллара достала её из кармана и бросила ему в грудь.

Вскоре прибыл Марек с остальными. Молодого охранника притащили снизу. Его лицо посерело, по коже стекал пот, пальцы неудержимо дрожали.

Увидев его, Несса сразу нахмурилась.

— Пока не допрашивайте. С ним что-то не так.

Ронан поднёс записку к лицу охранника.

— Кто приказал тебе уйти?

— Не посланник... — тяжело выдохнул молодой волк.

— Кто?

— Кто-то из Совета. Серебро на его манжете...

Его скрутил жестокий кашель. Из рта хлынула чёрная кровь.

Несса успела лишь поддержать его за плечи. Через несколько секунд он перестал дышать.

Марек проверил рот.

— Капсулы с ядом нет.

Несса проколола кончик его пальца. Кровь полностью почернела.

— Яд уже был внутри. Кто-то с самого начала не собирался оставлять его в живых.

Она закатала рукав. Кожу неоднократно разрезали, но сохранились остатки крылатого знака.

Дом Веспер.

Охранник успел назвать только две улики: член Совета и серебро на манжете.

Влияние вампиров проникло в Мункип.

Или никогда его не покидало.

Глава 15. Временный союз

До полудня Мункип запечатали. Серый Клык взял под контроль все выходы. Покидать крепость запретили даже членам Лунного совета.

Аларик ворвался в зал заседаний и ударил тростью о камень.

— Ты заключаешь Совет ради дочери Гидеона?

Ронан стоял во главе длинного стола. Ожоги на руках и шее обработали, но кожа оставалась красной. Раскрывшуюся рану пришлось перевязать снова.

— Внутри Мункипа применили яд Весперов.

— Она могла принести его сама.

— Если бы она хотела убить себя, ей не потребовались бы три изменённых назначения охраны.

Эллара сидела напротив, обожжённая ладонь была перебинтована. Несса разложила на столе документы: журналы дежурств, записи о выдаче ключей и перемещения людей возле архива. Все три документа меняли разные руки и в разное время, однако каждое изменение очищало нужный участок в один и тот же час.

— Это было спланировано, — сказала Эллара.

— Тебе виднее, — ответил Аларик.

— Они отвели охрану, включили механизм и назначили уже отравленного человека, чтобы он привёл меня туда. Если целью было только убийство, способ получился неоправданно сложным.

Марек посмотрел на неё.

— Думаешь, им нужно было что-то ещё?

— Они проверяли, смогут ли очистить коридор, изменить записи, привести одного человека в запертую комнату и возложить вину на того, кто уже мёртв.

— Зачем это проверять?

— Потому что в следующий раз человека могут привести туда не для того, чтобы убить на месте.

Комната стихла. Ронан наблюдал за ней.

— Ты считаешь, они собираются кого-то похитить.

— Я считаю, это повторится.

Она не объяснила, что в ночь исчезновения Лиоры в первой жизни расписание охраны тоже нарушилось. Патруль северного крыла перевели к главным воротам, оставив детскую без наблюдения на сорок минут.

Кто-то повторял тот же способ.

— Ты уже видела это раньше, — сказал Ронан.

— Я знаю, что к моменту появления доказательств кого-то обычно уже невозможно спасти.

— Пророчество без источника, — усмехнулся Аларик.

— Сначала докажи, что я ошибаюсь, а потом насмехайся.

Ронан приказал проверить каждого, кто входил в Мункип за последние три месяца. Когда члены Совета ушли, он велел Мареку закрыть двери. Остались только трое.

Марек положил на стол старый пожелтевший журнал.

— Серый Клык собрал эти сведения после резни. Здесь перехваченные письма Весперов, наблюдения на границе и показания вампиров. Многие имена всё ещё скрыты кодовыми обозначениями, но высшего командира удалось установить.

Наверху было написано полное имя.

СЕРАФИНА ВЕСПЕР.

Марек положил рядом оттиск с жетона казни.

— Фрагмент из детской был частью приказа Чёрного Крыла. Выдать такой мог только командир операции. Среди отправленных на север людей, чьё имя начиналось с S и у кого имелся необходимый уровень власти, была только одна.

— Серафина Веспер, — произнёс Ронан. Голос стал ниже. — Верховная Кровавая жрица Двора Багровой Ночи. Когда-то она управляла обрядами и казнями Чёрного Крыла. Гидеон служил непосредственно под её началом, а четырнадцать лет назад именно она командовала северной операцией.

Эллара никогда не слышала этого имени, но тело отозвалось необъяснимым узнаванием, словно когда-то она стояла рядом с чем-то смертельно опасным, а смерть перерезала воспоминание прежде, чем она успела ясно увидеть.

Она скрыла реакцию.

— Где она сейчас?

— Во Дворе Багровой Ночи.

— Зачем она была в Мункипе?

— Ради крови Вейров. Возможно, ради тебя. В тот же год твой отец получил кровь Орина, чтобы запечатать твою силу. Что бы ни произошло, Серафина могла уже тогда знать о твоём существовании.

Ронан подвинул к ней фрагмент.

— Наиболее разумное объяснение: Гидеон участвовал в резне, чтобы добыть кровь Орина для твоей печати, Серафина приказала убить свидетелей, а дом Веспер использовал операцию для уничтожения королевской линии.

— Разумное не значит полное.

— Я знаю.

Впервые он не попытался подавить её сомнения собственным выводом.

— Я хочу получить все документы четырнадцатилетней давности, включая запечатанные Советом.

— Разрешаю.

— Твои люди не будут мешать мне касаться реликвий.

— Несса должна присутствовать.

— Ты не заставишь меня раскрывать каждый отголосок.

— Всё, что касается Орина, ты расскажешь.

— Я сама решу, касается ли это его.

Они смотрели друг на друга через стол.

Наконец Ронан сказал:

— Ты соглашаешься на одно условие.

— Какое?

— Больше не используешь себя как приманку.

Эллара едва не рассмеялась.

— Ты обо мне беспокоишься?

— Если ты умрёшь, след оборвётся.

Разумеется.

Нежелательное движение в груди исчезло.

— Согласна.

Ронан протянул руку. Эллара не пожалала её. Вместо этого положила металлический фрагмент ему в ладонь.

— Ещё одно условие. Ты не трогаешь Гидеона без доказательств.

— Если доказательства покажут, что он убил Орина...

— Сначала я услышу всё.

— Я его убью.

Ронан говорил спокойно. Эллара встретила его взгляд.

— Тогда тебе лучше доказать, что ты сам заслуживаешь дожить до того дня.

Это не было миром. Лишь два человека, скрывающих собственную правду, временно решили не убивать друг друга первыми.

Несса вошла с результатами осмотра погибшего охранника.

— Есть кое-что ещё.

Она положила на стол маленький кусок ткани, вырезанный с внутренней стороны его воротника.

— Помимо вампирского яда, на коже, волосах и одежде обнаружена высокая концентрация ритуальных благовоний. Недавно он находился в закрытом помещении, где их жгли, а возможно, сам работал с пеплом.

Марек вдохнул запах и помрачнел.

— Благовоние Чистой Луны.

— Где его используют? — спросила Эллара.

— В подготовительных комнатах перед официальными заседаниями Лунного совета. Обычные охранники туда не допускаются. Только члены Совета, ритуальные жрецы и старшие служители.

Погибший волк побывал в комнате, предназначенной для Совета и его ближайших слуг.

Это ещё не называло предателя.

Но тот, кто работал с домом Веспер, находился внутри Лунного совета — или достаточно близко, чтобы входить в его внутренние помещения.

Глава 16. Три лжи

После ухода Лунного совета зал заседаний не затих.

За дверями продолжали спорить о приказе Ронана закрыть крепость. Сапоги снова и снова пересекали длинный коридор. Марек поставил охранников Серого Клыка у обоих выходов. Каждый, кто покидал внутреннюю крепость, должен был заново зарегистрироваться: имя, звание, место назначения и причина ухода.

Эллара не вернулась в комнату. Осталась у длинного стола и разложила те же три набора документов в другом порядке: расписание дежурств, журнал выдачи ключей и список перемещений в коридорах вокруг архива.

На первый взгляд они описывали разные вещи, но у всех был один и тот же недостаток.

Ничего не стирали. Кто-то сдвигал время, переставлял имена и менял порядок назначений так, что места, которые никогда не должны были оставаться без охраны, пустовали в совершенно определённые часы. Обнаружить это было сложно: каждое имя оставалось в списке и каждая должность действительно существовала. Узор проявлялся лишь тогда, когда все три документа сравнивали рядом.

Кто-то внутри Мункипа очищал путь.

Ронан сидел на противоположном конце стола. Несса обработала ожоги от серебряного порошка, но на шее оставались красные пятна. Рана под рёбрами снова раскрылась. Поскольку Нессу вызвали осматривать погибшего охранника, перед уходом она успела лишь туго её перевязать.

Марек положил перед Элларой ещё одну стопку.

— Списки, которые ты просила.

Она открыла первую папку. В ней были имена всех, кто четырнадцать лет назад получил ложный призыв с границы; нынешние члены Лунного совета и их старшие служители; каждый, кто входил за последние три месяца в подготовительную комнату Совета или архив; а в конце — история доступа к запечатанным королевским документам.

Ронан наблюдал, как она переворачивает страницы.

— С чего собираешься начать?

— Заставлю их ошибиться.

— Они уже ошиблись.

— Один охранник мёртв, а оставленные им улики заставляют всех подозревать друг друга.

Эллара закрыла папку.

— Наш враг умеет изменять документы и возлагать вину на мёртвого. Если мы последуем только за доказательствами, которые нам специально оставили, всегда будем на шаг позади.

Первым понял Марек.

— Ты хочешь распространить ложные сведения.

— Не одно.

Эллара подтянула к себе три чистых листа.

— Три.

Ронан не остановил её.

— Что в них будет?

На первом она написала, что Серый Клык восстановил полный список агентов Весперов, участвовавших в нападении четырнадцать лет назад, из скрытого кода на фрагменте Чёрного Крыла.

На втором — что Гидеон Марлоу согласился приехать в Мункип и открыто дать показания Лунному совету.

В третьем объявила: королевскую кровь Орина, оставшуюся внутри неё, извлекут во время повторной процедуры через три дня.

Марек прочитал все три листа и нахмурился.

— Ничего из этого не правда.

— Именно поэтому они полезны.

— Кто их получит?

— Первое сообщение пройдёт через запечатанный архив.

Эллара сложила лист.

— В нём будет сказано, что восстановленный список временно хранится в западном хранилище реликвий.

Она подняла второй.

— Это отправим через внешнее связное отделение Серого Клыка. Адресуем пограничной группе, которая якобы сопровождает Гидеона. Местом встречи назовём старый зал у северных ворот.

Затем коснулась третьего.

— А это попадёт в подготовительную комнату Совета как уведомление о проверке. Местом отделения крови укажем заброшенный старый лунный зал.

— И дальше? — спросил Ронан.

— Поставим разные группы наблюдения у западного хранилища, северного зала и старого лунного помещения. Место, против которого они выступят, покажет, какой канал скомпрометирован.

Марек всё ещё сомневался.

— Они могут ничего не сделать.

— Тогда выпустим второй набор.

— Могут двинуться ко всем трём местам.

— Значит, в Мункипе больше одного предателя.

Она говорила так, будто сортировала музейные предметы, а не расставляла три ловушки в коридорах, где могли погибнуть люди.

Ронан внимательно изучал её.

— Ты уже делала такое раньше?

Пальцы замерли на сургуче.

В первой жизни Эллара не делала ничего подобного. Она принимала каждый ответ, который ей давали: отчёты охраны Мункипа, обещание Ронана найти Лиору, веру в то, что если ждать достаточно долго, кто-нибудь вернёт ей ребёнка.

Она ждала, пока не нашла только церковь Холлоубон, окровавленные остатки Лиоры и меч Вейров в собственной груди.

— Я прожила достаточно, чтобы научиться.

Ронан не отвёл глаз. Он услышал паузу перед ответом, но не стал давить.

Эллара взяла у Марек три разные печати. У первой был отколот верхний левый угол. Через центр второй проходила горизонтальная линия. Для третьей использовался серебристо-серый сургуч подготовительной комнаты Совета, и возле края намеренно оставили маленький след ногтя.

— Полный план знаем только мы трое, — сказала она.

— А Несса? — спросил Марек.

— Ей знать не нужно.

— Группы наблюдения?

— Каждая знает только место, которое охраняет. Ни одной не сообщают о двух других.

— Марек всё устроит, — сказал Ронан.

Эллара не возражала. Она знала: он никогда не позволит ей единолично управлять охраной Мункипа. Важно было то, что план он не отверг.

После ухода Марека с тремя ложными сообщениями в зале остались только Эллара и Ронан. Она собрала списки и повернулась к двери.

Ронан потянулся за лежавшим рядом пальто. На середине движения тело окаменело вокруг раны под рёбрами. Он ничего не сказал, остановился только на время, необходимое, чтобы справиться с болью, а затем продолжил тянуть пальто.

Эллара посмотрела на красное пятно, расплывшееся по повязке.

— Ты собираешься и дальше позволять ей кровоточить?

— Несса обработает.

— Она осматривает труп.

— Я могу сменить повязку сам.

Он взял лекарство и чистые бинты с угла стола. Одна рука всё ещё была повреждена серебром, поэтому одежда поддавалась плохо. Засохшая кровь приклеила рубашку к коже. Дважды он не смог снять старую повязку, не разрывая рану сильнее.

Эллара несколько секунд наблюдала, затем пересекла комнату и забрала у него ножницы.

— Сядь.

Он приподнял брови.

— Я думал, ты отказываешься доверять мне свою жизнь.

— Я отказываюсь позволить единственному человеку, который сейчас готов дать мне доступ к запечатанным королевским документам, умереть из-за неправильно перевязанной раны.

— Это не звучит как беспокойство.

— Потому что им не является.

Ронан сел.

Эллара разрезала окровавленную ткань и сняла слои. Рядом со свежей раной проходил старый шрам, бледный, как серебро, по диагонали от рёбер к талии.

В первой жизни она проводила по нему пальцами бесчисленными ночами. Он остался после нападения, случившегося до двадцатипятилетия Ронана. В холод мышцы вокруг становились жёсткими, хотя он никогда не признавал, что ему больно; во сне просто избегал лежать на левом боку.

Пальцы Эллара остановились возле шрама.

Всего на один удар сердца.

Ронан заметил.

— Ты уже его видела.

Она прижала лекарственную салфетку к раскрытой ране. Живот Ронана резко напрягся, дыхание стало глубже.

— Твои раны честнее твоего лица.

— Это не ответ.

— Шрам не скрыт.

— Ты точно знала, куда не нужно давить.

— Любой увидит, что давление возле старой травмы причинит боль.

— Ты не смотрела.

Эллара взяла чистую повязку.

Он был прав. Руки помнили путь без помощи глаз: вокруг спины, под старым шрамом и через место, где мышцу стягивало сильнее всего. К тому времени, когда Эллара осознала движение, повязка уже была надёжно завязана.

Ронан продолжал смотреть на её лицо.

— Эллара.

В голосе не было обвинения. Именно поэтому он звучал опаснее.

Она выпустила ткань.

— Готово.

— Ты уходишь от вопроса.

— Ты задал вопрос, на который нет полезного ответа.

— Для меня ответ был бы полезен.

— Тогда продолжай гадать.

Эллара повернулась к двери. Пальцы только сомкнулись на ручке, когда он заговорил снова.

— Что с тобой произошло, если каждый человек в комнате для тебя возможный предатель?

Она не оглянулась.

— Проживи достаточно долго и научишься.

— Тебе двадцать три.

Она открыла дверь.

— Для некоторых это уже достаточно долго.

Ближе к полуночи зазвонила тревога у старого лунного зала.

Марек прибыл лично. Боковую дверь, которой не пользовались много лет, пытались вскрыть. Замок не открылся полностью, но кто-то ввёл в механизм тонкую иглу, пропитанную разъедающей жидкостью. Наблюдатели никого не увидели. Приблизившийся человек знал теневые проходы Мункипа достаточно хорошо, чтобы исчезнуть до срабатывания тревоги.

У двух других мест ничего не произошло. К западному хранилищу никто не подошёл. Старый зал северных ворот остался нетронутым.

Марек положил перед Элларой почерневшую иглу.

— Третье сообщение.

Только в третьем ложном отчёте был назван старый лунный зал.

Утечка шла из подготовительной комнаты Совета.

Эллара изучала разъеденную иглу.

Наконец она нашла первую нить, за которую можно потянуть.

Глава 17. Серебряная запонка

К следующему вечеру Лунный совет официально потребовал снять блокаду.

Старейшины, жрецы и старшие служители снова собрались в главном зале заседаний. По их мнению, один погибший охранник и взломанный архив не давали Ронану права ставить весь Совет под наблюдение Серого Клыка.

Первым заговорил Аларик.

— Со вчерашнего дня твои люди следят за экипажами, перепиской и слугами каждого члена Совета.

Он стоял слева от длинного стола, и всё его лицо выражало осуждение.

— У тебя нет ни короны, ни признания Лунного колодца. По какому праву ты заключаешь представителей семи стай?

Ронан сидел во главе стола.

— В Мункипе применили яд Весперов. Этого права достаточно.

— Обвинение держится на словах мёртвого охранника.

— И на изменённых записях.

— Которые доказывают лишь то, что кто-то касался архивов.

— Для меня этого достаточно, чтобы запечатать собственную территорию.

Взгляд Аларика ожесточился.

— Мункип не личная резиденция Серого Клыка.

— Каждый, кто входит в Мункип, подчиняется моим приказам.

Эллара сидела справа от Ронана. За этим местом не закреплялась никакая должность, но оно находилось ближе всех к нему. С любой стороны, если начнётся насилие, он успеет добраться до неё раньше остальных.

Аларик это заметил.

— Почему она здесь?

— Потому что вы обсуждаете человека, которого уже пытались убить.

— Она часть подозрения, а не член Совета.

Ронан даже не повернул головы.

— Она остаётся.

— Ты допускаешь дочь Гидеона к внутренним делам Лунного совета.

— Она уже ближе к правде, чем большинство людей за этим столом.

После такого ответа несколько лиц с обеих сторон потемнели.

Эллара не участвовала в споре. Она следила за рукавами.

Официальные старейшины носили серебряные застёжки в форме полумесяца. По краям жреческих мантий шла тонкая серебряная вышивка. Старшие служители, отвечавшие за документы Совета, ритуальные предметы и внутреннюю связь, носили запонки с серебряной волчьей головой.

Умирающий охранник успел сказать лишь несколько слов: кто-то из Совета; серебро у рукава.

Возможно, он не видел лица нападавшего. Возможно, одной одежды оказалось достаточно, чтобы понять, к какой группе тот принадлежал.

В середине заседания вдоль стола прошёл служитель, доливая воду в стаканы. Мужчине было около тридцати, тёмно-каштановые волосы аккуратно зачёсаны, внешность намеренно ничем не напоминалась. Его звали Сирил Хорн. По записям Мункипа он одиннадцать лет работал в подготовительной комнате Совета.

Эллара посмотрела на запонки.

Серебряная волчья голова на левом рукаве потемнела от использования, края покрывали мелкие царапины. Правая выглядела заметно новее. Поверхность всё ещё блестела, а линии под волчьей челюстью были глубже, чем на парной запонке.

Сирил остановился возле Эллары и поднял кувшин.

Она не сразу отпустила стакан. Когда его рука приблизилась, Эллара намеренно коснулась пальцами запястья.

Он отшатнулся прежде, чем успел себя остановить.

Рукав отодвинулся, открывая узкую рану на внутренней стороне запястья. Она почти зажала, но формой напоминала следы многократного трения о жёсткий металлический край.

— Прошу прощения, мисс Марлоу.

Он немедленно отступил.

— Ничего страшного.

Эллара подняла на него глаза. Лицо оставалось спокойным: ни явного страха, ни неловой попытки спрятать отметину. Он продолжил обслуживать следующего старейшину.

Однако внимание Ронана переместилось с Сирила на пальцы Эллары.

Заседание закончилось, так и не заставив Аларика полностью принять блокаду. Компромисс был узким: членам Совета разрешили передвигаться внутри Мункипа, но каждое письмо, транспорт и внешнее сообщение по-прежнему проходили проверку Серого Клыка.

Когда остальные ушли, Эллара осталась у стола и продолжила изучать документы.

Сзади прозвучал голос Ронана.

— Тебе обязательно было касаться его руки?

Она обернулась.

— А как ещё я могла увидеть запонку?

— Пусть Марек её снимет.

— Если Сирил невиновен, под каким предлогом ты разденешь служителя посреди заседания Совета?

— Препятствие расследованию.

— Очень похоже на злоупотребление властью.

— Ты обвиняешь меня в этом не впервые.

Эллара закрыла папку.

— Ты ревнуешь?

Ронан посмотрел на неё.

Прошло две секунды.

— Мне не нравится смотреть, как ты намеренно приближаешься к подозреваемому, пока кто-то в этой крепости пытается тебя убить.

— Только это?

— А что ещё должно быть?

Она сделала шаг к нему.

— Допустим, я просто решила, что он красивый.

Ронан не отступил. Между ними оставалось меньше половины шага.

— Тогда ему не повезло.

— Почему?

— Потому что в тот миг, когда ты к нему подошла, он стал подозреваемым в первую очередь.

Эллара тихо рассмеялась.

— Использовать расследование для личной мести.

— Ты могла бы держаться от него подальше и не создавать недоразумения.

— Я не обязана управлять твоими недоразумениями.

Ронан опустил взгляд к её лицу.

— И тебе не обязательно продолжать проверять, есть ли у меня такое недоразумение. Веселье исчезло с лица Эллары.

Он всё понял.

Она проверяла, способен ли этот Ронан почувствовать к ней то же, что в первой жизни. И ещё хуже — способна ли его реакция всё ещё доставить ей удовлетворение.

Ни одного ответа она не хотела признавать.

Прежде чем молчание стало тяжелее, вошёл Марек.

— Мы проверили записи Сирила Хорна.

Он передал папку Ронану.

— Он пришёл в Мункип одиннадцать лет назад. Сначала работал во внешней крепости на регистрации поставок, шесть лет назад переведён в подготовительную комнату Совета. Записей о поездках за пределы территории нет. Семейная история выглядит обычной.

— Когда заменили правую запонку? — спросила Эллара.

— По его словам, застёжка сломалась три дня назад, когда он очищал ритуальные жаровни. Запонка упала в канал для пепла.

— Три дня назад?

Это случилось до того, как погибший охранник получил ложный приказ.

— В подготовительной комнате есть отчёт о повреждении, — продолжил Марек. — Сирил утверждает, что уборщики выбросили её вместе с металлическим ломом.

— Сама запонка?

— Исчезла.

— Слишком безупречно, — сказала Эллара.

Ронан посмотрел на неё.

— То есть?

— Его личность, переводы, даже отчёт о поломке — у каждого факта есть ровно то объяснение, которое нам нужно.

Она перевернула последнюю страницу.

— Человек может одиннадцать лет работать в Мункипе и быть совершенно невиновным. А может одиннадцать лет делать свои документы такими, чтобы никто не мог их поставить под сомнение.

Снаружи раздались быстрые шаги. Несса вошла без стука, держа маленький флакон обезболивающего, которым обычно пользовался Ронан.

— Когда ты это принял?

Он взглянул на бутылочку.

— За час до заседания.

— Сколько?

— Одну дозу.

Её лицо мгновенно изменилось.

Несса собиралась сменить повязку и заметила, что запах возле пробки неправильный.

— Это не твоё лекарство.

Она поставила флакон на стол и сорвала печать. Запах был настолько слабым, что человек ничего бы не заметил. Марек наклонился ближе и помрачнел.

— Лунноогненная трава.

Несса кивнула.

— И кровавой токсин Весперов.

Эллара повернулась к Ронану.

Он всё ещё стоял уверенно, но на шее уже проступал неестественный румянец. Дыхание стало тяжелее, чем минуту назад, вены на тыльной стороне ладоней наливались.

Несса немедленно подготовила инъекцию.

— Яд уже в крови.

Ронан не спросил, что с ним будет. Он посмотрел на Марека.

— Запечатый хранилище лазарета.

— Уже.

— Приведи всех, кто касался флакона.

— Включая Сирила?

— Включая Сирила.

Несса ввела подавляющее средство в руку Ронана.

— Лунноогненная трава создана для высокоранговых оборотней. Кровяной токсин замедлит обмен веществ и продлит действие.

— Какое действие? — спросила Эллар.

— Повышение температуры тела. Обострение чувств. Потеря контроля над агрессией и территориальным инстинктом.

Несса помедлила.

— И желанием.

Глаза Ронана переместились к Элларе.

Всего на мгновение.

Затем он отвёл взгляд.

— Восточная башня, — сказал он.

Марек понял.

Ронан уже шёл к двери. Проходя мимо Эллары, не коснулся её и намеренно увеличил расстояние.

— Не позволяйте ей ко мне приближаться.

Приказ был обращён к Мареку, но никто не ошибся, о какой женщине идёт речь.

Глава 18. Зелье для наследника Вейров

Глубоко в восточной башне находилась комната, построенная для волка, потерявшего контроль.

Стены были вырублены из цельного чёрного камня и укреплены связывающими рунами. Ни стекла, ни зеркала, ни одного предмета, который можно разбить и превратить в оружие. Из мебели — только железная кровать, прикрученная к полу, и два чёрных крепления с надписями на древнем языке стай.

Ронан вошёл и сам закрыл дверь.

Марек остался в коридоре. Несса наблюдала через узкое окно.

Первый подавитель мог лишь замедлить яд. За двадцать минут температура Ронана поднялась выше уровня, который выдержал бы обычный волк. Под кожей выступили вены, по краям серых радужек начал разливаться бледный серебряный цвет.

Сознание он не потерял.

Ещё тревожнее было то, что он стал неестественно тихим.

Это спокойствие пугало Марека сильнее насилия.

— Можно дать ещё одну дозу? — спросил он.

Несса покачала головой.

— Она может вступить в реакцию с кровавым токсином.

— Тогда выведи яд.

— Лунноогненная трава уже циркулирует. Организм должен переработать её сам.

Внутри комнаты цепь резко заскребла по камню.

Ронан закрепил левое запястье в одном удерживающем кольце. Даже с ограниченной рукой сумел защёлкнуть второе на правом запястье.

Марек смотрел через окно.

— Не обязательно заходить так далеко.

— Обязательно.

Голос Ронана стал ниже обычного.

— Очисти восточную башню.

— Уже очищена.

— Совет?

— Ограничен главным корпусом.

— Никого из них сюда не подпускай.

Марек помедлил.

— Эллара снаружи.

Цепи натянулись.

Ронан поднял голову.

— Заставь её уйти.

— Она отказывается.

— Тогда вынеси.

В дальнем конце коридора Эллара стояла, скрестив руки. Она всё слышала.

Несса отошла от двери и подошла к ней.

— Лекарство подменили не в последний момент. Флакон запечатали заново. Тот, кто это сделал, приготовил замену не меньше двух дней назад.

— А Сирил?

— Сотрудники лазарета говорят, вчера он забирал обезболивающее для членов Совета. Запас Ронана находился в другом шкафу.

— Он мог добраться до него?

— Старшим служителям Совета иногда разрешают приносить лекарства старейшинам, поэтому у них есть доступ во внешнюю аптеку. Но для личного шкафа Ронана всё равно потребовался бы чужой ключ.

Значит, Сирил мог участвовать, но не один.

Эллара посмотрела на закрытую дверь.

— Зачем добавили кровавой токсин Весперов?

— Чтобы Лунноогненная трава действовала дольше.

— Это единственная причина?

Несса на мгновение замолчала.

— Токсин отвечает на кровь Весперов. Я пока не могу определить, реагирует ли он на все линии Весперов или именно на след королевской крови Орина внутри тебя.

— Как проверить?

— Контролировать расстояние и отслеживать пульс, зрачки и глубину превращения.

Несса взглянула на окно наблюдения.

— Ты стоишь возле двери. Не касаешься его. Не больше пяти минут. Если показатели пересекут границу, немедленно выходишь.

Эллара поняла.

— Я войду.

Марек преградил дорогу.

— Он прямо приказал тебя не впускать.

— Это не личный визит. Это контролируемое испытание.

— Где пусковым фактором будет твоё собственное тело.

— Вы с Нессой снаружи. В комнате есть аварийное раскрытие рун.

— Он сломает тебе шею раньше, чем я открою дверь.

— Тогда я останусь в двух шагах от выхода.

Марек не двигался.

— Пусть войдёт, — сказала Несса.

Он резко повернулся.

— Ты уверена?

— Ронан всё ещё находится в периоде действия подавителя, рассудок сохраняется. Как только сломается крепление или показатели поднимутся выше линии, включай руны.

Она посмотрела на Эллара.

— Пять минут.

Замки открылись.

Стоило двери сдвинуться, как в коридор хлынул жар.

Эллара вошла. Железная дверь закрылась за спиной, и она остановилась ровно в двух шагах от неё.

Ронан сидел на краю закреплённой кровати. Чёрная рубашка промокла от пота, рукава были закатаны до локтей, каждое запястье заключено в чёрное железо. Металл уже стёр кожу до крови. Даже в удерживающих кольцах сила волка держала цепи в постоянном напряжении.

Он поднял голову.

Как только увидел её, приборы снаружи издали резкий предупреждающий звук.

Пульс ускорился. Серебро шире разошлось по глазам.

Её присутствие усиливало реакцию.

Испытание ещё не доказывало, что именно являлось истинным пусковым фактором — кровь Весперов или королевская кровь Орина. Но одно стало ясно: тот, кто приготовил яд, включил Эллара в расчёт.

— Уходи, — сказал Ронан.

— Мне нужно только постоять здесь.

— Испытание закончено.

— Нет.

— Я знал, что произойдёт, ещё до того, как ты вошла.

Эллара проигнорировала его и посмотрела к окну. Несса продолжала записывать показатели.

— Кто входил в твой кабинет до того, как ты принял лекарство?

— Спроси Марека.

— Кто принёс флакон?

— Уходи.

— Какой запах ты почувствовал, когда коснулся его?

Ронан на мгновение закрыл глаза. Когда открыл, бледное серебро почти полностью поглотило края зрачков.

— Кожа.

— Что ещё?

— Очищающее благовоние.

Эллара замерла.

То самое, которое использовали в подготовительной комнате Лунного совета.

— Чей запах?

— Он был на пробке, не на охраннике, который принёс флакон.

Человек, заменивший лекарство, работал с благовониями Совета — или только что вышел из подготовительной комнаты.

— След металла?

— Серебро.

— Запонка?

— Не могу определить.

Цепи снова натянулись. Под креплениями появилась кровь.

Несса дважды ударила по стеклу. Достаточно. Испытание окончено.

— Я узнала всё необходимое.

Эллара повернулась к двери.

Сзади раздался хриплый, но сдержанный голос Ронана.

— Больше не входи.

Её рука легла на замок.

— Я и не собиралась оставаться.

— Хорошо.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Эллара оглянулась.

Он всё ещё сидел и намеренно на неё не смотрел. Чёрное железо глубже врезалось в запястья; кровь текла в ладони и капала на пол. Яд толкал его к потере контроля, но с момента её появления он не сделал к ней ни шага.

Эллара вспомнила церковь Холлоубон. Меч, вошедший ей в грудь.

А затем другую ночь, более раннюю, когда Лиора горела в жару. Ронан сидел рядом с ребёнком до рассвета и просыпался каждый раз, когда Эллара поднимала дочь, чтобы напоить.

Один и тот же мужчина.

Два воспоминания, которые не должны были существовать одновременно.

Эллара не открыла дверь.

Несса снова подала знак через стекло.

Ронан понял, что она не ушла, и наконец посмотрел.

— Почему ты всё ещё здесь?

— Ты настолько сильно хочешь, чтобы я ушла?

— Да.

— Из-за яда?

— Потому что не могу гарантировать, что сделаю.

— Ты разве не всегда считал, что способен всё контролировать?

— Не время меня провоцировать.

— Я не провоцирую.

Эллара сделала шаг вперёд.

Показатели взлетели. Дыхание Ронана изменилось мгновенно.

— Остановись.

Она не остановилась.

Чем ближе подходила, тем сильнее бил жар. Каждая мышца его рук была напряжена удерживанием, цепи дрожали в ритме дыхания.

Эллара остановилась перед ним.

— Ты не причинил мне вреда.

— Пока нет.

— Значит, я должна бояться?

— Да.

— Но я не боюсь.

Ронан смотрел на неё.

— Ты не понимаешь, что делаешь.

Эллара подняла руку и положила пальцы рядом со старым шрамом под левыми рёбрами.

Всё его тело напряглось.

Реакция была не от боли, а от прикосновения.

— Я знаю.

Цепи резко натянулись. Ронан поднял скованную руку, но не коснулся её.

— Открой дверь и уходи.

Это было последнее предупреждение.

Эллара смотрела на него.

В первой жизни она полностью доверяла этому мужчине. Верила, что он защитит её, что Мункип станет домом и у них будут годы, чтобы смотреть, как растёт Лиора.

В эту жизнь она вернулась с ненавистью. Считала, что никогда больше не приблизится к нему добровольно, не захочет его тепла и не позволит телу помнить то, что разум отвергал.

Тело узнало его раньше, чем вмешался рассудок.

Эллара наклонилась и поцеловала его.

Дыхание Ронана остановилось. Цепи яростно дёрнулись, но он не ответил. Вместо этого отвернул лицо прежде, чем прикосновение превратилось во что-то, чего ни один из них не сможет вернуть назад.

— Уходи.

Эллара не отступила.

— Ты не причинил мне вреда.

— Яд меняет мои решения.

Он поднял связанную руку и по-прежнему не положил её на Эллору.

— Возможно, сейчас ты согласна. Но это не значит, что в таком состоянии я способен принять твоё согласие.

— Я в ясном уме.

— А я нет.

Слова остановили её.

Ронан не считал способность говорить и удерживать себя доказательством того, что может принимать разумные решения.

Он повернулся к окну наблюдения. Голос охрип от жара.

— Испытание закончено. Откройте дверь. Выведите её.

Несса немедленно сняла замок.

Даже когда дверь открылась, Эллара не двинулась. Ронан не повторил приказ. Только прижал обе руки к удерживающим кольцам, пока она наконец не пересекла порог.

Железная дверь закрылась между ними.

Через окно Эллара смотрела, как он закрывает глаза. Цепи дрожали с каждым контролируемым вдохом. Больше он на неё не посмотрел.

Впервые после возвращения в эту жизнь Эллара поняла: остановиться — не значит ничего не желать.

Иногда человек останавливается именно потому, что желание достаточно сильное, чтобы стать опасным.

Глава 19. Когда действие яда закончилось

Жар от Лунноогненной травы держался всю ночь.

Эллара больше не входила в изоляционную комнату. Она осталась во внешней части восточной башни с Нессой, сравнивая флакон, журналы ключей и имена из подготовительной комнаты Совета. В пять утра температура Ронана наконец начала снижаться. В шесть двадцать серебро исчезло с краёв зрачков. Ещё через сорок минут три последовательных анализа подтвердили: и трава, и кровяной токсин опустились ниже уровня, способного влиять на решения.

Несса лично открыла удерживающие кольца.

— Яд вышел.

Она передала Ронану последние показатели.

— Физический контакт не мог его нейтрализовать. Ты восстановился благодаря подавлению и собственному обмену веществ.

— Я знаю.

— Я говорила ради человека снаружи.

Эллара стояла в дверях и встретила взгляд Нессы.

— Я тоже это знаю.

Марек ушёл с охраной продолжать обыск лазарета. Несса обработала ссадины на запястьях Ронана и оставила их вдвоём в затихшей башне.

Элларе следовало уйти вместе с ней. Вместо этого она прошла несколько шагов по коридору, остановилась и вернулась.

Ронан сменил рубашку. Он был бледен, но яд больше не затуманивал глаза и движения. Увидев Эллара, не приблизился.

— Ещё один вопрос?

— О прошлой ночи.

Его взгляд немного потемнел.

— Прошлой ночью ничего не произошло.

— Я тебя поцеловала.

— А я велел тебе уйти.

— Ты жалеешь?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Он замедлился, прежде чем продолжить.

— Но я не стану считать то, что ты сделала, пока я был под действием яда, выбором, которого ты обязана придерживаться сейчас, когда мой разум ясен.

Эллара осталась у порога. Выход за спиной был открыт.

— Тогда спроси ещё раз.

Ронан не двинулся сразу.

— Ты уверена, что яд больше не действует?

— Несса подтвердила трижды.

— И уверена, что не проверяешь меня?

Она посмотрела на него.

Тело не забыло близость первой жизни, но воспоминание было не единственной причиной, по которой она стояла здесь. Эллара могла уйти. Дверь открыта, Ронан не тянулся к ней.

— Я знаю, что ты не тот человек из будущего, которого я помню, — сказала она, не объясняя смысл. — И знаю, что это не стирает причину моего возвращения. Но сейчас, в этот момент, я хочу тебя поцеловать.

Ронан пересёк расстояние и остановился в пределах её досягаемости.

— Можно к тебе прикоснуться?

— Да.

Он положил ладонь ей на талию. Ни следа торопливости, которую пытался навязать яд, только осознанное внимание.

Эллара схватила его за воротник и поцеловала первой.

На этот раз он ответил.

В его крови не было Лунноогненной травы. Никто не утверждал, что Эллара обязана исцелить его своим телом. Несса и Марек не стояли за окном, превращая близость в медицинскую процедуру. Дверь башни оставалась не заперта, и Эллара могла уйти в любой момент.

Каждый раз, приближаясь, Ронан ждал её ответа.

Когда дыхание коснулось её горла, зубы не задели кожу.

Эллара почувствовала задержку.

— Почему остановился?

— Метка пары не должна автоматически следовать за поцелуем.

— Я не согласилась на неё.

— Значит, её не будет.

Он отстранился настолько, чтобы она видела его лицо.

Чувства в груди не стали проще. Эллара всё ещё ненавидела мужчину, который причинил ей боль в будущем, которого не помнил. И знала, что Ронан перед ней не ведаёт, что однажды сделает.

Но по крайней мере сейчас он не принимал отсутствие отказа за разрешение.

Когда они пошли дальше поцелуев, Ронан продолжал останавливаться и спрашивать. Эллара не отвечала молчанием. Если хотела продолжения, говорила об этом. Если что-то причиняло боль или пугало, просила замедлиться.

Желание между ними от этого не слабело.

Возможно, впервые Эллара поняла: память тела о прошлом и решение нынешней себя выбрать человека — не одно и то же.

Намного позже она сидела на краю кровати, застёгивая одежду. Ронан находился в нескольких шагах. Свежие повязки на его запястьях оставались чистыми.

— Ты слишком хорошо меня знаешь, — сказал он.

Её руки не остановились.

— Ты уже спрашивал.

— Ты знала, где болит старый шрам. Знаешь, когда я остановлюсь, и понимаешь, что я собираюсь сделать, раньше меня. Мы знакомы несколько дней.

Эллара застегнула последнюю пуговицу и повернулась.

— Ты считаешь себя сложным?

— Это не ответ.

— Я его и не обещала.

Ронан долго смотрел, но не стал вынуждать.

Когда Эллара дошла до двери, он заговорил снова.

— Сегодня не было случайностью.

Её рука легла на ручку.

— И не было долгом. Не было сделкой. И яд не мог принять это решение ни за одного из нас.

Голос оставался ровным.

— В любой момент ты можешь решить, что это больше никогда не повторится.

— Согласие всегда можно отозвать.

— Я знаю.

— Помни об этом.

Она открыла дверь. Утренний свет уже достиг коридора восточной башни. Последний лист анализов Нессы лежал на столе; внизу ясно было записано время полного очищения крови.

Никто не сможет назвать произошедшее лечением.

Никто не сможет сказать, что они действовали без способности принимать решения.

Это был выбор двух людей после того, как яд исчез.

Эллара не успела пройти и трёх шагов, когда Марек получил сообщение от охраны. Прочитав, он помрачнел.

— Сирил исчез.

Ронан вышел из комнаты.

— С каких пор?

— Лазарет запечатали, охрана пошла за ним в подготовительную комнату Совета. Его уже не было.

— Сколько искали?

— Всю ночь. Имени нет ни в одном журнале выходов, никто не видел, как он покидал Мункип.

— Его комната?

— Только что открыли.

Дверь оказалась не заперта.

Следов борьбы не было. Одежда, деньги и личные бумаги Сирила остались на месте. Исчезла только новая запонка с волчьей головой на правом рукаве.

На стене кровью написали послание и дали ему высохнуть.

Вы не сможете защитить второго ребёнка.

Марек остановился на пороге.

— Второго ребёнка.

Его взгляд переместился на Эллара.

Для всех в Мункипе Орин был первым принесённым в жертву ребёнком. Эллара, спасённая королевской кровью, взятой у него, — второй.

Ронан тоже посмотрел на неё.

— Они снова придут за тобой.

Разум подсказывал, что сообщение относится к ней. Орин был первым уничтоженным ребёнком. Она — тем ребёнком, который выжил благодаря его крови.

Но, увидев слова, Эллара сразу подумала о Лиоре.

О дочери, которую никто больше не помнил.

Она подавила реакцию прежде, чем кто-то успел заметить.

— Пусть приходят.

Глава 20. Первая сеть

После исчезновения Сирила Эллара не осталась в его комнате.

Она вернулась в зал Совета и приказала Мареку принести текущие позиции всех оперативников Серого Клыка возле Грейхарбора.

Ронан присоединился после того, как переоделся. Яд ещё не полностью покинул его тело, но лицо вернуло обычное спокойствие, словно всё, что произошло в восточной башне, осталось запечатанным внутри комнаты, куда никому больше не разрешалось входить.

Эллара стояла перед картой.

Грейхарбор располагался на южной границе территории Блэкпайн. Клиника Марлоу находилась в старом районе города, а под её подвалом проходил скрытый коридор в соседний квартал.

Враг знал, что кровь Орина остаётся внутри Эллары. Знал, что Ронан начал её защищать. Что бы на самом деле ни означало послание Сирила, оно доказывало: её семья стала частью цели.

— Сколько наших людей возле Грейхарбора? — спросила она.

Марек развернул вторую карту.

— Одна связная группа уже размещена в южных городах для разведки и снабжения. Шестеро достаточно близко, чтобы быстро добраться до клиники Марлоу.

— Этого хватит.

— Что они должны сделать?

— Вывести Хелену и Джулиана.

— А Гидеон?

— Его не нужно учить бегать.

Ронан подошёл с другой стороны карты.

— Ты собираешься эвакуировать их открыто?

— Открыто я эвакуирую двух двойников.

Эллара указала на клинику.

— До начала операции Гидеон приводит Хелену и Джулиана в здание. Два человека похожего телосложения входят через служебный вход. К главной двери подъезжает заметная колонна, чтобы каждый наблюдатель увидел, как они садятся в машины.

Она провела пальцем по самому очевидному пути из района.

— Колонна поедет через южный мост.

Марек понял.

— А Хелена и Джулиан в это же время уходят под землёй.

— Связная группа не входит в клинику.

Эллара переместила палец к выходу из прохода на соседней улице.

— Они ждут здесь и забирают настоящих пассажиров.

Ронан посмотрел на неё.

— Ты уверена, что Гидеон будет сотрудничать?

— Нет.

Она взяла лист бумаги и написала один вопрос.

Куда мама положила прошлогодние свечи от торта?

Марек нахмурился.

— Что это докажет?

— Ответ должен знать только член семьи.

В прошлом году Хелена отказалась выбрасывать наполовину сгоревшие свечи с торта Джулиана. Она убрала их в синюю жестяную коробку на самой верхней кухонной полке. Тот,

кто выдаёт себя за Гидеона, мог знать профессиональные коды, но не такую бесполезную домашнюю мелочь.

Эллара добавила ещё одну строку.

Возьми чёрный журнал.

Ронан прочитал.

— Такой журнал существует?

— Не знаю.

— Ты его проверяешь.

— Если он ответит, что журнала нет, значит, по крайней мере, готов проверить послание вместе со мной.

— А если проигнорирует?

— Тогда увидим, что исчезнет из клиники.

Марек забрал сообщение.

— Использую зашифрованный канал Грейхарбора.

— Не проводи его через внешнее связное отделение Мункипа.

Полчаса им оставалось только ждать.

Затем Грейхарбор ответил.

В синей коробке на верхней кухонной полке.

Личность Гидеона была подтверждена.

Он не ответил на строку о чёрном журнале. Только сообщил способ открыть тайный проход и написал, что приведёт Хелену и Джулиана в клинику до прибытия колонны.

Ронан прочитал ответ.

— Он намеренно избежал второго вопроса.

— Я знаю.

— И ты всё равно доверяешь маршруту?

— По крайней мере, он сначала решил вывести семью.

Эллара вернула сообщение Мареку.

— Начинайте.

Это был первый слой сети, которую она затягивала вокруг семьи.

Второй оставался внутри Мункипа.

— Через три дня, — сказала она, — я снова войду в Лунный колодец.

Марек нахмурился.

— Несса не назначала вторую процедуру.

— Её никогда не должно было быть.

Эллара повернулась к Ронану.

— Сделай объявление публичным.

— Насколько публичным?

— Скажи, что после попытки проникнуть в старый лунный зал процедура перенесена во внешний зал Лунного колодца. Полночь через три дня. Цель — извлечь королевскую кровь Орина из моего тела.

Ронан сразу понял следующий шаг.

— На этот раз мы не ждём, пока кто-то войдёт в ритуальное помещение.

— Мы следим, как сообщение покидает Мункип.

— Все выходы?

— Почтовые птицы, частный транспорт, жреческие каналы, внешние вызовы, маршруты доставки слуг. Без исключений.

— А если они не используют ничего из этого? — спросил Марек.

— Тогда обнаружим выход, о существовании которого не знаем.

Ронан встал рядом.

- Сколько раз ты собираешься использовать себя как приманку?
- Пока они не начнут бояться, что я всё ещё жива.
- Ты всё меньше похожа на человека, который ищет правду.
- Я и не говорила, что мне нужна только правда.
- Чего ты хочешь?

Комната вокруг них опустела. Марек не вмешался.

Эллара повернулась к Ронану.

— Я хочу, чтобы каждый, кто вошёл в Мункип четырнадцать лет назад, по одному встал передо мной.

- А затем?
 - Те, кто должен правду, заговорят.
- Голос оставался спокойным.
- Те, кто должен жизнь, расплатятся жизнью.
 - Включая Гидеона?
 - Включая всех.
 - Включая меня?

Она не колебалась.

- Ты всегда был в списке.

Ронан не выглядел удивлённым. С самого начала он знал, что она хочет его смерти. Просто впервые Эллара сказала это прямо.

Прибыл охранник с новыми указаниями, и Марек ушёл организовывать наблюдение вокруг Мункипа.

Эллара продолжила раскладывать карты и имена. Ронан подошёл к встроенному в стену шкафу с оружием и достал длинную узкую деревянную коробку.

Он поставил её перед ней.

Внутри лежал нож с чёрной рукоятью. Лезвие было уже обычного кинжала и легко проходило между рёбрами. В рукояти вырезан волк Вейров, в навершие вставлен обсидиан в форме волчьего глаза.

Эллара посмотрела на него.

- Тебя не беспокоит, что я использую его, чтобы тебя убить?
- Ты и так собираешься меня убить.
- И всё равно даёшь оружие?
- По крайней мере, в следующий раз не станешь вскрывать серебряный замок ножом для писем.

Она подняла клинок. Баланс был хорош — он подходил для настоящего убийства намного лучше прежнего оружия.

- Прошлая ночь не была долгом или сделкой, — сказал Ронан.
- Её пальцы замерли на рукояти.
- Я не собираюсь повторять.
 - Скажи это, когда докажешь, что способна.
 - Ты слишком уверен в себе.
 - Это не уверенность.
 - Тогда что?
 - Прошлой ночью ты один раз выбрала.
 - Выбор можно отозвать.
 - Конечно.

В его тоне не было давления.

- Тогда я буду ждать, пока ты не скажешь обратное.

Эллара закрыла коробку и не продолжила спор.

До вечера пришёл первый отчёт из Грейхарбора.

Колонну, открыто выехавшую от главного входа клиники Марлоу, атаковали возле южного моста. Три чёрные машины перекрыли дорогу с обеих сторон. Нападавшие использовали серебряные боеприпасы и кровавой токсин, характерный для старых операций Весперов.

Но Хелены и Джулиана в машинах не было.

Группа Серого Клыка ушла по дороге вдоль реки, получив лишь две лёгкие травмы. В то же время настоящие Хелена и Джулиан прошли подземным коридором. Связная группа встретила их у дальнего выхода и перевезла во временное убежище.

Услышав, что они в безопасности, Эллара не расслабилась.

— Гидеон?

Оперативник на зашифрованной линии помедлил.

— Его не было в клинике.

Её рука сильнее сжала устройство связи.

— Когда ушёл?

— Мы не знаем. В подвале есть следы боя.

Пришло несколько изображений.

На стенах подвала виднелись глубокие следы ударов. По полу высохла широкая лужа крови, но следов волочения не было. Серебряный пистолет Гидеона исчез вместе с несколькими папками из тайного шкафа.

Это не выглядело так, будто человека застали врасплох, подавили и унесли.

Похоже было на то, что он пережил бой, вооружился, выбрал документы и ушёл самостоятельно.

— Чёрный журнал? — спросила Эллара.

— Ничего с таким названием.

— Какие папки исчезли?

— Ещё сравниваем опись.

Гидеон не ответил на проверку, но забрал тайные документы. Это тоже было ответом.

— Есть ещё один предмет, — сказал оперативник.

Появилось последнее изображение.

В центре пятна крови лежал новый приказ Чёрного Крыла о казни. На обратной стороне была выгравирована единственная команда.

Верните кровь Орина во Двор Багровой Ночи.

Ронан прочитал через её плечо.

— Гидеона забрали?

— Не обязательно.

Эллара увеличила изображение. Ни креплений, ни кровавого следа от волочившегося тела; оружие и выбранные документы пропали.

Возможно, его заставили уйти с кем-то. А возможно, он знал, что Серафина придёт в Грейхарбор, и отказался от защиты Серого Клыка, чтобы самостоятельно преследовать её.

Какой бы ответ ни был правдой, Серафина начала действовать.

Эллара закрыла изображение приказа.

— Первая сеть затянулась.

— Что она поймала? — спросил Ронан.

— Пока ничего.

Она подняла глаза.

— Но Серафина наконец смотрит на меня.

Глава 21. После рассвета

На следующее утро Эллара покинула Мункип ещё до рассвета.

Ночью из Грейхарбора пришло второе подтверждение. Хелену и Джулиана перевезли в убежище на южной стороне территории Блэкпайн. Люди, преследовавшие открытую колонну, отступили, и ни одна другая группа нападавших не приблизилась к настоящему маршруту.

Ронан поехал с ней лично.

Он взял только Марека и четверых волков Серого Клыка. На машинах не было знаков дома Вейр. Последние последствия яда из восточной башни исчезли, но на запястьях оставались повязки, закрывавшие раны от чёрных удерживающих колец.

После выезда из Мункипа Эллара и Ронан почти не разговаривали.

Ни один не упоминал произошедшее в башне. Будто, отказываясь называть ту ночь, они могли оставить её запертой в изоляционной комнате и не позволить ей последовать за ними в утро.

Убежище стояло за заброшенным фруктовым садом. С дороги оно выглядело фермерским домом, в котором никто не жил много лет. Окна заколочены, у внешней стены поднялись сорняки до пояса, над одним углом провисла крыша. Серый Клык уже проверил подвал и задний путь отхода. Скрытые дозорные наблюдали за землёй на три мили во всех направлениях.

Когда Эллара открыла дверь, Хелена сидела в маленькой передней комнате.

На ней всё ещё было тёмное платье, в котором она покинула клинику, сверху — слишком большое серое пальто. Джулиан стоял у окна с нетронутым стаканом воды.

Ни один из них не выглядел так, будто спал.

Увидев Эллару, Хелена поднялась так быстро, что едва не задела низкий стол.

— Эллара.

Она пересекла комнату и заключила дочь в объятия.

Только тогда Эллара по-настоящему поверила, что в этой жизни время ещё не закончилось.

Мать была тёплой. Джулиан жив. Не было огня, крови и белой простыни поверх тела, которое Эллара когда-то считала телом брата.

Она закрыла глаза и обняла Хелену в ответ.

— Я в порядке.

— Сказали, кто-то пытался тебя похитить.

— У них не получилось.

Хелена отпустила её лишь настолько, чтобы осмотреть лицо и плечи, словно должна была собственными глазами проверить каждый сантиметр.

— Где твой отец?

Эллара ответила не сразу.

Джулиан повернулся от окна.

— Ты тоже не знаешь, верно?

Голос был хриплым.

— Он привёл нас в подвал, сказал, что на другом конце нас встретят, а потом закрыл дверь после того, как мы вошли.

— Он был ранен?

— Я не видел.

Пальцы Джулиана сильнее стиснули стакан.

— Он ничего нам не сказал.

В словах было больше злости, чем страха.

Девятнадцать лет Гидеон оставался самым обычным и надёжным человеком в их жизни. Замечал каждую головную боль Хелены. Поправлял галстук Джулиана перед выступлениями. Когда Эллара до полуночи реставрировала старые вещи, ставил рядом тёплое молоко, не будя её.

Теперь они знали: у него была другая фамилия, он прожил намного дольше любого человека и когда-то убивал ради Весперов.

Джулиан посмотрел на сестру.

— Ты знала раньше?

— Джулиан, — тихо сказала Хелена.

— Я просто хочу правду.

Эллара не стала уклоняться.

— Я узнала за несколько дней до вас.

— Тогда почему ты не выглядишь удивлённой?

Потому что она уже однажды потеряла всех троих. Потому что в первой жизни каждая правда приходила в худший момент, пока само удивление не стёрлось.

— Удивление ничего не решает.

— Значит, теперь ты тоже не доверяешь отцу?

— Я верю, что он нас любит.

Ответ прозвучал без колебаний. В этом она никогда не сомневалась.

— Но любовь к нам не означает, что он никогда не причинял вреда другим.

Комната затихла.

Хелена опустила глаза. Гидеон рассказал ей часть правды, и она собственными глазами увидела, что он не полностью человек. Но знать, что муж убивал, и знать, что он мог участвовать в смерти ребёнка, — разные виды ужаса.

Ронан всё это время оставался у двери и позволял семье говорить без вмешательства. Во время перевода Серый Клык объяснил его личность, а Гидеон прежде упоминал дом Вейр. Хелена быстро его узнала.

— Вы Ронан Вейр.

— Да.

Её взгляд переместился с него на Эллару и задержался дольше, чем требовала обычная вежливость.

Эллара отвернулась и подошла к столу.

Ронан первым добрался до стула и отодвинул его для неё. Движение было таким естественным, будто отрабатывалось годами. Эллара так же естественно села.

И только после поняла, что Хелена всё ещё за ними наблюдает.

Джулиан был менее деликатен.

— Вы разве не познакомились несколько дней назад?

— Это не относится к нынешней проблеме, — сказала Эллара.

Ронан сел рядом и ничего не объяснил.

Хелена решила не спрашивать. Вместо этого взяла маленькую коробку, завернутую в старую ткань.

— Твой отец велел передать это тебе.

Эллара приняла её.

— Когда?

— Перед тем, как мы вошли в проход.

Хелена попыталась вспомнить.

— Он сунул её мне в руки и сказал, что отдать можно только тебе. И ещё — что бы ты ни нашла внутри, не должна сразу отправляться за ним.

Коробка была не запёрта.

Внутри лежали много раз сложенная старая карта, узкий ключ из чёрного стекла и вырванная страница журнала. Сверху — записка почерком Гидеона.

Не ищи меня. Сначала найди курьера.

Джулиан встал за стулом Эллары.

— Какого курьера?

— Он не сказал.

Она развернула карту.

На ней был заброшенный транспортный путь между южным Блэкпайном и Грейхарбом. Вдоль дороги отмечены три старых склада. Два зачёркнуты. Третий, ближе всего к границе, остался нетронутым.

На боковой стороне стеклянного ключа был выгравирован крошечный знак Чёрного Крыла.

Ронан взял страницу журнала. Имен не было, только коды перевозок.

Очищающее благоволение. Ритуальное серебро. Обезболивающее. Подавители.

Гидеон обвёл один из кодов благоволения.

Эллара уже видела его в списке снабжения подготовительной комнаты Лунного совета.

— Это не четырнадцатилетней давности, — сказала она.

Ронан нашёл дату в нижнем углу.

— Шесть месяцев.

Связь между Весперами и кем-то внутри Мункипа не закончилась с резнёй. Тот же путь продолжал действовать. Те же благоволения. Та же перевалочная станция.

Эллара снова сложила карту.

Хелена схватила её за запястье.

— Отец велел тебе не идти.

— Он велел сначала найти курьера.

— А потом?

Эллара не ответила.

Хелена прочитала ответ в молчании.

— Эллара, я понимаю, что тебе нужна правда. Но он твой отец.

— Именно поэтому я должна его найти.

— А если правда окажется не такой, как ты хочешь?

— Правда не становится другой только потому, что я её не хочу.

Пальцы Хелены медленно ослабли. Больше она не пыталась остановить дочь. Только вернула ключ из чёрного стекла в ладонь Эллары.

К моменту их ухода солнце уже поднялось над горизонтом.

Ронан последовал за Элларой в заросший двор и дождался, пока дверь закроется.

— Твоя мать нас подозревает.

— Не веди себя так при ней.

— Как?

Эллара остановилась.

— Так, будто мы хорошо друг друга знаем.

— Разве нет?

— Мы знакомы несколько дней.

— В восточной башне ты вела себя иначе.

Её лицо похолодело.

— Замолчи.

Он не улыбнулся.

— Я никому не расскажу.

— Никто не должен знать.

— Марек и Несса уже знают.

— Они знают только, что я осталась в комнате.

— Они не глупы.

Именно это он сказал утром.

Эллара продолжила идти. Ронан не отставал.

— Ты жалеешь? — спросил он.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Он это услышал, но не стал давить. Только открыл перед ней дверь машины.

— Тогда сначала найдём курьера.

Эллара села. Прежде чем дверь закрылась, она заметила, что через повязку на его запястье снова проступает кровь.

Она ничего не сказала.

Когда Ронан вошёл с другой стороны, Эллара достала из аварийного набора чистую марлю и бросила ему на колени.

— Не беспокойство?

— Нет.

— Я знаю.

Машина выехала из сада.

Эллара снова открыла карту Гидеона. Единственная незачёркнутая станция стояла на конце наиболее вероятного пути для ложного сообщения о Лунном колодце.

Он оставил не просто место назначения.

Он пытался сказать, что курьер внутри Мункипа всё ещё пользуется этой станцией.

И скоро этот человек снова начнёт действовать.

Глава 22. Вторая сеть

После возвращения в Мункип Эллара два полных дня прослеживала путь по странице журнала, оставленной Гидеоном.

Очищающее благовоние первоначально зарегистрировал обычный торговец травами в Грейхарборе. Затем груз передали на склад ритуальных принадлежностей, принадлежавший Лунному совету. На бумаге маршрут не выглядел подозрительным.

Однако записи склада показывали: перед отправкой в Мункип груз на два дня остановился в южном Блэкпайне.

На той самой старой перевалочной станции, которую Гидеон отметил на карте.

Обычному благовонию незачем было делать крюк в сотни миль. Только если ящики никогда не содержали одно благовоние.

Эллара положила рядом три документа.

— Сирил подписывал получение припасов в подготовительной комнате.

Марек стоял напротив.

— За последние шесть месяцев пришло семь поставок очищающего благовония. Четыре принял он.

— Остальные три?

— Две подписал заместитель управляющего. Одну — помощник жреца.

Ронан поднял глаза от транспортного списка.

— Их задержали?

— Они не покидали Мункип, но доказательств участия нет.

Эллара взяла последнее уведомление.

— Поставки не прекратились после исчезновения Сирила.

— Следующая прибудет сегодня ночью, — сказал Марек.

— Вовремя для второго ритуала.

Второго ритуала не существовало.

И всё же внешний зал Лунного колодца подготовили по всем правилам настоящей процедуры с королевской кровью. Несса разложила лекарства, инструменты и измерительные приборы. Жрецам приказали осмотреть воду на глазах у Совета. Каждый член Совета получил официальное уведомление: в полночь Эллара предпримет вторую попытку извлечь кровь Орина из тела.

Аларик даже предложил дополнительную охрану.

— Если первое сообщение утекло, нельзя оставлять подготовительную комнату Совета единственной, кто работает с ритуальными припасами.

Он положил перед Ронаном имена двух старых слуг.

— Оба участвовали во внешнем поиске после резни четырнадцать лет назад. Ни один не станет служить Вesperам.

Ронан не взял список.

— Охрану назначает Марек.

Лицо Аларика похолодело.

— Ты подозреваешь даже моих людей?

— Я подозреваю всех.

— Включая себя?

— Включая себя.

Аларик оставил список на столе и больше не спорил.

От начала до конца он вёл себя как отец, отчаянно желавший разоблачить человека, предавшего его семью.

Эллара не нашла в поведении ни одной трещины.

От этого доверяла ему ещё меньше.

В ту ночь люди Марека открыли и проверили каждый ящик, доставленный в Мункип: благовония, воду, ритуальную ткань, одноразовые бутылочки с лекарствами, бронзовые жаровни. Ни в одном не было тайного отделения, сургучные печати совпадали с записями склада.

Эллара присела возле одного ящика с благовониями и по очереди подняла каждый несожжённый блок.

Разница в весе была почти незаметной. Человеческая рука её бы не почувствовала.

Она взяла внутренний блок из третьего ряда и дважды взвесила в ладони.

— Этот полый.

Марек принял его. На поверхности ничего не выдавало изменения.

Ронан чёрным ножом прорезал один край. По центру была вырезана длинная узкая полость.

Она была пуста.

— Сообщения пока нет, — сказал Марек.

— Это сделано не для того, чтобы что-то внести в Мункип.

Эллара осмотрела полость.

— Это должно что-то вынести.

После возжигания наружная часть благовония рассыпалась бы в пепел. Тонкая огнестойкая полоска внутри могла упасть в остатки, а позже её забрали бы. Ритуальный пепел считали очищенными отходами и регулярно вывозили к месту захоронения возле границы Блэкпайна. Никто не просеивал каждый сосуд.

Это было безопаснее письма, экипажа или вызова.

Так объяснялось отсутствие послания на официальных выходах Мункипа после исчезновения Сирила.

Курьеру не требовалось уходить. Достаточно спрятать сведения в пепле, который и так вывезут.

— Используем сегодня, — сказал Ронан.

— Меняем слугителей, назначенных очищать жаровни? — спросил Марек.

— Нет, — ответила Эллара раньше Ронана. — Все следуют первоначальному расписанию.

— Включая подозреваемых?

— Особенно подозреваемых.

Она не пыталась остановить одно сообщение. Хотела увидеть, кто положит его в благовоние и кто заберёт после.

Разрез запечатали, полый блок вернули на прежнее место.

После ухода Марека взгляд Ронана остановился на чёрном ноже у талии Эллары — оружии, которое он ей подарил.

— Ножны привязаны неправильно.

Она посмотрела вниз.

— Если клинок можно вытащить, этого достаточно.

— Под таким углом рукоять цепляется за пальто.

— Я не приглашала тебя к осмотру.

Он уже подошёл. Нож не вытащил. Вместо этого ослабил кожаный ремешок сзади на талии и немного сдвинул ножны вперёд.

Расстояние между ними сразу вернуло её в восточную башню.

Пальцы не касались кожи. Они двигались только по ремню, снова закрепляя его у бока.

— Попробуй.

Эллара вытащила нож. Он вышел чисто, не зацепив ткань.

— Не боишься, что я первым делом ударю тебя?

— Если бы действительно хотела убить, выбрала бы более быстрое положение.

— Думаешь, понимаешь меня?

— Учусь.

Он отпустил ремень и сам отступил.

Эллара вернула клинок в ножны.

— После восточной башни ты решил, что имеешь право задавать мне больше вопросов?

— Нет.

— Тогда почему продолжаешь?

— Потому что ты продолжаешь отказываться отвечать.

— Можешь остановиться.

— Могу.

Ронан удерживал её взгляд.

— Но не собираюсь.

Она повернулась к документам.

— Ты жалеешь? — спросил он сзади.

— У меня нет времени на сожаления.

— Тогда ответь, когда появится.

— Не отвечу.

— Это тоже ответ.

Эллара проигнорировала.

До полуночи подготовка во внешнем зале Лунного колодца завершилась. Все верили, что состоится настоящее отделение королевской крови.

Единственный реальный ритуал заключался в ожидании, пока сгорит один блок благоволия.

Глава 23. Курьер

В полночь все двенадцать светильников во внешнем зале Лунного колодца вспыхнули одновременно.

Несса стояла у воды. Лекарства и приборы наблюдения были разложены так, чтобы до них можно было сразу дотянуться. Двое жрецов проводили официальную проверку Лунного колодца, а члены совета ждали на противоположной стороне зала.

Эллара так и не появилась.

По официальной версии, она оставалась в соседней комнате для последнего осмотра. На самом деле они с Ронаном скрывались в старом наблюдательном проходе над помещением для подготовки ритуальных принадлежностей.

Узкая галерея когда-то служила для надзора за подготовкой ритуальных материалов. Вход в неё прятался за рядом давно заброшенных шкафов. Сквозь тонкие щели в полу они видели почти всю комнату внизу.

Внутри находились только двое служителей. Оба работали в Мункипе больше двадцати лет. Перед входом их дважды обыскали: проверили манжеты, обувь и каждый предмет, который был при них.

Люди Марека перекрыли все официальные выходы. Ещё два отряда заняли известные окончания старого технического маршрута.

Никто не знал, где именно прятался Сирил.

Было известно лишь одно: к комнате подготовки всё ещё вёл проход, которого не существовало на современных картах.

Через полчаса после начала ритуала один из служителей подошёл к полке с благовониями. Он открыл деревянный ящик и вынул последние бруски.

Среди них лежал заново запечатанный полый брусок.

Когда служитель отвернулся, чтобы проверить жаровню, за полкой появилась щель.

Из стены высунулась рука.

Движение было настолько быстрым, что его легко можно было пропустить. Два пальца приподняли полое благовоние, вставили внутрь полоску чёрного металла и вернули брусок точно на прежнее место.

Прежде чем запястье исчезло, Эллара заметила узкую незажившую ссадину на его внутренней стороне.

Тот самый след, который Сирил показал, когда наливал ей воду.

— Сирил.

Ронан начал подниматься.

Эллара схватила его за предплечье.

— Сначала пусть сгорит.

— Он уйдёт из прохода.

— Марек держит оба известных нам выхода.

— А если есть третий?

— Тогда спустимся сами.

Ронан посмотрел на неё, но остался на месте.

Служители ничего не заметили. Один из них положил изменённый брусок в жаровню.

Пламя поползло по краям. Чёрный брусок треснул, рассыпался и превратился в пепел. Огнеупорная полоска незаметно упала на дно.

После окончания церемонии служители действовали по обычному порядку. Они надели перчатки, собрали пепел в металлический сосуд, запечатали его и поставили на транспортную тележку, направлявшуюся к пограничному месту очищения.

К полоске никто не прикоснулся. Как и было задумано, она исчезла среди отходов.

Отряд Марека позволил тележке покинуть комнату. Лишь после того, как сосуд оказался во внешнем коридоре и скрылся из поля зрения совета, стражники закрыли двери впереди и позади него.

Контейнер вскрыли прямо на месте.

Когда пепел просеяли через мелкое сито, в поддон упала полоска чёрного металла.

На ней были записаны число стражников в зале Лунного колодца, местонахождение Ронана, предполагаемое время разделения крови и маршрут, по которому должна была уехать Эллара.

Сообщение ещё не покинуло Мункип.

Вторая сеть уже затянулась.

В наблюдательной галерее Эллара поднялась.

— Марек остановит послание. Мы остановим человека.

Они с Ронаном вышли через противоположные концы прохода. Ронан направился по старой лестнице к северному техническому коридору. Эллара спустилась в комнату подготовки, сдвинула медный таз возле полки с благовониями и просунула руку в трещину в стене.

Её пальцы нашли механизм, которым не пользовались много лет.

Каменная плита отъехала.

В комнату потянуло сырой известью и гнилым деревом.

Эллара проскользнула в проход. Стена закрылась за её спиной.

Светильников не было. Только вдаль торопливо стучали шаги.

Сирил понял, что доставка провалилась.

Она двинулась вперёд. Менее чем в двадцати ярдах от неё чьё-то тело с коротким тяжёлым стуком ударилось о камень.

Ронан перекрыл противоположный выход.

Сирил остановился между ними.

Старое пальто, в котором он скрывался, было снято. За последние два дня его лицо стало ещё худее и бледнее, под глазами залегли тёмные круги. Он выглядел как человек, слишком долго проживший под землёй.

— Ты так и не покинул Мункип, — сказала Эллара.

— Когда все официальные выходы у вас в руках, зачем мне было пытаться?

— Где ты прятался?

— Под вашими ногами. — Он взглянул на каменный потолок. — В старых складах остались вода и аварийные запасы ещё с тех времён, четырнадцать лет назад. В Мункипе куда больше проходов, чем отмечено на ваших нынешних картах.

— Кто тебе их показал?

Сирил улыбнулся.

— Человек, который отдаёт мне приказы, всегда имел доступ в замок.

Ронан сделал шаг вперёд.

— Кто?

— Я никогда не видел его лица.

— Копии ключей?

— Их оставляли в старых проходах.

— Где именно?

— Каждый раз в новом месте. Приказы, ключи, плата — я забирал то, что меня ждало.

Голос Ронана похолодел.

— Ты одиннадцать лет служил незнакомцу?

— Имя мне было не нужно. — Сирил перевёл взгляд с него на Эллару. — Достаточно было знать, что кто-то из Лунного совета всегда откроет следующую дверь.

Это не называло предателя, но подтверждало: Сирил был не единственным звеном между Весперами и Мункипом.

Со стороны комнаты подготовки вошли люди Марека.

Сирил не сопротивлялся. Он поднял руки и позволил стражникам связать себя, словно с того мгновения, как послание не ушло, уже знал, что бежать больше некуда.

Допрос проходил в запечатанной комнате на нижнем уровне.

Сирил признал, что менял записи дежурств. Признал, что управлял маршрутом благово- ний. Признал, что заменил лекарство Ронана Лунноогненной травой и ядом из крови Весперов.

— Где ты взял ключ от личного шкафа с лекарствами? — спросил Марек.

— В старом проходе.

— Кто его оставил?

— Не знаю.

— Ты ни разу не видел того, кто отдавал приказы?

— Ни разу.

— Тогда откуда ты знаешь, что замешан кто-то из совета?

— Потому что только человек внутри совета мог знать каждую смену караула, каждую замену ключей и каждый час, когда комната подготовки останется пустой.

— Ты мог выяснить это сам.

— Возможно, одиннадцать лет назад. — Сирил посмотрел на Марека. — Но некоторые приказы уже ждали в проходе ещё до того, как списки стражи получали окончательное утвер- ждение.

В комнате воцарилась тишина.

Тот, кто им руководил, не просто имел доступ к Мункипу. Этот человек видел решения совета ещё до того, как они становились официальными.

Эллара положила на стол полоску, найденную в пепле.

— Куда она направлялась?

— Вы и так знаете.

— На пересадочную станцию на юге Блэкпайна.

— На последнюю станцию Чёрного Крыла, которая всё ещё действует.

— Кто её получает?

— Офицер-исполнитель.

— Имя.

— Дориан Кест.

Эллара запомнила имя.

— Куда ушёл Гидеон?

Улыбка Сирила вернулась.

— Наконец-то вопрос, который тебя действительно волнует.

— Отвечай.

— Его не похищали.

— Это я уже знаю.

— Ты знаешь лишь, что в клинике была драка. — Сирил откинулся назад. — Гидеон Веспер убил нескольких офицеров Чёрного Крыла, а потом велел выжившему отвести его к Серафине.

Марек нахмурился.

— Зачем?

— Спросите его дочь. — Сирил посмотрел на Эллара. — Возможно, ему наконец надоело притворяться человеком-врачом.

Она не отреагировала.

— Маршрут.

— Через старую пересадочную станцию.

— Когда они уехали?

— За два часа до того, как вы добрались до клиники.

— Они всё ещё там?

— Возможно, уже нет. — Он тихо рассмеялся. — Но вас там кто-то ждёт.

Ронан подошёл к краю стола.

— Кто?

— Человек, доставивший ложный призыв с границы четырнадцать лет назад.

Выражение Ронана не изменилось, но его пальцы медленно вдавились в дерево.

Сирил наблюдал за ним.

— Ты хочешь узнать, кто выманил тебя из Мункипа. Она хочет узнать, кто позволил Орину умереть под землёй. — Его взгляд переходил от одного к другому. — Наконец-то вы идёте по одной дороге.

Эллара подняла чёрную полосу.

— Ты рассчитываешь, что мы последуем за таким очевидным приглашением?

— Вы вправе не ехать.

Улыбка Сирила стала тоньше.

— Оставайтесь здесь и ждите, пока Гидеон вернётся из Двора Багровой Ночи.

Он сделал паузу.

— Если он вообще захочет вернуться.

Глава 24. Она забыла его имя

В течение двух часов после того, как Сирила заперли в подземных камерах Мункипа, он больше ничего не сказал.

Он описал скрытые проходы в стенах, путь пепла и способ, которым сведения выводили из замка. Признался, что переносил внутренние расписания от одной двери к другой. Но сколько бы Марек его ни допрашивал, Сирил либо не хотел, либо действительно не мог назвать того, кто стоял над ним.

Он был лишь рукой, переносившей предмет от одного порога к следующему. Он знал места встреч, заброшенные коридоры и точный час, когда нужно было сжечь полый брусок благовония. Человека на вершине цепочки он не видел ни разу.

Достоверно было известно лишь одно: Дориан Кест оставался на заброшенной пересадочной станции Чёрного Крыла.

И перед исчезновением Гидеон оставил там следы.

Марек положил на стол прозрачный пакет для улики. Внутри лежал чёрный приказ о казни, насквозь пропитанный засохшей кровью. На краю сохранилась старая печать Чёрного Крыла. В центре стояло имя, которым Гидеон когда-то пользовался открыто.

Гидеон Веспер.

Ниже всё ещё можно было разобрать короткий приказ.

Вернуть Возвращённого во Двор Багровой Ночи.

Сопровождающих при необходимости устранить.

Эллара стояла у стола.

— Где это нашли?

— В старом проходе за клиникой вашей семьи, — ответил Марек. — Во время первого обыска мы приняли его за обычный приказ Чёрного Крыла и забрали вместе с остальными уликами.

— Теперь Сирил подтвердил, что документ принадлежал отряду, отправленному за Гидеоном.

Ронан стоял по другую сторону стола.

— Сколько их было?

— Трое.

— Тел нашли только два, — сказала Несса, просматривая первоначальный отчёт. — Третий не оставил ни непрерывного кровавого следа, ни труп.

Эллара посмотрела на приказ.

— Значит, третий мог забрать моего отца.

— Или уйти вместе с ним, — сказал Ронан.

Эти предположения звучали похоже, но означали совершенно разные вещи.

Если Гидеона забрали, значит, он проиграл.

Если он ушёл с ними, значит, с самого начала не собирался сопротивляться до конца.

Эллара потянулась к пакету.

Ронан перехватил её запястье прежде, чем пальцы коснулись бумаги.

— Сегодня ты уже один раз использовала свою способность.

— Это был короткий отголосок.

— В прошлый раз ты говорила то же самое.

— И забыла, сколько лет Джулиану.

— Потом я вспомнила.

— Это не означает, что в следующий раз память вернётся.

— Дориан может покинуть станцию в любую минуту.

— Мы не станем врываться туда, опираясь только на слова Сирила.
— Поэтому мне и нужно узнать, как ушёл Гидеон.
Ронан не отпускал её.
— Сначала документ осмотрит Несса.
— Кровь высохла несколько часов назад.
— Дело не в заражении. — Он не отводил взгляда. — Дело в том, что ты всегда считаешь, будто способна заплатить любую назначенную цену.
— Это моя цена.
— Когда ты падаешь, не тебе приходится собирать то, что от тебя осталось.
Они смотрели друг на друга.
Марек благоразумно промолчал.
Тишину нарушила Несса.
— Она может прикоснуться.
Ронан повернулся к ней.
— Один раз, — продолжила Несса. — Не дольше минуты. Если реакция усилится, я её прерву. И что бы Эллара ни увидела, сегодня она больше не коснётся ни одного предмета, связанного со смертью.
Эллара посмотрела на Ронана.
— Ты слышал.
Только тогда он её отпустил.
Марек вскрыл пакет. Приказ положили в неглубокий металлический поддон. Кровь потемнела до коричневого и закрывала большую часть текста. Чётко читались лишь слова «Возвращённый».
Эллара прижала ладонь к бумаге.
Холод мгновенно пронзил кожу.
Комната исчезла.
Это не было цельным воспоминанием одного мёртвого. Приказ держали несколько человек, а кровь на нём принадлежала двум умирающим офицерам. Обрывки накладывались друг на друга, сбиваясь с последовательности; голоса перебивали один другой.
Первая сцена сложилась в старом коридоре за клиникой.
Офицер Чёрного Крыла направил на Гидеона пистолет.
— По приказу Двора Багровой Ночи...
Гидеон двинулся раньше, чем тот закончил фразу. Он перехватил его запястье и отвернул ствол к стене.
Грянул выстрел. Пуля разбила лампу над головой.
Коридор погрузился во тьму, и короткий клинок Гидеона вошёл офицеру в грудь.
Тот пошатнулся. Приказ выскользнул из руки и принял на себя кровь, стекавшую по ладони.
Изображение оборвалось.
Второй отголосок начался почти у самого пола. Приказ лежал на камне.
Картина яростно задрожала: другой офицер швырнул Гидеона на металлическую тележку. Бутылки и инструменты рассыпались. Гидеон уклонился от костяного лезвия, направленного ему в горло, вывернул противнику запястье до хруста и подхватил падающее оружие.
Офицер попытался подняться.
Гидеон не позволил ему атаковать снова. Он вогнал клинок под рёбра и прижал мужчину к полу.
Кровь растеклась по другой стороне приказа.
Смерть пришла не сразу. Умирающий ещё видел конец коридора.

Там стоял третий офицер Чёрного Крыла. Одно плечо обильно кровоточило, но пистолет всё ещё был направлен на Гидеона.

— Не двигайся.

У Гидеона тоже был пистолет. Магазин оставался не пуст. Он мог продолжить бой.

Вместо этого Гидеон внимательно посмотрел на выжившего и медленно опустил оружие. На полу слабело дыхание второго офицера. По краям его зрения сгущалась тьма.

Он увидел, как уцелевший товарищ наклонился, поднял окровавленный приказ и прижал раненные пальцы к словам «Возвращённый».

— Ты вернёшься добровольно? — спросил тот.

Гидеон взглянул на два тела.

Он не выглядел ни испуганным, ни побеждённым.

— Отведи меня к Серафине.

— Почему она согласится тебя принять?

— Скажи ей... — Гидеон убрал пистолет в кобуру. — Возвращённый вернулся.

Умиравший попытался поднять голову.

Но отголосок погрузился во тьму раньше, чем Гидеон и выживший ушли.

Смерть не могла следовать за живыми дальше последнего вдоха.

Эллара знала только одно: Гидеон убил двух офицеров Чёрного Крыла. Третий выжил. У её отца всё ещё хватало сил сопротивляться, однако он добровольно опустил оружие и потребовал отвести его к Серафине.

По крайней мере до ухода из клиники его не подчинили силой.

Холод хлынул обратно через приказ.

Эллара попыталась отдернуть руку. Ладонь не двигалась, словно примёрзла к бумаге.

После того как затихли выстрелы, в неё хлынули чужие чувства: боль, удушье, ужас людей, умиравших прежде, чем они успели осознать своё поражение.

Перед глазами почернело.

Её повело в сторону.

Кто-то подхватил её за плечи.

Руки были сильными и уверенными. Тепло ладоней казалось знакомым.

Эллара знала, что этот мужчина важен. Знала, что он защищал её. Знала, что она пользуется его властью, чтобы сделать то, чего не смогла бы добиться одна. Она помнила ширину его плеч и старый шрам под левыми рёбрами.

Но его имя исчезло.

Не затуманилось. Было вырвано.

Эллара подняла голову.

Лицо над ней казалось странно незавершённым.

— Кто ты?

Мужчина, державший её, замер.

В комнате никто не произнёс ни слова.

Он посмотрел на неё сверху вниз. Всё, что мелькнуло в его серых глазах, было задавлено самообладанием прежде, чем отразилось на лице.

Прошло несколько секунд.

— Ронан, — наконец сказал он. — Ронан Вейр.

Имя вернулось на место.

Первым восстановилось не их знакомство. Эллара увидела дождь, серебро, кровь и его руку, сжавшую её запястье в потайной комнате. Затем пришли Мункип, восточная башня и фамильное кольцо, положенное ей на ладонь.

Она закрыла глаза.

— Я вспомнила.

Ронана это не убедило.

— Кто я?

— Альфа Серого Клыка.

— Что ещё?

— Последний взрослый наследник дома Вейр.

— Что ещё?

Она посмотрела на него.

— Мужчина, который задаёт слишком много вопросов.

Марек осторожно выдохнул.

Несса немедленно убрала руку Эллары с приказа.

— Сколько времени?

— Меньше двадцати секунд, — ответил Марек.

— Она забыла его имя меньше чем за двадцать секунд. — То, что память вернулась, Нессу не успокоило. — Восстановление не доказывает, что повреждения не было.

Эллара села. Пальцы оставались онемевшими.

— Больше я ничего не забыла.

— Невозможно сразу проверить то, чего ты больше не знаешь, — сказала Несса. Она вложила Элларе в руки чашку тёплой воды. — Именно поэтому потеря памяти опасна. Ты не видишь пустоты, потому что уже не помнишь, что раньше находилось на её месте.

Эллара стиснула чашку и начала мысленно перебирать имена одно за другим.

Хелена. Джулиан. Гидеон. Её мастерская в Грейхарборе. События четырнадцатилетней давности. Церковь Холлоубон.

И ребёнок, которому не было места в этой временной линии и которого больше никто не помнил.

Имя Лиоры осталось. Как и её лицо.

Эллара не позволила внутренней проверке отразиться на лице.

Ронан продолжал наблюдать за ней.

— Ты проверяла ещё кого-то.

— Нет.

— Выражение твоего лица изменилось.

— Тебе показалось.

— Кого?

— Не твоё дело.

Он не поверил, но впервые не стал давить.

Эллара поставила чашку.

— Гидеон ушёл добровольно.

— По крайней мере, он сам потребовал отвести его к Серафине, — сказал Марек. — Это не то же самое, что добровольное возвращение во Двор Багровой Ночи.

— Зачем ему это понадобилось? — спросила Несса.

Ответа не было ни у кого.

Ронан посмотрел на приказ.

— Потому что ему нужно попасть туда, куда способен войти только Возвращённый.

— Что означает этот титул? — спросила Эллара.

— Не знаю. Внутренние титулы Двора Багровой Ночи не входят в волчьи архивы.

Он снова запечатал приказ.

— Дориан будет знать.

Марек развернул карту, описанную Сирилом. Пересадочная станция находилась на краю леса Блэкпайн. Над землёй она выглядела как заброшенный лесной пост. Под ним Весперы когда-то держали маршруты для перевозки людей и ритуального оборудования.

— По словам Сирила, Дориан уезжает сегодня ночью, — сказал Марек, указывая на северную линию. — После этой точки он войдёт на территорию стаи Рук. Нужно взять его раньше.

Ронан посмотрел на Эллару.

— Ты останешься здесь.

— Я еду.

— Ты забыла моё имя.

— И вспомнила его.

— Несса запретила тебе снова пользоваться способностью сегодня.

— Она мне не понадобится.

— Дориан знал Гидеона и знает, что произошло четырнадцать лет назад. — Эллага поднялась. — Ты правда думаешь, что я буду сидеть здесь, а потом приму ту часть его ответов, которую ты решишь мне принести?

Взгляд Ронана потемнел.

Она не дала ему ответить.

— Я не прикаснусь ни к одной реликвии. Не стану вмешиваться в захват. Но услышу его сама.

Марек посмотрел на Ронана, ожидая окончательного решения.

После долгого молчания тот произнёс:

— Ты остаёшься рядом с Нессой.

— Согласна.

— Не отделяешься от отряда.

— Согласна.

— Не приближаешься к Дориану, пока он не будет полностью обезврежен.

— Согласна.

— Ты согласилась слишком быстро.

Эллага взяла пальто.

— Потому что и не собиралась нарушать эти условия.

По его лицу было ясно: он ей не поверил.

У двери Ронан заговорил снова.

— В те двадцать секунд ты знала, кем я для тебя являюсь, но не помнила моего имени.

— Да.

— Ты помнила, что произошло между нами.

— Да.

— Значит, исчезло только слово.

— Пока что.

Ронан смотрел на неё.

— В следующий раз это может быть нечто большее.

Эллага не обернулась.

— Тогда захвати Дориана прежде, чем наступит следующий раз.

Она открыла дверь. В коридоре стражники уже готовили оружие и машины.

Ронан больше не пытался её остановить.

Он опустил взгляд на приказ. Под кровью по-прежнему ясно читались слова «Возвращённый».

Впервые Ронан понял: всякий раз, когда Эллага тянется к мёртвым, она может расплавиться не несколькими минутами памяти, а чем-то гораздо большим.

Однажды она может встать перед ним, помнить, что ненавидит его, помнить, что не доверяет ему, — и больше не помнить его имени.

Глава 25. Первый долг

Старая пересадочная станция на юге Блэкпайна была заброшена двенадцать лет назад.

Над землёй от неё остался лишь склад лекарственного сырья, почти полностью поглощённый лозами. Половина крыши обрушилась, а дождь стёр большую часть транспортных обозначений с наружной стены.

Перед отъездом из Мункипа Несса выдала каждому фильтрующую маску и небольшую дозу средства, замедляющего действие кровяных ядов. Когда-то на станции хранилось оружие Весперов, поэтому все предполагали, что среди защитных механизмов мог сохраниться отравляющий газ.

Лекарство могло замедлить проникновение яда в кровь. Маски отфильтровывали большинство распылённых веществ. Но ни то ни другое не спасло бы их надолго.

Маски висели у всех на шее, чтобы их можно было мгновенно натянуть на лицо.

Эллара вставила чёрный стеклянный ключ Гидеона в замок подземного входа.

Механизм тихо щёлкнул.

Ронан перехватил её запястье.

— Назад.

Из дверной рамы вылетела игла и вонзилась в деревянный столб напротив. На кончике блеснула тёмно-красная жидкость.

Кровяной яд.

Только после того, как Марек обезвредил механизм, дверь открыли полностью.

Подземный коридор оказался уже старых технических проходов Мункипа. Через каждые десять ярдов в стены были встроены красные лампы. Чем глубже спускался отряд, тем слабее становился запах сушёных трав и тем сильнее пахло кровью и металлом.

На нижнем уровне сохранились три помещения: склад, комната допросов и архивный кабинет, которым всё ещё пользовались.

Гидеона там не было.

В архиве горел свет.

За длинным столом сидел мужчина, словно заранее знал точный час их прибытия.

На вид ему было около пятидесяти. Волосы уже заметно поседели, а старый шрам тянулся от уголка левого глаза к челюсти. Длинное пальто офицера-исполнителя Чёрного Крыла аккуратно висело на спинке стула. На поясе оставались пустые ножны.

— Ронан Вейр, — первым произнёс он.

Затем посмотрел на Эллару.

— И дочь Гидеона.

— Дориан Кест?

Уголок его рта поднялся.

— Значит, Сирил всё ещё жив.

— Пока что.

— Он никогда не умел выдерживать допросы.

Люди Марека обыскали комнату. Второго выхода на виду не было. Дориан не пытался сопротивляться. Он положил обе руки на стол и подвинул к ним связку ключей.

Ронан остановился напротив.

— Четырнадцать лет назад ты доставил просьбу о помощи с границы.

— Да.

Ответ прозвучал слишком легко, словно этот поступок давно перестал казаться ему достойным сокрытия.

— Кто её написал?

— Я только доставил письмо.

— Через кого оно попало на волчью территорию?

— Через человека, который уже много лет мёртв.

— Имя.

— Ты убил слишком много пограничных курьеров, чтобы помнить каждого. — Дориан откинулся на спинку стула. — Но письмо пришло от меня. На нём стояла официальная печать Мункипа и старый код, оставленный твоим отцом. У тебя не было причин сомневаться.

— А когда я уехал, Весперы вошли с востока.

— Точнее, через третью восточную линию обороны.

— Кто отключил защиту?

Дориан взглянул на Эллару.

— Один из ваших.

— Кто?

— Имени мне не сообщали.

— Ты лжёшь.

— Я видел только служебную печать. — Он указал на шкафы у дальней стены. — Всё, что вам нужно, находится там.

Марек достал стопку транспортных документов. На одной странице была отмечена третья восточная линия обороны. Защитные руны намеренно ослабили за семнадцать минут до начала резни.

Поле для подписи оставалось пустым.

Стояла лишь печать одного из внутренних отделов Лунного совета.

Не Весперов. И не обычной стражи.

Кто-то среди волков открыл ворота.

Эллара подошла к столу.

— Кто убил Мейв и Орина?

— Разве отец тебе не рассказал?

— Я спрашиваю тебя.

— В последнюю комнату я не входил.

— Но знаешь, кто вошёл.

— Люди Серафины.

— Имена.

— Большинство уже мертвы.

— Кто выжил?

Дориан на мгновение замолчал.

— Лучше спросить не о том, кто убил ребёнка.

Рука Эллары легла на рукоять у пояса.

— Тогда о чём мне следует спросить?

— Ты знаешь, что Гидеон забрал кровь мальчика.

— И?

— Ты не знаешь, хотели ли они с самого начала убить ребёнка или им была нужна только кровь Вейров.

Он посмотрел на неё почти с издевательской жалостью.

— Но ты выжила с кровью Орина внутри. Он умер, а ты осталась жива, потому что его кровь использовали на тебе.

Дориан взял два правдивых факта и представил их как обмен.

Орин умер. Эллара выжила.

Но это не означало, что Дориан знал всю правду. Возможно, он просто пытался настроить её против Гидеона.

— Значит, ты участвовал в резне, — сказала Эллара.

— Я доставил письмо и провёл людей в Мункип.

— Ты знал, что внутри были дети.

— На войне всегда есть дети.

— Это была не война.

— Не для проигравшей стороны.

Правая рука Дориана двинулась из-под стола.

В ней было не оружие.

А кроваво-красный переключатель.

Ронан уже бросился к Элларе, когда Дориан нажал кнопку.

В стенах прогремели взрывы. Из щелей в комнату хлынул красный пар.

Дориан выдернул из-под воротника чёрную фильтрующую ткань и закрыл рот.

— Маски! — крикнул Марек.

Эллара натянула свою. Ронан и волки Серого Клыка сделали то же самое. Даже через фильтр она уловила сладковатый металлический запах. Средство уже начало действовать, но онемение успело распознаться по пальцам.

У них оставались считанные минуты.

Дориан опрокинул стол и вытащил короткий клинок из тайника за стулом.

Он не напал на Ронана.

Он пошёл прямо на Эллару.

Он знал, что Ронан станет её защищать. Знал, что, захватив её, сможет выторговать себе выход.

Эллара не отступила.

Нож с чёрной рукоятью, который дал ей Ронан, покинул ножны.

Клинок Дориана прошёл совсем близко от её плеча. Она повернулась и всадила своё оружие ему в живот.

Он хрипло выдохнул и ударил локтем ей в лицо. Эллара отшатнулась на полшага. Маска сужала поле зрения, а яд лишал пальцы надёжности.

Дориан вырвался и снова полоснул в сторону её горла.

Ронан схватил его за запястье.

Кость сломалась с сухим хрустом.

Оружие Дориана упало.

Ронан мог свернуть ему шею.

— Отпусти его, — сказала Эллара.

Ронан посмотрел на неё.

Дориан тоже.

— Хочешь сделать это сама?

Эллара встала перед ним.

— Четырнадцать лет назад ты доставил ложную просьбу о помощи.

— Да.

— Ты провёл Весперов в Мункип.

— Да.

— Ты знал, что внутри находятся Мейв и Орин.

Дориан улыбнулся.

— Да.

Раскаяния в нём не было. Он ждал, что она дрогнет перед последним шагом.

— Думаешь, моя смерть что-нибудь изменит?

— Нет.

Эллара вогнала нож ему между рёбер.

Его тело дёрнулось.

Она не отпустила рукоять. Продолжая смотреть ему в глаза, протолкнула клинок глубже.

— Но это первый долг.

Дориан рухнул. Кровь стекла по лезвию и по тыльной стороне её ладони.

Никто не произнёс ни слова.

Марек приказал двум волкам отключить газовый механизм и открыть подземную вентиляцию.

Это был первый человек, которого Эллара убила собственными руками после возвращения.

Не отголосок. Не сон. Не одна из смертей, которые она представляла, планируя месть.

Живой человек умер потому, что она решила его убить.

Её лицо оставалось спокойным.

Пальцы дрожали на рукояти.

Ронан подошёл к ней. Он не спросил, жалеет ли она, и не сказал, что она поступила правильно. Он взял со стола чистую ткань, перехватил её запястье и медленно, раз за разом, стёр кровь с её руки.

— Тебе не нужно убирать за мной.

— Я и не убираю.

— Тогда что ты делаешь?

Он вытер последнее тёмное пятно между её пальцами.

— Не хочу, чтобы его кровь оставалась на тебе.

Эллара не отдёрнула руку.

Только после того, как он отпустил её, она снова крепче сжала нож.

Марек закончил обыскивать шкафы.

— Здесь есть недавняя запись о перевозке.

Чернила ещё не успели выцвести. Документ датировался тремя днями ранее.

Поле груза было пустым.

В графе персонала стояло одно имя.

Гидеон Веспер.

Место назначения: Двор Багровой Ночи.

Эллара прочитала дальше. Всех, кого провозили через станцию, относили к определённой категории: заключённый, офицер-исполнитель, груз, посланник.

Строка Гидеона не относилась ни к одной из них.

В ней значился только один титул.

Возвращённый.

Глава 26. Возвращённый

После смерти Дориана пересадочная станция не погрузилась в тишину.

Подземную вентиляцию пришлось открывать силой, и красный туман медленно вытягивался из повреждённых труб. Не снимая масок, волки Марека ходили между архивом и складами, запечатывая каждый читаемый документ в пакет для улики.

Эллара оставалась у длинного стола.

Тело Дориана оттащили к стене. Кровь на полу ещё не высохла.

Она опустила взгляд на свои руки.

Ронан уже вытер их. Видимых пятен не осталось, однако пальцы всё ещё казались покрытыми тёплой кровью, будто её не смогла бы смыть никакая вода.

— Кое-что нашли, — позвал Марек.

Он вынул из самого дальнего шкафа тонкий чёрный реестр. Названия на нём не было. На первой странице перечислялись категории, которыми пользовались на пересадочных станциях Чёрного Крыла.

Заключённый.

Добыча.

Посланник.

Офицер-исполнитель.

Возвращённый.

Эллара подошла ближе.

— Что означает «Возвращённый»?

Марек перевернул страницу. Рядом с каждой категорией стояло краткое определение.

Заключённым называли человека, которого перевозили силой после сопротивления. Добычу ожидали допрос, казнь или извлечение крови. Посланникам разрешалось находиться только у внешних границ Двора Багровой Ночи. Офицеры-исполнители принадлежали Чёрному Крылу.

Наконец Марек дошёл до последней строки.

— Человек, ранее принадлежавший Вesperам, который покинул их из-за изгнания, бегства или сокрытия личности и теперь вновь вошёл в сферу контроля Двора.

Эллара сама перечитала формулировку.

— Возвращение в сферу контроля не означает возобновление верности.

— Судя по этой записи, нет.

Ронан стоял у неё за спиной.

— Это означает лишь, что Серафина по-прежнему признаёт его прежнюю личность.

Когда-то Гидеон служил Вesperам как офицер-исполнитель. Затем покинул Двор Багровой Ночи, взял фамилию Марлоу и почти двадцать лет прожил в Грейхарборе. Стоило ему снова оказаться на территории, которую контролировали Вesperы, Чёрное Крыло закономерно внесло его в список Возвращённых.

Этот титул не доказывал предательства.

Но и не доказывал, что Гидеон по-прежнему стоял на стороне семьи.

Эллара закрыла реестр.

— Продолжайте искать.

Документов на станции оказалось больше, чем они ожидали. Дориан занимался не только перевозками. Через его кабинет проходили старые маршруты Мункипа, сведения о перестановках в Чёрном Крыле, коды пограничных курьеров и устаревшие номера волчьей стражи.

В запечатанном металлическом футляре Марек нашёл старый план третьей восточной линии обороны Мункипа.

На нём были отмечены два уровня. Внешний защищал волчью территорию. Глубже располагался жилой район королевской семьи.

В ночь резни третью восточную линию отключили за семнадцать минут до начала нападения. Для этого требовалась печать одного из отделов Лунного совета.

В найденном ранее документе Дориана имени не было — только уровень доступа.

Марек сопоставил записи.

— Обычный представитель совета не обладал такими полномочиями.

— Кто обладал? — спросил Ронан.

— Председатель и заместитель председателя совета того времени, командир королевской стражи, верховный жрец и трое старших секретарей, отвечавших за чрезвычайную оборону.

— Сколько из них ещё живы?

— Меньше половины.

Эллара изучала линию, которую намеренно открыли.

— А внутренний королевский район?

— Эти записи сожжены.

— Что требовалось для входа?

— Кровь Вейров, — ответил Ронан, — или чтобы проход изнутри открыл член королевской семьи.

Четырнадцать лет назад Ронан уже покинул Мункип. В Мейв не было крови Вейров.

Оставался Орин.

Эллара посмотрела на Ронана.

— Сначала они ослабили восточную оборону и вошли во внешнюю часть замка.

— Только после этого они смогли добраться до Орина.

До проникновения враг не мог использовать кровь ребёнка. Первые ворота должен был открыть кто-то из волков.

Как впоследствии была нарушена защита королевского района, оставалось неизвестным. Возможно, Орина заставили открыть проход. Возможно, его кровь взяли уже после того, как нашли. А возможно, в хаосе кто-то открыл защиту изнутри.

Эллара не собиралась превращать отсутствие доказательств в уверенность.

— По меньшей мере доказано, — сказала она, — что кто-то с доступом к печати Лунного совета заранее отключил третью линию обороны.

Марек кивнул.

— Это доказано.

Ронан смотрел на размытую отметку разрешения.

Четырнадцать лет почти вся его ярость была направлена на Весперов и Гидеона. Теперь доказательства не оставляли сомнений ещё в одном: Весперы вошли в Мункип не только потому, что внешний враг оказался силён. Кто-то внутри открыл им дорогу.

Обыск продолжался до рассвета.

В личном ящике Дориана нашли отчёт Чёрного Крыла, который ещё не успели отправить. Он предназначался не Двору Багровой Ночи, а Мункипу.

Имени не было — только старый внутренний код, почти полностью соскобленный.

Сообщение состояло из одной строки.

Наследник Вейров привёл её в предел действия королевской крови. Можно начинать Вторую фазу.

Эллара перечитала дважды.

— Первой фазой был яд.

Ронана отравили. Эллара вынудили оказаться в восточной башне. Её кровь Весперов, королевская кровь Орина и изменённое состояние Ронана проверили в одной контролируемой ситуации.

Целью было не просто убить Ронана.

Они хотели увидеть, как кровь Эллары и Вейров отреагирует друг на друга.

— Что значит «предел действия королевской крови»? — спросил Марек.

Ронан посмотрел в сторону Мункипа.

— Лунный колодец.

На станции они не задержались.

После того как документы запечатали, Серый Клык начал отходить отдельными группами. Эллара, однако, не сразу села в машину.

Она обошла склад и остановилась возле заброшенного резервуара. Из ржавой трубы всё ещё тонкой струёй текла холодная вода.

Она вымыла руки один раз.

Затем ещё раз.

От холода кожа покраснела, но смывать было нечего.

Перед глазами оставалось лицо падающего Дориана. Он не испытывал раскаяния. Она не жалела, что убила его.

Оба утверждения могли быть правдой одновременно.

Позади послышались шаги.

Ронан остановился в нескольких шагах.

— В воде нет крови.

— Я знаю.

— Тогда что ты смываешь?

Эллара закрыла вентиль.

— Ты делал так после первого человека, которого убил?

Он помолчал.

— Да.

Его честность удивила сильнее, чем удивило бы отрицание.

— Когда это проходит?

— Не проходит. — Половина его лица скрывалась в темноте. — Со временем учишься носить это в себе и одновременно заниматься другими делами.

Она посмотрела на покрасневшие пальцы.

— Ты жалеешь о людях, которых убил?

— О некоторых.

— О таких, как Дориан?

— Такие, как Дориан, должны были умереть раньше.

У неё вырвался короткий смешок.

— Вот теперь ты снова похож на себя.

Ронан подошёл к резервуару и протянул чистую ткань.

— Я никогда не называл себя хорошим человеком.

— И не похож на него.

Она вытерла руки. Он не обиделся.

— Ты жалеешь? — спросил он.

— Что убила Дориана?

— Да.

Эллара сжала влажную ткань.

— Нет.

— Тогда помни почему.

— Зачем?

— Потому что причина может понадобится тебе прежде, чем ты убьёшь следующего.

Эллара подняла на него глаза.

В его голосе не было ни одобрения, ни осуждения. Он предупреждал: после первой смерти вторая дастся легче. И чем легче становилось убивать, тем важнее было понимать, зачем ты обнажаешь клинок.

Она вернула ткань.

— Ты каждый раз вспоминаешь причину?

— Нет.

— Поэтому о некоторых жалеешь.

— Да.

Он признал это, не пытаясь оправдаться.

Они вернулись к машинам. Марек уже запер последний ящик с уликами.

Вдали под покровом ночи лежал Мункип.

Вторая фаза началась. Они лишь ещё не знали, что враг поместил в Лунный колодец.

Сирила держали не в обычных камерах Мункипа, а в отдельном месте заключения Серого Клыка. Чёрное Крыло проникло в дисциплинарные архивы и маршруты снабжения. Поместить его в учреждение, которое всё ещё полагалось на старые разрешения, означало вернуть его в ту самую сеть, которую они пытались раскрыть.

После трёх допросов Сирил признал, что передавал Дориану Кесту запечатанные карты маршрутов. Он также признался, что Чёрное Крыло годами использовало машины снабжения между Серым Клыком и Мункипом для перевозки образцов крови.

Кто отдавал приказы, он не знал.

Каждое распоряжение приходило с номера дисциплинарного доступа, который официально вывели из эксплуатации много лет назад. Имени с ним не связывалось, только устаревший знак. После выполнения задания сообщение уничтожало себя.

Сирил мог подтвердить лишь одно: этот номер существовал уже четырнадцать лет назад.

Ронан запечатал показания в отдельном архиве.

Сирила не собирались освобождать.

Но и казнить его не собирались.

Пока они не установят человека, стоящего за старым кодом, Сирил оставался одновременно подозреваемым и единственным живым свидетелем транспортного маршрута.

Глава 27. Перед короной

В тот же день после возвращения в Мункип Лунный совет созвал чрезвычайное заседание.

Новости явно прибыли раньше них. Присутствовали представители всех семи стай. Часть документов, найденных на станции Дориана, лежала в центре зала, однако никто не начал с вопроса о том, кто из волков предал Мункип четырнадцать лет назад.

Начали с Ронана.

— Ты держишь Мункип запечатанным уже больше трёх дней.

— Ты ввёл вооружённые силы Серого Клыка в старый королевский район без одобрения совета.

— Ты задержал старшего служителя совета.

— Ты допрашивал Сирила Хорна вне полномочий совета.

— Ты позволил женщине, не принадлежащей ни к одной стае, казнить офицера Чёрного Крыла, который уже не мог сопротивляться.

Одно обвинение следовало за другим.

Все они были правдой.

Ронан сидел на дальнем конце длинного стола и не отрицал ни одного.

Эллара стояла чуть позади него. Стул ей не предложили. Этого упущения было достаточно, чтобы понять позицию совета.

Старейшина одной из северных стай ударил посохом о пол.

— Ронан Вейр, Лунный колодец тебя не признал, а ты уже распоряжаешься Мункипом так, будто стал королём.

Ронан встретил его взгляд.

— Если бы я не запечатал Мункип, Сирил отправил бы второй отчёт.

— Успешный результат не отменяет порядка.

— Четырнадцать лет назад ваш порядок позволил Весперам пройти через третью восточную линию обороны.

В зале стало тихо.

Лицо старейшины напряглось.

— Ты обвиняешь Лунный совет?

— Я говорю то, что показывают документы.

Ронан подвинул старый отчёт об обороне в центр стола.

— Печать одного из отделов Мункипа отключила третью линию. Четырнадцать лет спустя кто-то снова знал состав караула до его утверждения и оставлял приказы в старых проходах.

— Это не даёт тебе права обходить совет.

— За какими полномочиями вы хотите, чтобы я обратился?

Нынешний верховный жрец поднялся и развернул серый пергамент, сохранившийся со времён последнего правления.

— По старому закону.

Он раскрыл документ так, чтобы его видел весь зал.

— После смерти последнего Альфа-короля семь стай согласились на ограничение. Любой потомок Вейров, который запечатывает Мункип королевской властью, командует его постоянными силами или выносит чрезвычайные решения вместо совета, обязан пройти Испытание Владычества в Лунном колодце.

Эллара посмотрела на Ронана.

Он явно знал об этом законе.

— Если ты пройдёшь испытание, — продолжил верховный жрец, — тебя признают королевским наследником, имеющим право пользоваться этими полномочиями.

— А если провалюсь?

— Немедленно снимешь печать с Мункипа. Серый Клык покинет старый королевский район. Ты подчинишься совместному надзору семи стай.

Другой представитель добавил:

— Эллара Марлоу также будет передана совету для обследования.

Взгляд Ронана похолодел.

— Старый закон на неё не распространяется.

— Её кровь воздействует на Мункип.

— Доказательств нет.

— Тогда пусть решит Лунный колодец.

Спор разгорелся снова.

Аларик молчал, пока остальные не повернулись к нему. Как отец Мейв и один из старейших выживших членов совета, он мог повлиять на решение нескольких стай.

— Пусть проходит испытание, — сказал он.

Ронан посмотрел через стол.

Лицо Аларика оставалось спокойным.

— Ты пользовался властью наследника Вейров. Значит, примешь и ограничения, наложенные на наследника Вейров.

— Я ожидал, что именно ты меньше всех захочешь моего признания.

— Мне безразлично, нужна ли тебе корона. — В голосе Аларика не было тепла. — Мне важно, чтобы Мункип не оставался под властью человека, которого ничто не сдерживает.

Его довод был достаточно разумен, чтобы враждебность невозможно было отделить от логики.

Аларик повернулся к остальным представителям.

— Вespеры снова появились. Та же внутренняя печать, что использовалась четырнадцать лет назад, обнаружена вновь. Если семь стай продолжат спорить о том, кто вправе отдать приказ, мы сами дадим врагу второй шанс.

— Если Лунный колодец его отвергнет, Серый Клык покинет Мункип.

— Если примет, вы перестанете прикрываться порядком, чтобы затягивать каждое расследование.

Постепенно зал успокоился.

Верховный жрец обратился к Ронану.

— Ты принимаешь условия?

Ронан ответил не сразу. Его взгляд скользнул через стол и остановился на Элларе.

Он не спрашивал разрешения. Он оценивал, не подвергнет ли испытание её ещё большей опасности.

— Принимай, — сказала она.

Несколько представителей нахмурились.

— Ты не имеешь права говорить здесь.

— Всё заседание вы обсуждали мою кровь, — ответила Эллара. — Не решайте внезапно, что у меня нет права голоса, когда я отвечаю.

Никто не возразил.

Ронан снова посмотрел на верховного жреца.

— Принимаю.

— Испытание состоится завтра в полночь.

Испытание Лунного колодца не было коронацией.

Более двадцати лет семь стай не признавали истинного правителя. Кровь Вейров давала лишь право претендовать, не более. Если Ронан пройдет испытание, его признают королевским наследником с правом суверенной власти. Чтобы стать Альфа-королём, ему всё равно понадобятся публичные клятвы как минимум четырёх из семи стай.

Несса принесла старые записи об испытании в медицинскую комнату рядом с Лунным колодецом.

— Есть три этапа, — объяснила она.

Эллара сидела за столом, Марек стоял у окна.

— Кровь, волк и смерть.

— Первый подтверждает линию Вейров. Вторым вытягивает наружу полный волчий облик, а Лунный колодец проверяет, способен ли Альфа контролировать собственную силу.

— Третий? — спросила Эллара.

Несса замешкалась.

— Мёртвые по-настоящему не возвращаются. Лунный колодец создаёт образы из памяти испытуемого, его вины и смертей, которые связаны с ним теснее всего.

— Что знают эти образы? — спросил Марек.

— Только то, что знает или уже подозревает он сам. Они могут задать вопрос, которого он боится больше всего, но это не истинная воля мёртвых, и историческим свидетельством они служить не могут.

Мейв.

Орин.

Никому не пришлось произносить имена.

Эллара опустила взгляд на старые символы в записях.

Когда-то она верила, что понимает потери Ронана лучше всех. В первой жизни он редко говорил о Мейв и ещё реже — об Орине. Эллара знала, что они погибли. Знала, что Гидеон мог быть замешан. Знала, что эта утрата повлияла на интерес Ронана к ней.

Но эта часть его жизни существовала до встречи с Элларой.

Он любил другую женщину. Когда-то у него был сын. Он потерял целый дом.

Ничто из этого не становилось менее настоящим лишь потому, что позднее он полюбил Эллору и стал отцом Лиоры.

Дверь открылась.

Вошёл Ронан.

— Оставьте нас.

Несса подняла голову.

— Я ещё не закончила объяснять медицинские риски.

— Марек их знает.

— Он не врач.

— Поэтому завтра ты всё равно будешь здесь.

Несса посмотрела на Эллору, собрала записи и вышла. Марек последовал за ней.

Ронан снял кольцо с правой руки. Оно было сделано из почерневшего серебра, а по краю шёл тонкий волчий узор дома Вейр.

Он положил кольцо перед Элларой.

— Сохрани его.

Она не прикоснулась.

— Символ королевской власти?

— Нет.

— Оно открывает Мункип?

— Нет.

— Позволяет командовать Серым Клыком?

— Нет.

— Тогда что это?

— Семейное кольцо моей матери.

Личное наследство. Никакой власти. Никаких прав на трон.

Только после этого Эллара взяла его. На внутренней стороне виднелись неглубокие следы многолетней носки.

— Почему отдаёшь мне?

— Если я не выйду, передай Мареку.

— Не боишься, что я заберу его и исчезну?

— Кольцо тебе не нужно.

— А что мне нужно?

Ронан смотрел на неё.

— Ты ещё не решила.

Она ожидала, что он скажет: его смерть. Или он сам.

Но он не стал определять её желание вместо неё.

Эллара убрала кольцо в карман.

— Думаешь, что провалишься?

— Не знаю.

— Ты признаёшь, что чего-то не знаешь?

— Лунный колодец — не враг.

— Значит, ты не можешь его убить.

Ронан повернулся к окну. Напротив возвышалась каменная башня внешнего зала Лунного колодца.

— Образы в испытании не будут полностью настоящими, — сказал он.

— Потому что появятся из твоей памяти.

— Да.

Эллара смотрела ему в спину.

— Если оно примет лицо Орина и спросит, почему ты его не спас, что ты ответишь?

Его плечи замерли.

— Я отвечу.

— Что именно?

Он обернулся.

— Что вернулся слишком поздно.

Без оправданий. Без попытки переложить всю вину на Гидеона или Весперов.

Впервые Эллара не нашла немедленного ответа.

У двери Ронан оглянулся.

— Завтра ночью не стой слишком близко к Лунному колодцу.

— Почему?

— В тебе кровь Орина.

— Именно поэтому я должна быть там.

— Я не спрашивал.

— Значит, ты уже знаешь, что я не слушаюсь.

Он не стал спорить.

— Береги кольцо.

— Боишься, что потеряю?

— Что продашь.

Она холодно улыбнулась.

— Личное кольцо наследника Вейров должно стоить дорого.

— Если я умру, будет стоить ещё дороже.

После этого он ушёл.

Дверь закрылась. Эллар коснулась холодного металла сквозь ткань кармана, но не стала доставать его.

Тем же вечером Несса заранее проверила Лунный колодец.

Вода казалась обычной, пока она не поместила каплю крови Ронана во внешний испытательный канал.

Под неподвижной поверхностью вспыхнул второй кровавый узор.

Он принадлежал не Ронану.

Тонкая серебряная линия поднялась из трещин между камнями на дне, словно под водой проснулась старая рана.

Несса немедленно запечатала зал.

Когда Эллара прибыла, Ронан стоял у края колодца. Он не касался воды, но его серые глаза были прикованы к серебряному узору.

Эллара приблизилась.

Печать под её грудиной пронзила боль.

Она исходила не от её собственной крови. Что-то, спавшее в её костях четырнадцать лет, отвечало.

Несса посмотрела на неё и побледнела.

— Это не неизвестная линия Вейров.

Она повернулась к воде.

— Она принадлежит тому же человеку, чья кровь запечатана внутри Эллары.

Голос Ронана стал очень тихим.

— Орин.

Второй серебряный узор под водой вспыхнул ярче, словно ребёнок, умерший четырнадцать лет назад, открыл глаза на дне Лунного колодца.

Глава 28. Приглашение Серафины

Лунный колодец оставался запечатанным всю ночь.

Несса и верховный жрец провели все доступные им проверки. Вторая линия королевской крови больше не существовала как обычная кровь. Она просочилась в старые канавки на дне колодца и смешалась со следами, оставленными поколениями дома Вейр.

Отделить её было невозможно.

Никто не мог определить, когда она попала туда.

Верховный жрец стоял у воды.

— Если попытаться извлечь её силой, пострадает старый королевский узор.

— Что произойдёт? — спросила Эллара.

— Может отказать внешняя защита Мункипа.

Марек нахмурился.

— Как четырнадцать лет назад?

— Хуже.

Старый королевский узор был связан не только с Лунным колодцем, но и с подземной защитой Мункипа, системой водоснабжения и аварийными проходами. Его разрушение могло оставить весь замок открытым.

Несса положила испытательную иглу в поддон.

— Я могу подтвердить, что кровь сохранялась очень долго. Её не брали недавно у живого человека.

Ронан стоял дальше всех от воды. После того как они установили, что кровь принадлежит Орину, он больше не подходил к краю.

— Кто-то пронёс её в Мункип, — сказал Марек.

— Благовония для очищения, ритуальные материалы, обезболивающее — она могла находиться в любой поставке.

— Сирил не знает, — сказала Эллара. — Он лишь переносил то, что ему давали. У человека, поместившего кровь в Лунный колодец, был более высокий доступ.

Верховный жрец приказал проверить все записи о ритуалах за последние шесть месяцев. Подозрительных подписей не оказалось, как и несанкционированных входов или случаев заметного нарушения печатей колодца.

Значит, кровь спрятали внутри предмета, который попал туда законно, и высвободили во время обычного ритуала.

Несса начертила над вторым следом подавляющий узор. Серебряное сияние медленно потускнело.

— Это скрывает только поверхностную реакцию.

— На сколько? — спросил Ронан.

— Пока Лунный колодец снова не соприкоснётся с полной живой линией Вейров.

Испытание было назначено на полночь.

Лунному колодцу предстояло коснуться крови Ронана.

— Отмените его, — сказала Эллара.

— Старый закон уже приведён в действие, — ответил верховный жрец.

— Тогда отложите.

— Не больше чем на три дня.

— Используйте эти три дня, чтобы найти способ убрать кровь.

Несса покачала головой.

— Проблема не только в том, что находится в колодце.

Она прижала детектор к груди Эллары. Серебряная игла немедленно задрожала.

С прошлой ночи по костям Эллары двигалась тонкая ноющая боль — не сильная, но непрерывная, словно что-то внутри искало выход.

— Когда Лунный колодец полностью пробудит кровь Орина, родственная кровь в твоём теле отзовётся.

— Что тогда произойдёт?

— Печать может расколоться.

Ронан спросил:

— Кто способен прекратить отклик Лунного колодца на другую линию Вейров?

Верховный жрец посмотрел на него.

— Взрослый наследник, официально признанный Лунным колодцем.

В комнате воцарилась тишина.

Испытание нельзя было отменить.

Ронан должен был пройти его не ради короны, а ради временной власти над Лунным колодцем — достаточной, чтобы разорвать резонанс между кровью Орина в воде и печатью внутри Эллары.

Она посмотрела на потускневший серебряный след.

Враг знал правила.

Первой фазой был яд: проверка того, как её кровь реагирует на кровь Ронана.

Вторая фаза поставила их обоих перед Лунным колодцем.

В полдень к Мункипу прибыл посланник Двора Багровой Ночи.

Он не пытался скрываться. Чёрная карета открыто остановилась у главных ворот. Посланник был одет в официальные одежды Весперов, а на груди виднелась целая эмблема Чёрного Крыла. Оружия на виду не было. Под взглядами всей стражи он предъявил багровое письмо.

Оно предназначалось не Ронану.

Оно было адресовано Элларе старым письмом Весперов.

Эллара Веспер.

Она не стала открывать сразу.

— Леди Серафина требует ответа, — сказал посланник.

Ронан стоял рядом с Элларой.

— Она не Веспер.

— Кровь не выбирают.

— Фамилию выбирают.

— Двор Багровой Ночи признаёт кровь.

Эллара сломала печать.

Гидеон Веспер вернулся туда, где ему и место.

Если хочешь узнать, что произошло в Мункипе четырнадцать лет назад, явись во Двор Багровой Ночи сама.

Никого не приводи.

Ты увидишь отца живым и узнаешь, почему он использовал кровь Орина, чтобы спасти тебя.

Эллара сложила письмо.

— Передай Серафине, что я приду.

Ронан повернулся к ней.

— Но сначала, — продолжила Эллара, — мне нужны доказательства, что Гидеон жив.

— Леди Серафина не принимает условий.

— Тогда я не принимаю приглашений.

Посланник некоторое время смотрел на неё, затем слегка улыбнулся.

— Я передам ваш ответ.

Перед уходом он вынул из-под пальто вырванную страницу чёрного реестра.

— Гидеон Веспер отдал это в качестве доказательства.

Почерк принадлежал Гидеону.

То, что ты видишь в смерти, правдиво, но не всегда полно.

Это не была просьба о спасении. И не просьба довериться Серафине.

Гидеон напоминал ей, что предсмертные отголоски сохраняют лишь отдельные фрагменты.

Она видела, как он выходит из убежища Орина. Видела, как уносит кровь. Но не видела, что произошло до этого.

Она видела, как меч Ронана входит ей в грудь в церкви Холлоубон.

Это не обязательно означало, что она видела всё.

Её пальцы сильнее сжали страницу.

Ронан прочёл предложение, но не спросил, какого воспоминания оно коснулось.

Когда посланник уехал, Марек отправил всадников следить за каретой. Другой отряд двинулся к вероятным точкам передачи, которыми пользовалось Чёрное Крыло.

— Нам не позволят проследить за ним до самого Двора Багровой Ночи, — сказала Эллара.

— Но мы можем подтвердить первую часть маршрута, — ответил Марек.

— Проверьте, с кем он связывался до входа в Мункип.

— Уже приказал.

Эллара повернулась к Нессе.

— Снова обследуй печать.

— Сейчас?

— Мне нужно знать, что я потеряю, если кровь Орина в Лунном колодце полностью пробудится.

— Возможно, не только память, — сказала Несса. — Печать подавляет силу смерти, которая пробудилась в тебе в девять лет. Если она расколется, способность воспринимать смерть может расшириться и выйти из-под контроля.

— Можно запечатать её снова?

— Кровью Вейров той же линии.

Все взгляды обратились к Ронану — единственному живому взрослому Вейру.

Его лицо напряглось.

— Её больше не нужно контролировать чужой кровью.

— Я объясняю способ, а не выбираю его.

— Найди другой.

— Приказ не изменит того, как это работает.

— Сначала обследуй меня, — сказала Эллара, вмешиваясь в спор.

Она не позволит кому-либо ещё решить, должна ли кровь Ронана войти в её тело. Но и не станет отвергать единственный известный способ, пока не поймёт, чем рискует.

После обследования Ронан остановил её во внешнем коридоре.

— Ты не пойдёшь во Двор Багровой Ночи одна.

— Я не говорила, что пойду.

— В приглашении сказано именно это.

— То, что пишет Серафина, и то, что решаю я, — разные вещи.

Он схватил её за руку — не настолько сильно, чтобы причинить боль, лишь чтобы не дать уйти.

— Ты собираешься использовать себя как приманку.

— Не впервые.

— В прошлый раз это происходило внутри Мункипа.

— И?

— Здесь речь о Дворе Багровой Ночи.

Эллара встретила его взгляд.

— Ты собираешься меня запереть?

— Если понадобится.

На одно мгновение с её губ едва не сорвались слова из другой жизни.

Запертая дверь. Стражники, следившие за каждым шагом. Ронан, называвший это защитой, пока держал её в комнате и самостоятельно разобрался со стаями и Гидеоном.

Когда он вернулся, Лиора уже исчезла.

— В моей первой жизни ты...

Эллара замолчала.

Выражение Ронана мгновенно изменилось.

— Что?

— Ты всегда выбираешь один и тот же ответ.

— Что ты только что сказала?

— Ничего.

— Эллара.

— Я сказала, что не собираюсь идти одна. — Она высвободила руку. — Требование Серафины войти без сопровождения не означает, что остальные должны остаться в Мункипе.

— У тебя есть план.

— Я его составляю.

— Он включает меня?

— Зависит от того, окажешься ли ты полезен.

Он не обиделся.

— Что тебе нужно?

— Чтобы сначала ты пережил испытание Лунного колодца.

Она ушла.

Ронан больше не остановил её.

Впервые они обсудили отъезд, не доведя спор до момента, когда один из них попытался навязать окончательное решение. Не потому, что Ронан одобрял риск, а потому, что наконец понял: она не ждала разрешения.

Она уже расставляла фигуры.

Его выбор состоял не в том, запереть ли её.

А в том, войти ли в ту же сеть.

В ту ночь на подавляющем узоре над Лунным колодцем появилась трещина.

К тому времени, как Несса добралась до зала, серебряный след на дне снова сиял. Никто не касался воды. Никакая внешняя сила не пересекала защиту.

Настоящим пусковым механизмом была родственная кровь внутри Эллара.

Она стояла в коридоре в десятках ярдов от воды, но печать под грудиной тянула её вперёд невидимой нитью. Кровь Ориана в её костях отвечала колодцу.

Под кожей запястья вспыхнули серебряные узоры.

Ронан подхватил её прежде, чем подкосились колени.

— Смотри на меня.

— Я не потеряла сознание.

— Ты не можешь стоять.

Она попыталась оттолкнуть его, но боль лишила пальцы силы.

Узор в Лунном колодце вспыхнул ярче.

Несса наблюдала, как показания растут в обоих местах.

— Это не дистанционное управление из Двора Багровой Ночи. Лунный колодец уже начал пробуждать линию Вейров, готовясь к испытанию.

Она посмотрела в воду.

— Кровь Орина отзывается раньше времени, но то, что спрятано внутри неё, ещё не проявилось полностью.

Несса повернулась к Ронану.

— Ты обязан пройти.

— Иначе каждый раз, когда Лунный колодец будет призывать кровь Вейров, он продолжит разрывать её печать.

Ронан удерживал Эллару на ногах, пока серебряные прожилки под водой разрастались, словно живые сосуды.

Вторая фаза не требовала, чтобы Серафина продолжала воздействовать на них издалека.

Она поместила механизм в Лунный колодец и стала ждать, когда внутрь войдёт истинный наследник Вейров.

Глава 29. Испытание Лунного колодца

Перед полуночью внешний зал Лунного колодца заполнили представители всех семи стай.

Жрецы стояли у воды. Несса разложила инструменты за границей ритуального круга. Элларе приказали держаться не ближе тридцати футов от колодца.

Она отказалась.

В конце концов Эллара отступила лишь на три шага от края.

Ронан снял пальто и оружие. Он закатал чёрные рукава до локтей, обнажив почти зажившие раны вокруг запястий.

К нему подошёл верховный жрец.

— После начала испытания никто не вправе прерывать его силой.

— Понимаю.

— Первый этап подтверждает кровь. Второй испытывает волка. Третий столкнёт тебя с образами, созданными из собственной памяти и смертей, связанных с тобой теснее всего.

Ронан посмотрел в воду.

— Начинайте.

Верховный жрец вынул обсидиановый ритуальный нож с костяной рукоятью. В чёрном лезвии не было серебра или чего-либо, что могло бы обжечь волчью кровь.

Он рассёк ладонь Ронана.

Первая капля упала в Лунный колодец.

На мгновение ничего не произошло.

Затем на дне вспыхнул королевский узор, спавший много лет. Волк Вейров начал подниматься по камню, и низкая вибрация прошла сквозь фундамент Мункипа.

— Лунный колодец признаёт кровь дома Вейр, — объявил верховный жрец.

Первый этап завершился.

Ронан вошёл в воду. Она доходила лишь до пояса.

Когда течение унесло вторую каплю крови, всё его тело напряглось. Послышался треск меняющихся костей. Рубашка разорвалась на плечах, когда волк прорвался сквозь человеческий облик.

Через несколько секунд в центре колодца стоял чёрный волк, намного крупнее обычного оборотня. Серые глаза и старая травма на плече не оставляли сомнений. Под тёмной шерстью у левых рёбер всё ещё был виден бледный серебряный шрам.

Второй этап не был сражением.

Лунный колодец усиливал древнейшие инстинкты волка: территориальность, агрессию, подчинение и стремление господствовать.

Каждый волк на каменных ярусах ощутил давление. Несколько молодых стражников невольно опустили головы. Другие против воли отступили назад.

Ронан должен был сохранить осознание самого себя. Он не мог напасть. Не мог использовать силу Альфы, чтобы заставить кого-либо подчиниться.

Поначалу контроль удерживался.

Затем второй кровавый узор на дне вспыхнул.

Зал наполнился запахом Орина.

Чёрный волк резко вскинул голову. Из его горла вырвался низкий звук — не ярость, а боль.

В тот же миг печать Эллары раскололась сильнее. Под кожей ниже ключицы выступили серебряные линии.

Она шагнула вперёд.

Несса схватила её за руку.

— Не подходи ближе.

— Это не Орин.

Лунный колодец использовал кровь ребёнка, чтобы создать иллюзию его присутствия.

Спустя четырнадцать лет поисков Ронан снова чувствовал запах сына. Он был настолько близко, что казалось: достаточно разорвать воду и вытащить ребёнка наружу.

Когти волка прочертили камень на дне. Старый королевский узор содрогнулся.

— Нельзя входить в колодец! — крикнул верховный жрец.

Эллара вырвала руку из хватки Нессы. В воду она не вошла. Лишь подошла настолько близко к краю, насколько могла.

— Ронан.

Волк не посмотрел на неё.

— Ронан Вейр.

Наконец серые глаза повернулись к ней.

От боли Элларе было трудно дышать. Между ними не было связи пары, она не могла проникнуть в его сознание и не обладала властью над его волком.

Она могла только сказать правду.

— Это не Орин.

Дыхание волка участилось.

— Кто-то поместил его кровь в Лунный колодец. Они хотят, чтобы ты поверил, будто он всё ещё здесь.

Ронан смотрел на неё.

— Запах настоящий, — сказала Эллара. — Но ребёнка в воде нет.

Это было жестоко.

И это была единственная правда, достаточно сильная, чтобы до него достучаться.

Волк опустил голову. Когти всё ещё упирались в камень.

Прошло много времени, прежде чем он сделал шаг назад и перестал идти за запахом.

Вода успокоилась.

Эллара не спасла его. Она лишь назвала иллюзию. Остановиться решил сам Ронан.

Зажёгся второй королевский узор.

— Лунный колодец признаёт его волка, — объявил верховный жрец.

Когда начался третий этап, все огни в зале погасли.

Волчий облик Ронана исчез. Он снова стал человеком и остался стоять в чёрной воде, тогда как все звуки внешнего зала были отрезаны.

Эллара всё ещё видела его, но понимала, что он никого не слышит.

Во тьме возник горящий Мункип.

Это было не настоящее прошлое и не сознание мёртвых. Лунный колодец взял огонь из памяти и вины Ронана, придав тела людям, которые уже не могли ему ответить.

В дальнем конце пылающего коридора появилась женщина. Светлые волосы. Серо-голубые глаза. Кровь на платье.

Мейв.

Не настоящая Мейв. Лишь та версия, которую Ронан помнил яснее всего, говорившая голосом, услышать который он боялся.

— Почему ты ушёл?

Ронан не сказал, что сообщение с границы было ложным. Не сказал, что кто-то специально выманил его.

— Я верил, что Мункип защищён.

— Поэтому ушёл.

— Да.

— Ты вернулся слишком поздно.

— Да.

Образ сделал шаг ближе.

— Потом ты нашёл другую женщину.

Ронан не стал отрицать.

— В ней кровь Орина.

— Да.

— Сначала ты приблизился к ней из-за Гидеона.

— Да.

Снаружи ритуала Эллара слышала не все слова, но резонанс крови Орина приносил ей обрывочные отголоски.

Фигура с лицом Мейв повернулась туда, где стояла Эллара. Настоящая Мейв не могла её видеть. Просто Ронан знал, что она находится рядом.

— Ты используешь её, чтобы вернуть корону?

— Нет.

— Она ключ к Лунному колодцу.

— Она не мой ключ.

— Тогда кто она?

Ронан долго молчал.

— Человек, которому я причинил боль.

Грудь Эллары сжалась.

Горящий коридор исчез.

Вокруг Ронана возник подвал. Пятилетний Орин сидел в углу, на воротнике всё ещё была застёгнута серебряная пуговица.

Ребёнок поднял глаза.

— Отец.

Это лицо тоже происходило из памяти Ронана. Оно не принадлежало духу Орина.

Ронан не приблизился.

— Почему ты не вернулся?

— Я вернулся слишком поздно.

— Куда ты уходил?

— Кто-то использовал ложное сообщение, чтобы выманить меня.

— Значит, это была не твоя вина?

— Не вся.

Орин поднялся.

— Какая часть была твоей?

— Я поверил письму. Доверил безопасность Мункипа другим. Думал, что, если буду соблюдать правила, все останутся на месте до моего возвращения.

Ребёнок ничего не сказал.

Лунный колодец не заставлял мёртвых прощать его. Не объявлял невиновным или виновным. Он ставил перед Ронаном вопрос, которого тот избегал, и требовал, чтобы он ответил собственным голосом.

Резонанс усилился.

Видение перед Элларой изменилось.

Это был уже не искусственный образ испытания, а настоящий фрагмент, вырванный из памяти Ронана.

Она увидела его возвращение в Мункип.

Огонь добрался до королевского района. Ронан выбил дверь подвала.

Мейв лежала у стены, прижимая к себе Орина.

Тело ребёнка было слишком маленьким.

Ронан опустился в кровь и сначала коснулся лица Орина. Ответа не было. Он протянул руки, чтобы поднять его, но остановился прежде, чем прикоснулся, словно малейшее давление могло сломать тело.

Наконец он прижал ребёнка к себе.

Он не взвыл. Не потерял контроль.

Только склонил голову и снова и снова повторял имя сына.

Эллара никогда не видела такого Ронана.

Когда умерла Лиора, она держала ребёнка и плакала, пока не перестала дышать. Она верила, что Ронан не вошёл, потому что всё ещё взвешивал интересы стай, короны и угрозу Гидеона.

Теперь Эллара видела: потеряв Орина, он тоже стоял на коленях в крови.

Это не оправдывало того, что позднее он сделал с ней. Не стирало ни одного его решения после смерти Лиоры.

Но его горе было настоящим.

Таким же настоящим, как её собственное.

Тьма отступила от Лунного колодца. Образы Мейв и Орина исчезли.

Ронан остался стоять.

Под водой зажёгся третий королевский узор.

— Лунный колодец признаёт, что он встретился со смертью лицом к лицу, — сказал верховный жрец.

Три узора соединились. Цельный волк Вейров поднялся со дна и вошёл в грудь Ронана.

Серебряная корона не появилась.

Семь стай ещё не принесли ему клятв. Альфа-королём он не стал.

— Лунный колодец признаёт Ронана Вейра достойным суверенной власти, — объявил верховный жрец. — С этой ночи он является наследником Вейров, признанным Лунным колодцем.

Никто не приветствовал его. В зале стояла лишь напряжённая тишина.

Ронан поднял руку. Королевский узор подчинился его приказу и погрузился в воду.

Второй след, оставленный Орином, начал отделяться от печати Эллара. Боль под грудью ослабла.

Печать не закрылась полностью, но по крайней мере перестала рваться дальше.

Ронан вышел из воды. Несса немедленно накинула ему на плечи пальто.

Он посмотрел мимо неё на Эллара.

— Ты всё ещё помнишь моё имя?

Она поняла, о чём он спрашивал.

— Пока что.

— Хорошо.

Эллара коснулась кольца в кармане.

Она не успела его вернуть: Лунный колодец пронзил резкий треск.

Серебряный след Орина, почти погасший, вспыхнул снова.

На этот раз свет был не серебряным.

Чёрно-красным.

Второй узор Весперов, скрытый внутри королевской крови, активировался именно в тот миг, когда Лунный колодец признал нового наследника.

Глава 30. Она встала рядом с ним

Чёрно-красный узор рванулся вверх со дна Лунного колодца.

Это было не пламя, а сеть тонких линий, расплывшаяся по воде. Сначала они обвили серебряную королевскую кровь Орина, затем устремились к каменному краю.

Печать внутри Эллары снова разорвалась.

Под кожей ниже ключицы вспыхнул чёрно-красный свет.

Это увидел каждый член Лунного совета.

Для них зараза в Лунном колодце отвечала ей.

— Отойдите от воды!

Стражники обнажили оружие. Несколько представителей стай поднялись с каменных ярусов.

— Это она.

— Кровь Весперов отравляет королевский колодец.

— Она пробуждает кровь Орина с того самого момента, как вошла в Мункип.

Боль заставила Эллару отступить на полшага.

Ронан встал перед ней.

— Опустите оружие.

Один из старейшин крикнул:

— Лунный колодец признал тебя всего несколько мгновений назад, а ты уже защищаешь ту, кто его отравляет?

— Нет доказательств, что она поместила что-либо в воду.

— Узор отвечает ей.

— Потому что кровь Орина уже находится внутри неё.

— Тогда её следует немедленно задержать.

Аларик спустился с каменных мест.

Он не встал рядом с Элларой. Но и к обвинителям не присоединился.

— Сначала пусть Несса установит источник.

Старейшина повернулся к нему.

— Что ещё тут устанавливать?

— Если бы она могла управлять Лунным колодцем перед всеми нами, то не стала бы выбирать для разоблачения момент сразу после того, как Ронан прошёл испытание. — Голос Аларика оставался холодным и размеренным. — Страх не является доказательством.

Он не защищал Эллару. Он лишь отказывался выносить решение до появления доказательств.

Несса уже опустилась на колени у края. Она погрузила детектор в чёрно-красную линию.

Стеклянная трубка разбилась.

— Отложенный кровавый узор, — сказала она.

— Когда его поместили? — спросил верховный жрец.

— До того, как кровь Орина попала в Лунный колодец.

— Он образовался не сегодня?

— Нет. — Несса взяла другой прибор. — Этот слой был спрятан внутри королевской крови. Он мог активироваться только после того, как Лунный колодец официально признал нового наследника Вейров.

На мгновение зал погрузился в тишину.

Эллара заставила себя выпрямиться.

— Значит, Вторая фаза не должна была заставить меня потерять контроль до испытания.

Ронан оглянулся на неё.

— Она должна была дожидаться, пока я получу власть, а потом показать всем, как твоя печать отвечает Лунному колодцу.

Семь стай обвинят Эллару в заражении. В первую же ночь после признания Ронану придётся выбирать между короной и ею.

Несколько представителей по-прежнему не желали отступить.

— Каковы бы ни были сроки, она часть пускового механизма.

— Заприте её в чёрнокаменном крыле.

— Решение примем после обследования печати.

Эллара подняла голову.

— Кто разрешил поместить кровь Орина в Лунный колодец?

Никто не ответил.

Она достала запись, найденную на станции Дориана, и вывела её в центр зала: третья восточная линия обороны, время её отключения, печать отдела Лунного совета и маршрут, сохранявшийся четырнадцать лет.

— Вы вправе задавать вопросы о моей крови, — сказала Эллага, обращаясь к каменным ярусам. — Но человек, открывший Мункип Весперам четырнадцать лет назад, носил вашу собственную эмблему.

— Это не связано с сегодняшним заражением, — возразил один из представителей.

— Связано напрямую.

Эллара показала недавние транспортные документы Гидеона. Благовония для очищения. Ритуальное оборудование. Лекарства. Всё поступало в Мункип через склады совета.

— Кровь Орина пришла не со мной. Она находилась в Лунном колодце ещё до того, как я вошла в замок.

— Человек, имевший доступ к поставкам, комнате подготовки и воде, всё это время находился внутри Мункипа.

Она посмотрела прямо на старейшину, требовавшего её заключения.

— И ваша первая реакция — убить единственного человека, чьё тело отвечает этой крови.

— Почему?

— Потому что так удобнее?

— Или потому, что кто-то хочет отделить меня от Лунного колодца прежде, чем я продолжу расследование?

Голоса вспыхнули снова.

Ронан не перебивал её. Он стоял между ней и оружием, но не говорил за неё, пока она сама могла говорить за себя.

Лишь когда совет попытался назначить официальное голосование по её задержанию, он вмешался.

— Голосования не будет.

Верховный жрец нахмурился.

— Признание Лунного колодца не позволяет тебе упразднить совет.

— Я ничего не упраздняю.

— Тогда позволь представителям решить.

— Старый закон разрешает признанному королевскому наследнику применять чрезвычайную защиту, когда Мункип подвергается внутреннему нападению.

Один из старейшин ударил ладонью по подлокотнику.

— В первую же ночь своей власти ты бросишь вызов всем семи стаям ради женщины с кровью Весперов?

Ронан встретил его взгляд.

— Её вину определяют доказательства.

— Не ваш страх.

— А если это решение будет стоить тебе клятв семи стай?

Ронан не колебался.

— Значит, оно будет стоить мне клятв.

Зал полностью стих.

Эллара смотрела на его профиль.

В первой жизни она ждала именно этого ответа. Ждала, что Ронан хотя бы один раз ясно выберет между ней и требованиями стай.

Услышать его сейчас не означало возместить прошлое.

Ронан перед ней ещё не был тем мужчиной, который потерял Лиору, перестал доверять Элларе и запер её. В этой жизни он делал другой выбор.

Это не стирало её воспоминаний.

Но меняло то, что произойдёт дальше.

— Заражение Лунного колодца остаётся под совместным расследованием Нессы и жречества, — сказал Ронан. — Эллара не заключат. Серый Клык берёт под контроль все выходы, которыми пользовались поставщики ритуальных материалов. Несогласные могут завтра подать вызов по старому закону.

Сразу никто не ответил.

Лунный колодец признал его власть. Пока четыре стаи не принесут ему клятвы, он не станет королём. Но во время внутренней атаки на Мункип он мог отдавать временные королевские приказы.

Чёрно-красный узор запечатали в самом глубоком слое воды.

Ронан разорвал большую часть его связи с Элларой. Оставшуюся силу нельзя было удалить, пока они не найдут человека, пронёсшего кровь Орина в Лунный колодец.

Когда зал опустел, Эллара подошла к Ронану и вынула из кармана чёрно-серебряное кольцо.

— Испытание закончилось.

— Да.

Она протянула кольцо.

— Возьми.

Ронан не поднял руки.

— Пока оставь у себя.

— Зачем?

— Я еду во Двор Багровой Ночи.

Эллара внимательно посмотрела на него.

— Сегодня ты получил признание и собираешься покинуть Мункип?

— Серафина уже начала Вторую фазу. Третья не станет ждать, пока мы закончим спорить с советом.

— Значит, ты намерен ехать со мной?

— Ты сказала, что не собираешься идти одна.

Она сжала кольцо в ладони.

— Тебе нужна правда об Орине или корона?

— И то и другое.

— А если можно получить только одно?

Ронан помолчал.

— Четырнадцать лет назад кто-то другой решил, что важнее — Мункип или граница, — и устроил этот выбор за меня.

— После этого всякий раз, когда меня заставляли выбирать, я считал потерю одного ценой за сохранение другого.

Его взгляд остановился на ней.

— Я больше не позволю другому человеку решать, что именно должен потерять.

Это не было романтическим обещанием.

Ронан всё ещё хотел корону. Всё ещё хотел узнать правду об Орине. Он не собирался отказываться от стаи или власти ради Эллары.

Но и не станет считать её первой фигурой, которой можно пожертвовать.

Она снова убрала кольцо.

— Я не буду подчиняться твоим приказам.

— Я знаю.

— Во Дворе Багровой Ночи я не расскажу тебе каждую часть своего плана.

— Буду смотреть и учиться.

— А если Гидеон действительно вернулся к Весперам?

— Ты сама решишь, что делать.

— Ты не убьёшь его?

— Если он участвовал в смерти Мейв и Орина, убью.

— Тогда что означал твой ответ?

— Что я не объявлю его виновным до появления доказательств.

Эллара не продолжила спор.

Это было пределом, до которого мог уступить Ронан. Не прощение Гидеона. Лишь отказ убивать его заранее.

После того как все ушли, Эллара одна вернулась к Лунному колодцу.

Поверхность была спокойной. Лишь в глубине изредка двигался слабый чёрно-красный отсвет.

Она присела у воды. От малейшей ряби отражение размылось.

На другой стороне появился ребёнок.

Лиора стояла босиком в бледно-голубом платье, которого не касалась вода. Сначала она посмотрела на Эллару, затем — на дверь, через которую ушёл Ронан.

— Мамочка.

— Да.

— В этот раз папа пойдёт с нами?

Эллара не могла этого обещать.

В первой жизни Ронан годами шёл рядом с ней и всё равно оказался по другую сторону.

Она посмотрела на отражение дочери.

— В этот раз я никому не позволю выбирать за меня.

Лиора словно не поняла полного смысла, но всё равно кивнула.

Вода дрогнула, и маленькая фигура исчезла.

Эллара поднялась.

Когда она вышла из внешнего зала, Ронан всё ещё ждал снаружи. Он не торопил её и не спросил, что она делала одна у воды.

Лишь повернулся, когда она подошла.

В этот раз Эллара не позволила ему идти впереди.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 31. Союз — не прощение

На следующее утро Ронан прислал в комнату Эллары план поездки во Двор Багровой Ночи. Три одинаковые машины. Два открытых маршрута. Один настоящий путь, известный только Ронану, Мареку и волку Серого Клыка, назначенному водителем.

С ними отправятся не больше шести человек. Перед выездом из Мункипа все устройства связи проверят ещё раз. После входа на территорию, контролируруемую Двором Багровой Ночи, никто не сможет отделиться от группы без разрешения.

Эллара перевернула последнюю страницу. В самом конце стояло отдельное указание, предназначенное только для неё.

До начала операции Эллара Марлоу не имеет права покидать восточное крыло Мункипа без сопровождения члена Серого Клыка.

Она долго смотрела на эту строчку. Буквы расплылись. В памяти возникла другая дверь. Тяжёлый чёрный камень. Двое охранников снаружи, не решавшихся встретиться с ней взглядом. Тонкий серебряный обруч на запястье. Из-за крови Орина, жившей в её костях, серебряная подкладка обожгла кожу до мяса.

Она колотила в дверь, пока не заболели руки. Лиоре угрожала опасность. Элларе нужно было увидеть Ронана. Охранники повторяли лишь одну фразу:

— Альфа приказал вам оставаться здесь.

Ронан говорил то же самое.

— Я сам разберусь.

— Здесь ты в безопасности.

Она вцепилась в его одежду и отказалась отпустить. Сказала, что кто-то в Лунном совете лжёт. Сказала, что им нужна Лиора. Но Ронан посмотрел на её дрожащие руки и решил, что страх лишил её способности рассуждать.

Он оставил её с Сабиной Кроу и ушёл.

К тому времени, когда он вернулся, Лиора исчезла.

За дверью послышались шаги. Эллара закрыла папку. Ронан вошёл без стука. Запястье всё ещё было перебинтовано. Серебряная королевская метка, оставленная Лунным колодцем, скрывалась под воротом чёрной рубашки и становилась заметной лишь при движении.

— Закончила?

— Да.

— Возражения есть?

Эллара положила документ на стол.

— Мне нельзя покидать восточное крыло без Серого Клыка.

— Верно.

— А если я откажусь?

— Я добавлю охрану.

Он ответил без колебаний. В её сознании снова захлопнулась чёрнокаменная дверь. Эллара посмотрела на него.

Ронан сразу заметил перемену. Это было не обычное раздражение и не злость из-за ограничения свободы. Ненависть поднималась из самой глубины её тела — такая яростная, словно он уже бесчисленное количество раз запирали её за той дверью.

— Чего ты боишься? — спросил он.

— Я похожа на испуганную?

— У тебя изменился пульс.

— И что?

— Ты смотришь на меня так, будто я уже что-то сделал.

Эллара опустила глаза и снова открыла папку.

— Сделал.

— Я назначил охрану, чтобы защитить тебя.

— Ты всегда любил решать за других, что именно означает защита.

Его брови сошлись.

— Я не собираюсь тебя заключать.

— Разница только в том, заперта ли дверь?

— В пределах восточного крыла ты можешь передвигаться свободно.

— В пределах, которые разрешил ты.

— Двор Багровой Ночи ждёт тебя, а информатора внутри Мункипа мы до сих пор не нашли.

— Тогда мне следует поблагодарить тебя.

— Благодарности я не просил.

Эллара подняла взгляд.

— Тогда и доверия не проси.

Между ними опустилась тишина. Ронан подошёл к столу.

— Я никогда не утверждал, что между нами есть доверие.

— Не забывай об этом. — Она отчётливо произнесла каждое слово. — Сейчас мы стоим на одной стороне только потому, что у нас общий враг. Вчера ты заслонил меня собой. Это не значит, что прежде ты никогда не стоял против меня.

Ронан внимательно её изучал.

Она явно говорила не только о последних двух неделях. Он направлял меч на Гидеона, задавал вопросы о крови в её венах и ограничивал ей доступ в некоторые части Мункипа. Ничто из этого не объясняло ненависть, словно вырезанную у неё на костях.

— Я уже причинял тебе боль?

Её пальцы замерли на краю страницы всего на мгновение.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты не ведёшь себя как женщина, которая опасается, что мужчина может её ранить. — Его голос стал ниже. — Ты ведёшь себя так, будто уже точно знаешь, что я сделаю.

Эллара закрыла папку.

— Тебе мерещится.

— Нет.

— То, что ты чувствуешь запах эмоций, ещё не значит, что ты видишь воспоминания.

Он не стал спорить. Эллара встала и подтолкнула бумаги обратно к нему.

— Я принимаю условия.

Он не расслабился.

— Почему ты так быстро передумала?

— Ты ведь хочешь меня защитить?

— Да.

— Тогда защищай.

Она попыталась пройти мимо, но Ронан преградил ей путь рукой.

— Что ты задумала?

— Остаться в восточном крыле, как мне приказано.

— Ты слишком легко согласилась.

— Когда я отказываюсь, ты возражаешь. Когда соглашаюсь, ты начинаешь подозревать.

— Она подняла на него глаза. — Все наследники дома Вейр настолько требовательны?

Ронан не позволил ей увести разговор в сторону.

— Ты собираешься использовать охрану.

На губах Эллары появилась слабая улыбка.

— Ты сам её ко мне приставил.

— Эллара.

— Что-нибудь ещё?

Он некоторое время смотрел на неё, затем опустил руку.

— Нет.

Она вышла из комнаты.

Эллара действительно приняла все ограничения. Ей больше не требовалось бросаться собственным телом на дверь, которую запер Ронан.

Лунный колодец признал его. За ним стоял Серый Клык, временная власть над Мункипом и право на королевский статус, которое семь стай пока не осмеливались открыто оспаривать.

Всё это могло стать клинком в её руке.

Однажды она потеряла всё, потому что доверилась ему. На этот раз его достаточно было использовать.

Для союза доверие никогда не являлось обязательным.

В ту ночь, заперев дверь, Эллара достала из потайной подкладки чемодана чёрную тетрадь без обложки.

На первой странице она записала несколько имён.

Серафина Веспер.

Женщина, которая на самом деле влила яд в тело Эллары в церкви Холлоубон. Одна из тех, кто втянул Лиору в ритуал.

Кассел Рук.

В прошлой жизни именно он предложил Лунному совету передать Лиору под совместную опеку семи стай. Трёхлетнего ребёнка он назвал «королевской кровью, осквернённой вампиром».

Сабина Кроу.

Она заперла Эллару, отобрала нож и раз за разом уверяла, что Лиора в безопасности, хотя знала: ребёнка уже вывезли из Мункипа.

Аларик Торн.

Рядом с его именем Эллара поставила вопросительный знак.

Последним она написала:

Ронан Вейр.

Возле этого имени вопросительного знака не было. Она не зачеркнула его. Долго смотрела, а затем вывела рядом три слова:

Оставить его напоследок.

Размышляя о путях, которые однажды могли ей понадобиться, Эллара вспомнила ещё одно имя.

Эллиот Мерсер.

Его работа никогда не ограничивалась обычным антиквариатом. На протяжении многих лет он время от времени расследовал для Протокола Завесы торговлю сверхъестественными реликвиями. Некоторые принадлежали мёртвым владельцам. Другие были связаны с пропавшими гибридами, незаконной торговлей кровью и поддельными человеческими личностями.

Сам Эллиот документов не подделывал. Он устанавливал происхождение предметов, разыскивал прежних владельцев и передавал людей, оказавшихся в опасности, подразделению защиты Протокола Завесы. Благодаря этой работе он знал тех, кто отвечал за конфиденциальную медицинскую помощь, переселение свидетелей и тайные переводы через границы.

Защищённые личности получали законные документы и выдерживали обычную человеческую проверку биографии. Просто сведения о крови, прежнем адресе и причине защиты не попадали в открытые системы.

Эллиот не мог заставить человека исчезнуть из пустоты.

Но если человек действительно имел право на защиту, Эллиот знал, кто способен создать маршрут, невидимый для стай, Двора Багровой Ночи и обычных пограничных служб.

Глава 32. Письмо, которое так и не дошло

Перед отъездом во Двор Багровой Ночи Эллара попросила вернуться в убежище. Причину она не объяснила. Ронан не отказал.

Когда их машина подъехала к заброшенному саду, у старого дома стоял тёмно-серый автомобиль, не принадлежавший Серому Клыку. Кузов покрывали полосы грязи после долгой дороги. На заднем сиденье были закреплены два металлических ящика с инструментами и чёрный запечатанный сундук.

Эллара вошла в гостиную и увидела мужчину у окна.

Угольное пальто. Светлая рубашка. Старые часы на правом запястье. Левая рука без кожаной перчатки, на кончиках пальцев — тонкий слой металлической пыли.

Волосы были короче, чем она помнила: пепельно-каштановые пряди падали на лоб. Когда орехово-зелёные глаза встретились с её взглядом, лицо смягчилось от облегчения, словно он наконец убедился, что она жива.

— Элла.

Так её не называли уже много лет. Не Эллара. Только Элла — имя, которое постоянно звучало в мастерской Мерсеров, когда она была маленькой.

Перед ней стоял двадцатилетний Эллиот Мерсер.

Он ещё не превратился в того молчаливого мужчину, каким его сделают годы без известий о ней. В мужчину, который однажды заметит её в переполненном зале, издали посмотрит и отвернётся.

Они ещё не успели по-настоящему потерять друг друга.

Эллара остановилась на несколько секунд. Эллиот подошёл. Он не обнял её — лишь посмотрел в лицо, затем на неповреждённые руки.

— Тётя Хелена сказала, что ты оказалась втянута во что-то крайне неприятное.

— Она выразилась мягко.

— Джулиан был менее деликатен.

С другого конца дивана Джулиан немедленно возмутился:

— Я всего лишь сказал, что отец исчез, вампиры и оборотни существуют, а кто-то хочет её похитить.

Эллиот посмотрел на него.

— И ты не считаешь это неприятностями?

— Я считаю это катастрофой.

Из кухни вышла Хелена.

— Эллиот приехал сегодня утром. Он получил сообщение, которое Гидеон оставил заранее.

Только тогда Эллара заметила чёрный сундук на столе. Следом за ней вошли Ронан и Марек.

Взгляд Эллиота оторвался от Эллары и остановился на Ронане. В их первой встрече не было открытой враждебности, но воздух в комнате будто стал тяжелее. Ронан был выше и подавлял одним присутствием. Эллиот не отступил.

— Ронан Вейр?

— Да.

— Гидеон упоминал вас.

— Что он сказал?

— Если вы появитесь лично, значит, дело стало слишком опасным для обычных людей.

Ронан посмотрел на запечатанный сундук.

— И всё же вы приехали.

— Ящик можно передать только Элле.

Он произнёс это имя так естественно, будто даже не задумался, следует ли использовать другое в присутствии Ронана.

Эллара подошла к столу.

— Когда отец связался с тобой?

— Десять дней назад.

Ещё до того, как Ронан появился за клиникой. Гидеон заранее начал готовить путь отхода.

Эллиот расстегнул ремни вокруг сундука. Обычной замочной скважины не было — только углубление, сделанное под старинную печать.

Из набора инструментов он достал медный штамп. На нём был вырезан не знак Мерсеров, а пара сомкнутых чёрных крыльев.

Выражение Ронана изменилось.

— Собственность Весперов.

— Гидеон отдал его мне три года назад. — Эллиот вдавил печать в углубление. — Он лишь сказал, что происхождение некоторых древностей не должно появляться в обычных аукционных записях. Позже я понял, что Протокол Завесы — не просто выражение, которым коллекционеры пугают новичков.

Эллара посмотрела на него.

— Ты уже знал?

— Я знал, что в этом мире существуют вещи, которые нельзя выставлять в открытой витрине. Не знал лишь, что Гидеон сам относится к этому миру.

Сундук щёлкнул и открылся. Внутри лежали документы о происхождении, три старых предмета, завернутых в чёрную ткань, и каталог частного аукционного дома Грейхарбора. Сверху находилась записка Гидеона.

Если Эллара придёт за ящиком, передай ей все оригиналы.

Не отдавай их дисциплинарной службе Мункипа. Особенно Сабине Кроу.

На последнем имени пальцы Эллара не дрогнули, но грудь сдавила тяжесть.

Эллиот заметил.

— Ты её знаешь?

— Слышала о ней.

Ронан стоял за спиной Эллара. Он услышал, как ускорился её пульс, и уловил ту же эмоцию, что появилась утром.

Ненависть.

Ещё один человек, с которым в этой жизни она едва пересекалась, но уже ненавидела так сильно, что не могла скрыть.

— После исчезновения Гидеона, — продолжил Эллиот, — в аукционный дом Мерсеров пришли с официальным разрешением дисциплинарной службы Мункипа и потребовали этот ящик.

— Когда?

— Два дня назад.

— Ты его отдал?

— Разумеется, нет.

— Почему?

Эллиот встретился с ней взглядом.

— Потому что Гидеон ясно сказал: он предназначен только тебе.

Он достал разрешение из папки. На листе стояла серебристо-серая печать дисциплинарной службы Мункипа. Подпись принадлежала Сабине Кроу.

Ронан взял документ.

— Откуда она узнала, что ящик у вас?

— Я хотел бы знать то же самое. Ничего из того, что Гидеон просил меня расследовать, никогда не проходило через официальные каналы Мункипа.

Первым предметом оказался почерневший королевский знак в форме волчьей головы. На обратной стороне стоял инвентарный номер внутреннего королевского крыла Мункипа четырнадцатилетней давности.

Вторым было украшение в виде чёрных крыльев, снятое с серебряного ритуального сосуда.

Третьим — печать торгового каравана, с которой намеренно сточили имя владельца.

Документы показывали: за последние полгода все три вещи вновь появились через разные человеческие аукционные каналы Грейхарбора. Последний покупатель пользовался одним и тем же подставным счётом.

А этот счёт был связан с финансами пограничного каравана, принадлежавшего стае Рук.

— Кассел Рук, — сказал Ронан.

Эллиот посмотрел на него.

— Вы его знаете?

— Альфа другой стаи.

— Значит, Гидеон просил меня расследовать не просто кражу древностей.

Эллара перелистала каталог. На нескольких страницах Гидеон оставил карандашные пометки. Она понимала их. В детстве отец научил её записывать сведения так, чтобы они не привлекали внимания. На вид это были комментарии реставратора, но на самом деле они отмечали маршруты перевозок.

Грейхарбор. Территория Блэкпайн. Склад снабжения Лунного совета. Внешняя торговая площадка, контролируемая Двором Багровой Ночи. И внутренний код приёма, связанный с дисциплинарной службой Мункипа.

Это ещё не доказывало, что Сабина заразила Лунный колодец. Но подтверждало: ей уже было известно о предметах, которые расследовал Гидеон.

Эллара закрыла каталог.

— Когда она прибывает в Мункип?

— Сегодня вечером, — ответил Ронан.

— Зачем?

— Дисциплинарная служба и так должна была проверить маршрут и персонал операции во Дворе Багровой Ночи.

Эллара слегка кивнула.

— Хорошо.

Ронан наблюдал за ней.

— Что в этом хорошего?

— Мне не придётся её искать.

— Что ты задумала?

Эллара не ответила.

Эллиот остался на обед. В его присутствии Хелена заметно расслабилась. Джулиан без конца расспрашивал о происшествиях в северных аукционных домах. На короткое время дом вновь обрёл атмосферу прежней жизни семьи Марлоу.

Без Лунного совета. Без королевской крови. Без людей, подсчитывающих, какую дверь можно открыть одной каплей крови.

Эллиот подвинул к Элларе блюдо с другого края стола. Не поднимая глаз, она автоматически приняла его.

— Ты до сих пор не ешь сладкий соус?

— Нет.

- Тётя Хелена говорит, ты почти ничего не ешь.
- Она преувеличивает.
- Нет.

В их обмене не было ничего романтического — только близкое знакомство, которого Ронан с ней не разделял.

Ронан знал, как Эллара держит нож. Знал, как её тело реагирует на его приближение. Знал, что перед ложью её глаза становятся спокойнее.

Но не знал, какой соус она не любит. Не знал, почему она стала реставратором. Не знал, что, услышав имя Эллы, она не поправляет человека сразу.

После обеда Эллиот вместе с ней изучал у окна обгоревший королевский знак.

— Ты опять двигаешь большим пальцем правой руки, — негромко заметил он.

Эллара посмотрела вниз. Она незаметно для себя растирала сустав.

— Я не нервничаю.

— Ты говорила это каждый раз, когда что-нибудь ломала в детстве.

— Я больше ничего не ломаю.

— Знаю. — Он сделал паузу. — Ты лишь стала реже это признавать.

Эллара посмотрела за окно.

После свадьбы с Ронаном в прошлой жизни она написала Эллиоту три письма. В первом рассказала о прекрасно сохранившейся коллекции старых королевских украшений в Мункипе.

Во втором спросила, починили ли наконец протекающую крышу над мастерской Мерсеров.

В третьем была только одна строчка:

Как ты?

Ответа не пришло ни на одно. Эллара решила, что Эллиот больше не хочет поддерживать связь с замужней женщиной. И не написала снова.

Теперь, глядя на разрешение с подписью Сабины, она впервые подумала о другом.

Возможно, те письма вообще не покидали Мункип.

— Эллиот.

— Да?

— Если бы я тебе написала и письмо дошло, ты мог бы просто не ответить?

Вопрос показался ему странным.

— Смотря что бы ты написала.

— Обычное приветствие.

— Тогда ответил бы.

— Даже если бы я была замужем?

Он на мгновение замолчал.

— Я бы не вмешивался в твой брак.

— Но ответил бы?

— Да. — Он посмотрел на неё. — Пока письмо всё ещё было предназначено мне.

Больше Эллара ничего не спросила.

Письма из прошлой жизни, оставшиеся без ответа, вдруг обрели новый смысл.

Ронан стоял в другой части комнаты. Не все слова до него донеслись. Только «замужем» и «ответил».

После выхода из убежища он остановился у машины.

— Он хорошо тебя знает.

Эллара открыла дверь.

— Мы выросли вместе.

— Он знает о Протоколе Завесы.

— Отец использовал его для работы с необычными древностями.

— Он зовёт тебя Эллой.

Она повернулась.

— И что?

Ронан не ответил.

— Он знал меня за много лет до тебя, — сказала Эллар и села в машину.

Ронан ещё мгновение оставался снаружи, осознавая неприятную истину.

Эллар не была настороженной со всеми.

Она просто не доверяла ему.

Глава 33. Она научилась улыбаться

Сабина Кроу прибыла в Мункип ближе к сумеркам. Ей было около сорока. Чёрные волосы безупречно собраны на затылке. На тёмно-сером мундире дисциплинарной службы не было украшений, кроме серебристо-чёрного знака, подтверждавшего право на инспекцию.

Войдя в зал Совета, она сперва поклонилась Ронану. Затем посмотрела на Эллару. Взгляд прошёл от её лица к короткому клинку на поясе и остановился на бледнеющих следах кровавой печати на коже.

Ни явного отвращения. Ни открытой враждебности.

Только слишком много спокойствия.

— Мисс Марлоу.

Голос Сабины ничуть не изменился с прошлой жизни Эллары.

— В ближайшие несколько дней я буду отвечать за проверку безопасности операции.

Эллара смотрела на неё. В памяти снова сжался серебряный обруч.

Сабина стояла в чёрнокаменной комнате и собственноручно забирала у Эллары нож. Женщины-охранники удерживали её за плечи, пока обыскивали одежду и подошвы обуви.

Эллара снова и снова спрашивала:

— Где Лиора?

Сабина положила клинок в металлический ящик.

— Ребёнок находится в безопасном месте.

— Я хочу её увидеть.

— Когда успокоитесь.

— Её уже забрали, да?

Сабина не ответила прямо.

— Все ограничения введены ради вашей безопасности.

Теперь прозвучали те же слова.

— Двор Багровой Ночи выбрал вас своей целью, — сказала Сабина. — Пока маршрут не подтверждён, прошу вас не предпринимать самостоятельных действий. Все ограничения введены ради вашей безопасности.

Кончики пальцев Эллары похолодели. На лице медленно появилась улыбка.

— Я понимаю.

Сабина, похоже, не ожидала согласия.

— Вы не возражаете?

— Разумеется.

— В том числе против проверки ваших вещей перед отправлением?

— Да.

— Доступ к вашим записям связи также должен оставаться открытым.

— Без проблем.

Ронан стоял по другую сторону длинного стола и наблюдал за Элларой. Так она не выглядела, когда кому-то доверяла. Если она улыбалась ему подобным образом, значит, уже решила что-то скрыть.

Но когда так она улыбалась врагу, становилось ещё опаснее.

До завершения заседания в Мункип прибыла ещё одна группа. Во главе шёл мужчина в тёмном пальто военного покроя, на воротнике которого находился волчий герб Блэкпайна.

Кассел Рук.

Нынешний альфа стаи Блэкпайн, одной из семи. Он был на несколько лет старше Ронана. Золотисто-каштановые волосы уже тронула седина, а левую бровь пересекал старый шрам.

В прошлой жизни Эллары именно этот мужчина предложил Лунному совету лишить её единоличной опеки над Лиорой.

«Ребёнок с королевской кровью Вейров не должен воспитываться одной женщиной-гибридом из Весперов».

Он называл кровь Лиоры нестабильной. Говорил, что девочка станет путём проникновения Весперов в волчьи стаи.

Когда Эллара ворвалась в зал Совета, Кассел ни разу не назвал ребёнка по имени. Только: «Наследница, заражённая вампирской кровью».

Охрана утатила Эллару, а Кассел остался за столом и ни разу на неё не посмотрел.

Теперь он тоже не пытался скрыть неприятия.

— Ты собираешься взять её во Двор Багровой Ночи? — прямо спросил он Ронана.

— Да.

— Она знает настоящий маршрут?

— Она знает то, что должна знать.

Кассел холодно усмехнулся.

— Дочь Весперов не должна иметь доступа ни к одной операции, в которой участвуют семь стай.

Эллара молча наблюдала за ним. Ненависть медленно поднималась в груди. Она не бросилась на Кассела, как когда-то. Не стала доказывать, что не является оружием Весперов.

Вместо этого Эллара сунула руку в карман и достала чёрно-серебряное кольцо, которое доверил ей Ронан.

Оно на мгновение поймало свет, прежде чем Эллара надела его на указательный палец правой руки.

Кольцо не служило символом королевской власти, но являлось старой личной вещью дома Вейр. Кассел его узнал. Сабина тоже. Несколько представителей повернулись к Ронану.

Он не попросил Эллару снять кольцо.

Этого хватило, чтобы все сделали нужный вывод.

Выражение Кассела изменилось.

— Ты отдал ей фамильное кольцо Вейров?

Ронан ничего не объяснил.

— Это не твоё дело.

Эллара посмотрела на Кассела и медленно повернула кольцо на пальце.

Именно такой реакции она и добивалась.

Пусть считают, что Ронан полностью ей доверяет. Пусть считают её очевидной слабостью недавно признанного наследника Вейров. Пусть считают, что её пленение способно затуманить его рассудок.

Никто не клюнет на приманку, которой не видит.

После заседания Эллара добровольно пришла во временный кабинет Сабины с дорожной сумкой, подготовленной к досмотру. Сабина отпустила двух женщин-офицеров и проверила содержимое сама.

Одежда. Лекарства. Реставрационные инструменты, которые дал Эллиот.

И карта маршрута, спрятанная в подкладке.

Сабина вынула её.

— Что это?

На лице Эллары мелькнула паника. Не преувеличенная — ровно настолько заметная, чтобы создать впечатление скрываемой тайны.

— Вас это не касается.

— Перед отправлением необходимо заявить все частные маршруты.

— Эта дорога не ведёт во Двор Багровой Ночи.

— Старая западная дорога в итоге выходит к Грейхарбору. — Сабина подняла глаза. — Вы собираетесь покинуть Мункип?

Эллара промолчала. Сабина расправила карту на столе.

— Ронан знает?

— Нет.

— Почему Грейхарбор?

— Там моя семья.

— Они находятся под защитой Серого Клыка.

— Я не доверяю Серому Клыку.

Сабина молча смотрела на неё. Эллара продолжила:

— Ронан не рассказывает мне весь план.

— Альфа обязан ставить стаю на первое место.

Снова тот же ответ.

В прошлой жизни, когда Эллара умоляла Ронана сперва искать Лиору, Сабина сказала:

«Альфа должен думать обо всех стаях. Он не может действовать, опираясь лишь на ваш страх».

Эллара подавила поднимавшееся в груди чувство.

— Что, если он решит оставить меня в Мункипе?

Сабина снова сложила карту.

— Значит, это будет сделано ради вашей защиты.

Эллара посмотрела на неё, а затем улыбнулась.

— Вы правы.

Она забрала карту и вернула её в подкладку сумки.

Сабина не остановила Эллара перед уходом. Не приказала уничтожить карту.

Потому что ей было необходимо, чтобы та осталась на месте.

Ронан ждал в коридоре. Как только Эллара вышла, он увидел её улыбку.

— Ты ей улыбалась.

— Мне запрещено улыбаться?

— Каждый раз, когда ты улыбаешься так, ты готовишься кому-то навредить.

Эллара подошла и поправила ворот его пальто. Жест выглядел интимным. В дальнем конце коридора всё ещё проходили члены Лунного совета.

Ронан не двинулся.

— Для чего ты используешь меня теперь?

— Чтобы все продолжали верить, будто ты в меня влюбился.

Он посмотрел на неё.

— Тебе не нужно стараться. Они и так в это верят.

Её пальцы замерли.

— Включая тебя?

Он не ответил.

— Что бы тебе ни требовалось заставить их думать, я подыграю.

— Этого достаточно.

В прошлой жизни Ронан тоже любил её. Обнимал, целовал и дарил бесчисленные ночи, когда она верила, что они всегда будут на одной стороне.

Любовь не помешала ему сомневаться в ней.

Не спасла Лиору.

Не остановила его меч, вошедший ей в грудь.

Теперь несколько двусмысленных слов не могли её тронуть.

Ронан посмотрел на кольцо.

— Почему ты носишь его открыто?

— Оно красивое.

— Ты не любишь украшения без назначения.

Эллара повернула кольцо гербом наружу.

— Никто не клюнет на приманку, которой не видит.

— Кого ты выманиваешь?

Она посмотрела на закрытую дверь кабинета Сабины.

— Того, кто любит решать за меня, что безопасно.

Взгляд Ронана потемнел.

— Ты её знаешь?

— Я знаю, какой выбор она сделает.

— Откуда?

Эллара встретила его взгляд.

— Это не входит в сведения, которыми я обязана делиться в рамках нашего союза.

Поздней ночью на старой западной дороге Мункипа появились подозрительные машины.

Два чёрных автомобиля без знаков ждали за заброшенным пунктом оплаты.

Внутри находились пятеро: трое оперативников Чёрного Крыла, работник каравана стаи Рук и гибрид-исполнитель с ядом Весперов.

Они ждали почти час.

Эллара не пришла.

Вместо неё появились Марек и засада Серого Клыка.

Бой занял меньше пяти минут. Двое погибли на месте. Трех взяли живыми.

Карта, найденная у гибрида, полностью совпадала с той, что Эллара спрятала в дорожной сумке.

Сгибы. Отметки. Даже намеренно поставленная клякса в правом нижнем углу.

Эту карту осматривал только один человек.

Сабина Кроу.

Глава 34. Ради вашей безопасности

Сабину привели в комнату для допросов в три часа ночи. Она не сопротивлялась и не выглядела удивлённой.

Её временный кабинет опечатали. В скрытом отсеке стола люди Марека нашли три вещи.

Во-первых, наполовину сгоревший лист пепельной бумаги. Среди уцелевших слов были «западная», «одна» и время.

Во-вторых, временный пропуск Мункипа с разрешением подразделения Сабины в дисциплинарной службе. Его номер относился к той же серии, что и пропуск одного из захваченных членов Чёрного Крыла.

В-третьих, внутренние транспортные записи каравана стаи Рук за последний месяц. Два дня назад одна машина вошла в сектор снабжения Мункипа без груза, но с временным разрешением, подписанным Сабиной.

Эти доказательства не подтверждали, что Кассел лично обо всём знал. Зато доказывали: Сабина воспользовалась транспортным каналом Руков, чтобы передать сведения за пределы Мункипа.

В комнате присутствовали Ронан, Марек, Эллара и нынешний верховный жрец.

Касселу также приказали явиться.

Просмотрев транспортные записи, он сразу заявил:

— Работник каравана не представляет всю стаю Рук.

Ронан спросил:

— Кому принадлежит машина?

— Каравану.

— Кто подал заявку на разрешение?

— Подчинённый.

— И ты ничего не знал?

Выражение Кассела стало жёстким.

— Ни один альфа лично не проверяет каждую телегу и каждую машину.

Он с привычной лёгкостью переложил вину.

Эллара пока не стала его разоблачать. Его имя уже было записано в её тетради. Если сейчас вынудить его признаться, он лишь пожертвует ещё несколькими людьми, которых считает расходным материалом.

Ей было нужно, чтобы Кассел продолжал считать себя в безопасности.

Ронан положил перед Сабиной ложную карту маршрута.

— Объясни.

Она опустила глаза.

— Я проверяла эту карту.

— А потом?

— Я её не копировала.

— Версия, найденная у группы в засаде, полностью совпадает с оригиналом.

— Я не единственный человек в дисциплинарной службе.

Марек придвинул к ней временный пропуск.

— Разрешение создано вашей личной печатью.

— Ею могли воспользоваться без моего ведома.

— Где находилась ваша печать прошлой ночью?

Сабина не ответила.

Ронан продолжил:

— Кто приказал тебе передать маршрут Эллары?

— Никто.

— Ты знаешь наказание за измену стаям.

— Знаю.

— И всё равно не заговоришь?

Наконец Сабина подняла глаза. Сначала на Ронана, затем на Эллару.

— Как вы считаете, чего она стоит для семи стай?

Голос Ронана похолодел.

— Ответ на вопрос.

— Её кровь уже дважды вызвала возмущение в Лунном колодце. Четырнадцать лет назад Весперы проникли в Мункип через королевскую кровь Орина. Теперь та же кровь находится в ней.

Эллара молча слушала.

— Со мной связались, — сказала Сабина.

Верховный жрец спросил:

— Кто?

— Имени не было.

— Каким способом?

— Пепельная бумага.

— Что требовали?

Сабина посмотрела на карту.

— Доставить её в указанное место.

— В обмен на что?

— Двор Багровой Ночи остановит следующий этап нападения.

Марек холодно рассмеялся.

— И вы поверили?

— Я решила, что так погибнет меньше всего людей.

— Пожертвовать ею ради Мункипа?

— Она уже является их целью, — спокойно сказала Сабина. — Если один человек способен остановить дальнейшие нападения на семь стай, почему нет?

Наконец заговорила Эллага.

— Потому что этот человек — не вы.

Сабина посмотрела на неё.

— Я отвечаю за безопасность волчьих кланов.

— Поэтому вам позволено решать, кого следует принести в жертву.

— Когда это необходимо — да.

— Вы всегда так делаете.

Впервые выражение Сабины изменилось.

— Мы раньше встречались?

Эллара снова увидела чёрнокаменную комнату. Серебряный обруч вокруг запястья. Она плакала, пока не потеряла голос, и повторяла имя Лиоры, когда Сабина закрывала дверь.

«Для семи стай боль одного человека не имеет значения».

Эллара до сих пор слышала эти слова.

— Нет.

— Тогда почему вы сказали «всегда»?

Эллара сделала шаг ближе.

— Потому что такие люди, как вы, каждый раз выбирают один и тот же ответ.

Сабина не отвела взгляда.

— Это было сделано ради безопасности всех.

Снова.

Эллара тихо рассмеялась.

— Разумеется. Вы всегда так говорите.

Сабина пристально на неё посмотрела.

— Кто рассказал вам обо мне?

— Никто.

— Вы знаете порядок работы дисциплинарной службы.

— Я лишь знаю, какой выбор вы сделаете.

Ронан всё это время наблюдал за Элларой.

Она не раскрыла ни одного конкретного события, но её знание Сабины далеко выходило за пределы обычных догадок. Эллара заранее знала, что та скажет. Знала, что Сабина пожертвует ею во имя безопасности.

Даже ненависть выглядела так, словно копилась годами.

В конце концов Сабина признала, что передала маршрут посреднику, но настаивала: настоящего имени человека она не знала. Сообщения обменивались через пепельный ящик в старых коридорах Мункипа. На последнем листе был только знак шипа, перечёркнутый чёрной линией.

Без имени.

Это не могло прямо указывать на Аларика. Возможно, знак был всего лишь кодовым именем Двора Багровой Ночи.

— Ты поместила кровь в Лунный колодец? — спросил Ронан.

— Нет.

— А препарат Сирила?

— Я ничего о нём не знаю.

— Кто ещё имел доступ к печатям разрешения дисциплинарной службы?

Сабина назвала четыре имени. Двое уже умерли. Один человек покинул Мункип четырнадцать лет назад. Последний до сих пор входил в нынешний Лунный совет.

Её показания требовали проверки, но совершённые ею преступления уже были доказаны.

Она намеренно раскрыла маршрут Эллара, позволила вражеским оперативникам войти на окраину Мункипа и попыталась передать защищаемую цель Двору Багровой Ночи.

Знала она о более глубоком замысле или нет — это была измена.

Сабину заключили в чёрнокаменное изоляционное крыло, которым она прежде управляла.

До закрытия двери камеры она сохраняла спокойствие. Эллара стояла снаружи, за решёткой. В прошлой жизни их места были противоположными.

Тогда Сабина находилась снаружи и говорила, что послушание — единственный способ защитить ребёнка Эллара.

Теперь Сабина посмотрела на неё.

— Вы думаете, Ронан будет защищать вас вечно?

Эллара не ответила.

— Лунный колодец только что признал его. Семь стай не станут терпеть, что он нарушает правило за правилом ради женщины-гибрида. Когда трон и его народ действительно вынудят его выбирать, он выберет стай.

Каждое слово ударило в самую глубокую часть памяти Эллара, потому что именно так всё и произошло.

Ронан любил её. Много раз выбирал её.

Но когда долг и Эллара наконец оказались по разные стороны, он выбрал ответственность, которую нёс, а не её.

Сабина ожидала гнева.

Эллара лишь кивнула.

— Я знаю.

На лице Сабины появилась трещина.

— Знаете?

— Поэтому я никогда не собиралась отдавать свою жизнь на его выбор.

— Тогда почему вы остаетесь рядом?

Эллара приблизилась к решётке.

— Потому что сейчас он мне полезен.

Позади послышались шаги. На некотором расстоянии стоял Ронан. Он явно всё слышал.

Сабина тоже его заметила и презрительно улыбнулась.

— Вы слышали? Она совершенно вам не доверяет.

Ронан не посмотрел на Сабину. Его взгляд оставался на Элларе.

— Я знаю.

Улыбка Сабины исчезла.

Ронан приказал охраннику опустить внутреннюю перегородку. Чёрная железная плита спустилась и полностью скрыла Сабину.

В коридоре остались только они с Элларой.

— Ты знала, что она нас предаст.

— Я знала, что она решит пожертвовать мной.

— Откуда?

— Это имеет значение?

— Да.

Эллара повернулась, чтобы уйти. Ронан встал у неё на пути.

— Ты смотрела на неё так, будто она уже причинила тебе боль.

— Она причинила её сегодня ночью.

— Не сегодня. Раньше.

Эллара подняла глаза. Его голос звучал тихо.

— Кассела ты тоже знаешь.

— Нет.

— Но ты его ненавидишь.

— Он не даёт мне причин относиться к нему иначе.

— Это не ответ.

— Какой ответ ты хочешь?

— Правду.

— Правда может тебе не принадлежать.

Его взгляд потемнел.

— Твоя ненависть к ним возникла не недавно.

— И что?

Он сделал паузу.

— Как и твоя ненависть ко мне.

В коридоре было тихо, если не считать далёких шагов охраны при смене караула.

Эллара не стала отрицать.

— Ты смотрела на Сабину так, будто она уже мертва.

— Она заслуживает смерти.

— Иногда ты так же смотришь на меня.

Взгляд Эллара опустился к его груди. Сквозь рубашку она помнила точный угол, под которым меч Вейров вошёл в её тело. Помнила кровь, скользнувшую по клинку, и приказ Ронана смотреть на него.

— Возможно, тебе стоит доверять своим инстинктам.

Она прошла мимо.

На этот раз он её не остановил.

Глава 35. Второй долг

Суд над Сабиной состоялся на следующий день после полудня. Доказательства не покидали Мункип, но на заседании присутствовали представители всех семи стай.

Кассел сидел справа от длинного стола. С самого начала он ни разу не выступил в защиту Сабины.

Работника каравана стаи Рук объявили подкупленным частным лицом. Транспортom якобы воспользовалась дисциплинарная служба без разрешения владельцев. Кассел возложил всю ответственность на Сабину и захваченного подчинённого.

Эллара сидела среди наблюдателей.

Она знала, что он лжёт, но пока не разоблачала. Если вынудить Кассела признаться сейчас, он лишь принесёт в жертву ещё несколько незначительных людей. Ей было нужно, чтобы он продолжал верить в собственную безопасность.

Сабина признала, что передала маршрут, обменивалась сообщениями с вражеским посредником и считала возможным пожертвовать Элларой.

Единственное, что она отказывалась признавать, — сознательную измену семи стаям.

— Всё, что я сделала, было направлено на прекращение нападений Двора Багровой Ночи на Мункип, — заявила она из центра зала суда. На запястьях были закреплены чёрные железные ограничители. — Ошибочное решение не является изменой.

Верховный жрец спросил:

— Вы знали, что переданный маршрут приведёт к пленению или смерти Эллары Марлоу?

— Да.

— Лунный совет это санкционировал?

— Нет.

— Вы скрыли контакт с врагом?

— Да.

— Вы предоставили вражеским людям временный доступ в Мункип?

Сабина на мгновение замолчала.

— Да.

Сомнений в приговоре не оставалось.

По старому закону семи стай, во время войны или внутреннего нападения намеренная выдача защищаемой цели и помощь вражеским агентам при проникновении в Мункип считались изменой стаям.

Наказанием была смерть.

Кассел не возразил. Он первым одобрил приговор.

Услышав его, Сабина наконец посмотрела на Кассела. В тот момент она, должно быть, поняла, что от неё избавились.

До казни Эллиот прибыл в Мункип по распоряжению Марека. Последний документ в запечатанном сундуке Гидеона требовал подтверждения происхождения и цепочки хранения, поэтому Эллиоту разрешили войти во внешнее административное крыло.

Второй пропускной пункт в северном дворе он пересечь не мог. Его сопровождал один человек Серого Клыка, ещё двое охраняли открытую каменную галерею.

Эллиот не просил пропустить его дальше. Передал запечатанный документ охраннику и сказал, что подождёт Эллара снаружи.

Казнь назначили на закат.

На северной стороне Мункипа находился чёрнокаменный двор. Публичных зрителей не было — только жрец, двое охранников, Марек, Ронан и Эллара как предполагаемая жертва предательства Сабины.

По старому закону приговор изменнику исполнял палач Мункипа. Однако преданный человек имел право выбрать того, кто будет держать клинок.

Перед входом во двор Ронан спросил:

— Кого ты хочешь назначить?

— Себя.

Марек посмотрел на него.

— Она не рождена волчицей.

— Закон не требует, чтобы палач был рождён волком.

Жрец не возразил.

Ронан вложил в руку Эллары нож с чёрной рукоятью. Её пальцы оставались совершенно спокойными.

Сабину привели в центр двора. Она отказалась становиться на колени, пока охранники силой не прижали одно колено к камню.

Закат светил над высокой стеной, оставляя узкую красную полосу на чёрной земле.

Эллара подошла.

Сабина подняла голову.

— Вы думаете, моя смерть превратит Ронана в мужчину, которого вы хотите видеть?

— Я не собираюсь его менять.

— Он защищает вас только потому, что вы ему полезны.

— Возможно.

— Когда трон и стаи вынудят его выбирать, он вас бросит.

Эллара не стала отрицать.

— Я знаю.

Сабина уставилась на неё.

— И всё же вы остаетесь рядом?

Эллара присела так, чтобы между ними осталось меньше половины вытянутой руки.

— Потому что сейчас он мне полезен.

Губ Сабины коснулась холодная улыбка.

— Тогда между нами нет никакой разницы.

— Есть.

— Какая?

— Вы любите называть защитой принесение в жертву других людей.

Сабина встретила её взгляд.

— Я приняла необходимое решение.

— Вы знали, что этот маршрут передаст меня Двору Багровой Ночи, и всё равно раскрыли его.

— Один человек в обмен на безопасность Мункипа —

— Это легко, когда жертвуют не вами.

Эллара поднялась. Лезвие поймало закатный свет.

— Вы не можете убить меня лишь потому, что вам не нравится мой выбор.

— Не потому, что он мне не нравится. — Эллара приставила острие к её груди. — Вы намеренно передали мой маршрут врагу. Знали, что меня заберут. Знали, что я могу погибнуть. Сегодня вы сделали свой выбор.

Сабина дёрнулась.

— Я защищала Мункип!

— Тогда умрите за Мункип, который защищали.

Эллара вспомнила другой серебряный обруч. Чёрнокаменную дверь, закрывшуюся перед её лицом. Сабину, обещавшую, что Лиора в безопасности, хотя та знала: ребёнка уже увезли.

Ничто из этого не могло стать доказательством на нынешнем суде.

Но именно поэтому Эллара не собиралась проявлять милосердие.

Она крепче сжала рукоять.

— Боль одного человека не имеет значения.

Эти слова Сабина произнесла в прошлой жизни Эллары.

Теперь, услышав их от неё, могла лишь решить, что над её собственным убеждением издеваются.

— Разве не в это вы всегда верили?

Клинок вошёл ей в грудь.

Тело Сабина окаменело. Эллара не закрыла глаза. Она смотрела, как потрясение исчезает из взгляда женщины, пока кровь не потекла по чёрной рукояти и её пальцам.

Второй долг.

Не для того, чтобы изменить прошлое. Оно не исчезнет лишь потому, что Сабина снова умерла. Лиора не оживёт в руках Эллары.

Но Сабина больше никогда не запрет её во имя защиты.

После казни Эллара прошла через второй пропускной пункт северного двора.

Эллиот ждал в открытой каменной галерее внешнего административного крыла. Серый Клык держался в стороне. Он не пытался войти в место казни и не спрашивал, что там произошло.

Увидев кровь на руке Эллары, он снял угольное пальто и накинул ей на плечи.

— Холодно?

— Не очень.

— У тебя дрожит рука.

Эллара посмотрела вниз.

— Скоро перестанет.

Эллиот не спросил, кого она убила. Не сказал, что ей не следовало этого делать. Только достал из кармана платок.

Эллара приняла его так же естественно, как много лет назад в мастерской, когда порезала палец.

— Последний документ?

— Я передал его охраннику.

— Что там?

— Внутренний список приглашённых на внешнюю аукционную площадку, которую контролирует Двор Багровой Ночи. — Эллиот посмотрел на неё. — В нём указана одна из старых подставных личностей Гидеона.

— Я изучу позже.

— Хорошо.

Когда Ронан вышел со двора, он увидел именно эту картину.

Эллиот не стоял слишком близко, но Эллара не проявляла рядом с ним никакой настороженности.

Ронан остановился в дальнем конце галереи.

Эллиот его заметил.

— Я приехал только передать документы.

— Я знаю.

В голосе Ронана ничего нельзя было прочесть.

Эллиот посмотрел на Эллару.

— Тётя Хелена просила узнать, вернёшься ли ты сегодня вечером.

— Не сегодня.

— Я ей скажу.

Он не спорил и не задерживался. Только поправил ворот пальто на плечах Эллары и ушёл.

Из-за этого оставшаяся тишина стала ещё заметнее.

Ронан подошёл.

— Что Сабина сделала с тобой раньше?

— Ты уже спрашивал.

— Ты не ответила.

— И сейчас не отвечу.

— Ты знала, что она скажет. Знала, какой выбор сделает. Знала порядок работы чёрно-каменного изоляционного крыла.

Эллара подняла глаза.

— И?

— Ты прошла через это.

Это не было вопросом.

Она не подтвердила.

— Всего лишь твоё предположение.

— Ты её ненавидела.

— Да.

На этот раз Эллара не отрицала.

Ронан продолжал смотреть на неё.

— Кассела ты тоже ненавидишь.

— Да.

— И меня.

Ветер прошёл по галерее, приподнимая пальто на её плечах.

Пальто Эллиота. Не Ронана.

Эллара посмотрела на мужчину перед собой.

Ронан этой жизни защитил её перед Лунным советом, вошёл вместе с ней в пересадочную станцию, позволил казнить врага и едва не отказался от клятвы семи стай, лишь бы не допустить её заключения.

Но она помнила другого Ронана.

Он ей не поверил. Оставил за запертой дверью. После исчезновения Лиоры всё ещё требовал ждать окончания расследования. А в церкви Холлоубон его меч прошёл сквозь её грудь.

Ненависть не исчезала лишь потому, что теперь он несколько раз сделал правильный выбор.

— Да, — сказала Эллара.

Его челюсть напряглась.

Он давно это чувствовал. Но, услышав прямое признание, всё равно замолчал.

— Почему?

— Тебе не обязательно знать.

— Я узнаю.

— Тогда расследуй сам.

— Ты сказала, что правда может мне не принадлежать.

— Возможно, всё ещё не принадлежит.

Он сделал шаг ближе.

— Такая ненависть не могла появиться за две недели нашего знакомства.

— Это твоя проблема.

— Когда ты меня ненавидишь, ты смотришь так, будто я уже тебя убил.

Несуществующая рана в груди Эллара вспыхнула фантомной болью. Её взгляд похолодел.

Ронан это увидел.

Он коснулся части ответа, хотя ещё не мог её понять.

— Я действительно причинил тебе боль.
Эллара произнесла тихо:
— Ты наконец начал доверять собственным инстинктам.
Она прошла мимо.
Ронан заговорил снова:
— Что ты сделаешь после того, как разберёшься со всеми?
Она остановилась.
— Что?
— Сабина была не последней.
— Разумеется.
— Кто ещё в твоём списке?
Эллара не ответила.
— Когда все в нём умрут, что ты будешь делать?
Она посмотрела в конец галереи.
Эллиот уже ушёл. Хелена и Джулиан ждали в убежище.
Именно такой жизнью она должна была обладать.
— Уеду.
Выражение Ронана потемнело.
— Покинешь Мункип?
— Оставлю всё, что никогда мне не принадлежало.
— Включая меня?
Она повернулась.
— Мы никогда не были вместе.
— Восточная башня не считается?
— То, что моё тело помнит тебя, не означает прощения. — Наконец Эллара сказала совершенно ясно: — Мы союзники. Союзы заканчиваются.
Она отвернулась. Пройдя несколько шагов, остановилась, не оглядываясь.
— Операция во Дворе Багровой Ночи идёт по плану. Мы выезжаем завтра утром.
Ронан всё ещё был ей нужен.
Его право на корону. Серый Клык. Двери, которые могла открыть лишь кровь Вейров.
Нуждаться — не значит любить.
Союз — не значит простить.
Ронан оставался на месте, пока она не исчезла в конце галереи.
Только тогда он по-настоящему понял.
Эллара не избавлялась от ненависти к нему.
Она просто оставила его смерть напоследок.

Глава 36. Навстречу женщине, которая её убила

За час до отправления в Мункип прибыл последний документ от Эллиота. Он находился в тонком водонепроницаемом конверте, запечатанном одновременно знаком аукционного дома Мерсеров и чёрным воском подпольной биржи Грейхарбора.

Марек снял внешнюю упаковку и передал оригинал Элларе.

Это была внутренняя запись приглашения на аукционную площадку у границ Двора Багровой Ночи. Два месяца назад Гидеон вошёл туда под старой подставной личностью — именем, которым не пользовался почти двадцать лет.

Г. Веспер.

В записи не значилось сопровождение, номер ограничителя или подпись принимающего офицера Чёрного Крыла. Он прошёл через гостевой вход.

По крайней мере в тот раз Гидеон вошёл добровольно.

Ронан стоял по другую сторону длинного стола.

— Два месяца назад он вернулся во Двор Багровой Ночи.

— По меньшей мере один раз.

Эллара не бросилась защищать отца.

У Гидеона всегда имелась причина. Защитить Хелену. Защитить Джулиана. Защитить её.

Но его защита обычно означала, что все остальные должны стоять за пределами лжи, пока он сам решает, когда они заслужили право узнать правду.

В конверте лежала маленькая коробочка из чёрного бархата. Эллара открыла её.

Внутри находилось чёрно-серебряное кольцо, внешне полностью повторявшее фамильное кольцо Вейров на её руке. Волчий герб, потёртые края, даже неглубокая царапина внутри обода были скопированы.

Только вес оказался немного меньше.

Эллиот приложил записку.

Сделано по восковому оттиску, который ты оставила прошлой ночью. Обманет глаз, но не человека, который хорошо знает оригинал.

Ронан увидел кольцо.

— Ты попросила его скопировать моё кольцо.

— Мне был нужен реквизит.

— Когда ты сняла оттиск?

— Когда ты не смотрел.

Ронан протянул руку. Эллара не отдала ему копию.

— Ты сам дал мне кольцо, разве нет?

— Я думал, ты сохранишь его.

— Я и сохраняю.

Она сняла настоящее кольцо. Пальцы на мгновение зависли между двумя одинаковыми вещами. Затем Эллара спрятала оригинал в потайной карман рукава и надела копию на правую руку.

Ронан наблюдал.

— Где ты собираешься её использовать?

— Там, где кому-то понадобится поверить, что мы порвали друг с другом.

Марек поднял голову.

— Эту часть мы не обсуждали.

— Обсуждаем сейчас.

Эллара развернула запись приглашения.

У аукционной площадки имелся гостевой проход, минуящий контрольный пункт Чёрного Крыла. Но он доведёт их только до внешнего двора. Внутри самого Двора Багровой Ночи каждое движение всё равно будет находиться под наблюдением.

Группа Ронана останется небольшой: Марек, Несса, трое лучших бойцов Серого Клыка и Эллара.

Эллиот останется в Грейхарборе, продолжит отслеживать старые аукционные личности Гидеона и поддерживать связь с убежищем.

Эллара указала на подземное пересечение на карте.

— Как только мы войдём, Серафина попросит встретиться со мной наедине.

— Я не позволю, — сказал Ронан.

— Поэтому сначала она попытается заставить нас сомневаться друг в друге.

— Ты и так мне не доверяешь.

— Значит, спектакль будет проще.

Выражение Ронана не изменилось, но Марек перевёл взгляд с одного на другую.

— Если мне потребуется немедленно уйти, — продолжила Эллара, — я произнесу фразу.

— Какую?

— Лунный свет слишком яркий.

Марек нахмурился.

— Двор находится под землёй.

— Именно поэтому никто не примет это за обычный разговор.

Ронан спросил:

— А если ты не сможешь её произнести?

— Следуйте первоначальному плану отхода. Не меняйте всю операцию ради меня.

— Я не стану считать тебя допустимой оперативной потерей.

Эллара встретила с ним взглядом.

— Тогда не заставляй меня снова обнаружить, что твоя «защита» — всего лишь другая форма контроля.

Его глаза сузились.

— Снова?

— Ты уже не один раз принимал решения за меня.

Она взяла пальто.

— А пока мы едем во Двор Багровой Ночи.

Навстречу женщине, которая однажды её убила.

Машины покинули Мункип до полного рассвета.

Чем ближе они подъезжали к старому району, тем уже становились улицы. Современные башни уступили место чёрнокаменным зданиям девятнадцатого века. Многие окна закрывало тёмное стекло, скрывавшее внутренние помещения даже днём.

Вход во Двор Багровой Ночи не был отмечен ни на одной карте.

После трёх проверок личности они припарковались под театром, заброшенным много лет назад. В фойе ещё сохранялся выцветший золотой декор, но старую билетную кассу превратили в пункт анализа крови.

После подтверждения гостевого приглашения за сценой открылась скрытая дверь.

За ней не было зрительного зала. Только чёрный пандус, уходящий глубоко под землю.

Войдя туда, Эллара уловила знакомый холодный аромат.

Шаг не замедлился.

Память вернулась в церковь Холлоубон.

В прошлой жизни Серафина приблизилась к ней с тем же запахом. К тому времени Лунный совет изолировал Эллару. Прошлое Гидеона стало публичным. Ронан больше не доверял ей полностью. Все гадали, не заразит ли кровь Весперов в её теле Мункип.

Только Серафина села рядом и сказала, что Эллара не обязана никому доказывать, кем является.

Она налила ей светлое лекарство и объяснила, что оно подавит нестабильность крови.

Эллара выпила.

Серафина даже держала её за руку. Когда Грейвбейн начал проникать в кровь, она не отпустила.

Улыбалась так, словно наконец начался давно отложенный ритуал.

В её глазах не было ненависти — лишь почти ласковое возбуждение.

— Ты уже остываешь... — прошептала она, поглаживая тыльную сторону ладони Эллары, будто успокаивала её или любовалась действием яда. — Не бойся. До последнего этапа мы ещё не дошли.

Только потеряв силы, Эллара поняла, что означала эта нежность.

Теперь тот же аромат окружил её снова.

Ронан шёл рядом.

— Ты знаешь это место?

— Нет.

— У тебя изменилось дыхание.

— Здесь полно вампиров.

— Причина не в этом.

Эллара не ответила.

Внизу пандуса ожидала чёрная металлическая дверь высотой в несколько ярдов. Охрана потребовала сдать всё оружие.

Ронан снял чёрный стальной клинок с пояса. Марек и Серый Клык сдали огнестрельное оружие и ножи. Эллара положила на поднос клинок с чёрной рукоятью.

Охранник проверил приглашение.

— Имя.

— Эллара Марлоу.

Он не стал записывать.

— Марлоу здесь нет.

— Это ваша проблема.

Его взгляд переместился к её рукаву.

— Прямая наследница Весперов обязана зарегистрироваться под фамилией рода при входе во Двор Багровой Ночи.

— Я не Веспер.

— Запись крови говорит иначе.

Из-за двери раздался женский голос. Негромкий, но каждый охранник опустил голову.

— Впустите её.

Металлические двери открылись.

Женщина за ними носила тёмно-красное платье. Чёрные волосы ровно спадали на плечи. Тонкое лицо украшала слишком приветливая улыбка, словно у входа стояли не незваные гости, а люди, которых она давно ждала и которые прибыли точно в срок.

Серафина Веспер.

Сначала она посмотрела не на Ронана. Её глаза остановились на Элларе.

Несколько секунд женщина молчала, а затем улыбка медленно стала шире.

— Значит, ты всё-таки её привёл... — почти ласково сказала Серафина. — Я думала, ты будешь прятать её тщательнее.

Лицо Ронана потемнело. Серафина будто не заметила.

Не отрывая улыбки от Эллары, она продолжила:

— Что касается фамилии, торопиться некуда. Времени вернуть её назад у нас будет достаточно.

Эллара встретила её взгляд.

В прошлой жизни эта женщина отвела её в церковь Холлоубон.

В этой жизни Эллара вошла сюда по собственной воле.

Глава 37. Её отец стоял рядом с ними

Двор Багровой Ночи оказался тише, чем представляла Эллара.

Никаких театральных демонстраций крови или гробов. В чёрнокаменные стены было вставлено тёмно-красное стекло, а скрытые светильники поднимались от пола и освещали коридоры. Древние семейные портреты висели рядом с современным оборудованием наблюдения. По потолку проходил едва слышный механический гул.

Для каждой двери требовался свой уровень доступа. На каждом повороте стояла охрана. Это был не дворец, построенный ради демонстрации вампирской роскоши. Скорее учреждение власти, просуществовавшее века.

Серафина вела их лично.

— Исадора пока вас не примет. — Она посмотрела на Эллару. — Завтра вечером на Кровавом пире она встретит тебя сама.

Ронан спросил:

— Где Гидеон?

— Так нетерпелив?

— Мы приехали не на экскурсию.

Серафина улыбнулась.

— Ты совершенно такой же, каким был четырнадцать лет назад.

Она остановилась перед дверью из тёмно-красного стекла.

— Входите.

За ней находился длинный приёмный зал.

Первым человеком, которого увидела Эллара, была не Исадора.

Это был Гидеон.

Без ограничителей и ран, в безупречно скроенном чёрном официальном пальто. На воротнике покоился полный знак Чёрного Крыла. Он принадлежал исполнителям Весперов — личности, которую Гидеон когда-то сжёг после ухода из Двора Багровой Ночи.

Теперь он снова её носил.

Его лицо изменилось в ту же секунду, когда он увидел Эллару.

— Тебе не следовало приезжать.

Она вошла.

— Это первое, что ты мне скажешь?

— Я просил не искать меня.

— И я должна была послушаться?

— Это место тебе не по силам.

— Ты говоришь так каждый раз.

Взгляд Гидеона переместился на Ронана. Их серые глаза встретились на мгновение, и комнату заполнила враждебность.

Серафина медленно подошла к Гидеону.

— Не пойми неправильно, — сказала она Элларе. — Твой отец не пленник. Он сам попросил разрешения вернуться.

Эллара посмотрела на знак.

— Это правда?

Гидеон не стал отрицать.

— Да.

— Ты пришёл добровольно.

— Да.

— И добровольно надел это.

Он сделал паузу.

— Некоторые двери открываются только этой личности.

— Значит, у тебя снова есть план, о котором нельзя нам рассказать.

— Эллара...

— Не объясняй сейчас. — Её голос оставался ровным. — Ты всегда объясняешь после того, как всё уже произошло.

Гидеон замолчал.

Серафина явно наслаждалась расстоянием между отцом и дочерью. Она налила себе бокал тёмно-красной жидкости.

— Тебе стоило бы его понять. Даже покинув Двор Багровой Ночи, Гидеон годами разбирался с чужими тайнами. Включая твои.

Эллара посмотрела на неё.

— Что вы хотите сказать?

— Мне любопытно, сколько ты знаешь. Например, почему Ронан появился в Грейхарборе.

Ронан не остановил её.

Серафина повернулась к Элларе.

— Он четырнадцать лет охотился на Гидеона. В первый раз приблизился к тебе не потому, что ты была красивой, и не из-за судьбы. Он почувствовал внутри тебя кровь Орина Вейра.

Эллара не отвела взгляда.

— Я знаю.

Улыбка Серафины на мгновение застыла.

— Он рассказал?

— Это не имеет значения.

— Разумеется, имеет. Сначала он увидел в тебе путь к Гидеону. Твоя кровь, печать, следы, оставленные отцом, — именно они заставили его приблизиться.

Наконец заговорил Ронан.

— Достаточно.

— Почему? — Серафина повернулась к нему. — Она разве не знает? Или тебе неприятно слышать, когда твои поступки называют слишком прямо?

Эллара не показала потрясения.

В прошлой жизни она верила, что Ронан выбрал её среди всех остальных. Позже узнала: сперва он видел не её, а кровь Орина, преступление Гидеона и незавершённую четырнадцатилетнюю ненависть.

Но она ненавидела его не за то, что он приблизился с определённой целью.

Она ненавидела то, что даже после любви Ронан всё равно возвращал её на место подозреваемой, когда это имело значение больше всего.

Серафина поставила бокал.

— Ты действительно считала, что он подошёл к тебе из любви?

Эллара ответила сразу:

— Я никогда так не считала.

Ронан посмотрел на неё.

В словах не было гнева или спрятанной боли.

Она действительно не считала его любовь чем-то, что следует принимать в расчёт.

Серафина пыталась ранить Эллору правдой. В итоге безмолвным остался Ронан.

Гидеон спросил:

— Серафина, что тебе нужно?

— Разве не очевидно? — Её улыбка вернулась. — Приветствовать Веспера, потерянного в человеческом мире.

— Ей здесь не место, — сказал Ронан.

Серафина взглянула на него.

— Это должна решить она.

Встреча вскоре закончилась.

Двор выделил им отдельные помещения. Ронана и Серый Клык разместили в западном гостевом крыле. Элларе назначили комнаты рядом с главным залом Весперов на востоке.

Ронан сразу отказался.

— Она останется с нами.

— Это не Мункип, — ответила Серафина.

— Тогда пусть решает сама.

Все взгляды обратились к Элларе.

Она посмотрела на Серафину.

— Я останусь в восточном крыле.

Выражение Ронана тут же потемнело.

Эллара ничего не объяснила. Серафина словно ожидала этого.

— Хорошо. — Она повернулась к Гидеону. — Проводи её.

Комната в восточном крыле больше напоминала личную резиденцию, чем гостевые покои. В шкафу даже висели платья, сшитые по размеру Эллары: винно-красные, чёрные, с тёмно-золотой вышивкой, предназначенной для прямой линии Весперов.

Их явно подготовили не в последний момент.

Серафина знала, что Эллара придёт.

Закрыв дверь, Гидеон сказал:

— Ты должна уехать при первой возможности.

Эллара стояла у ложного окна. В подземном дворце не было настоящих окон; на стекло проецировалась ночь.

— Почему ты сам не ушёл, прежде чем просить об этом меня?

— Я не могу.

— В плену находишься не ты.

— Некоторые дела остаются незаконченными.

— Опять.

Гидеон подошёл ближе.

— Сегодня ничего не пей. Не прикасайся к лекарствам, которые предложит Серафина.

Эллара посмотрела на него. В глубине языка будто снова появился вкус яда из прошлой жизни.

— Не стану.

— Она проверит твою способность.

— Какую способность?

Он не ответил.

У двери раздался тихий звук. Служитель принёс официальное приглашение в чёрном конверте с гербом Весперов.

Завтра вечером.

Кровавый пир Двора Багровой Ночи.

Один приглашённый гость.

Эллара Веспер.

Увидев документ, Ронан сказал:

— Ты не пойдёшь.

Эллара выдернула приглашение из его руки.

- Пойду.
- Там будет подтверждение крови.
- Я знаю.
- Исадора хочет не просто встретиться с тобой.
- Поэтому мне и следует пойти.
- Он пристально на неё посмотрел.
- Это твоё решение?
- Эллара убрала приглашение.
- Разве не ты настаивал, что я должна решать сама?

Глава 38. Вторая ложь Гидеона

Перед Кровавым пиром Гидеон попросил поговорить с Элларой наедине. Не в её комнате восточного крыла, а в архивном помещении, заброшенном много лет назад. Снаружи тянулся лишь узкий коридор.

Ронан проводил их до входа.

— Пятнадцать минут.

Эллара посмотрела на него.

— Я не соглашалась на ограничение времени.

— Это территория Двора Багровой Ночи.

— Я знаю, где нахожусь.

— Ты можешь не знать, что они встроили в стены.

Гидеон стоял внутри и явно был недоволен.

— Здесь нет наблюдения.

Ронан посмотрел на него.

— Я тебе не верю.

— Мне это не требуется.

Эллара вмешалась:

— Остайся снаружи.

Ронан не двинулся.

Она подняла взгляд.

— Ты сказал, что я могу выбирать.

Через несколько секунд он отступил.

— Дверь остаётся незапертой.

Эллара вошла.

— Как угодно.

В старом архиве горела одна лампа. Металлические шкафы покрывала мелкая пыль. С некоторых ящиков сорвали подписи, и на их месте остались светлые прямоугольники.

Гидеон развернул на столе внутреннюю карту Двора Багровой Ночи. Затем посмотрел на пальто Эллары.

— У тебя есть ключ из чёрного стекла?

Она не ответила сразу.

Перед исчезновением Гидеон оставил его рядом с транспортными книгами, картой маршрутов Чёрного Крыла и записями для семьи. Эллара привезла ключ из Грейхарбора в Мункип, а затем сюда.

Она достала его из внутреннего кармана.

У стекла не было зубцов — только кольцо из чрезвычайно мелкой древней письменности Весперов.

— Ты оставил его, не сказав никому, что он открывает.

— Если бы ты знала, обязательно приехала бы.

— Я приехала и без знания.

— Значит, я не совсем ошибся в оценке.

Гидеон протянул руку. Элларе не отдавать ключ.

— Сначала расскажи.

Наконец он указал на самый глубокий уровень карты.

— Он открывает старое разрешение исполнителя для доступа в Хранилище Крови Предков.

— Ты отвечал за него?

— За часть.

— Исполнители хранят кости?

— Исполнители не только убивают. — Гидеон сел рядом со столом. — Мы сохраняем смерти, которые нельзя сделать достоянием общества.

Эллара изучила подземный уровень.

— Ты вернулся ради хранилища?

— Отчасти.

— А остальное?

— Настоящая чёрная книга.

— Одну ты уже оставил.

— Там была только история перевозок. В настоящей книге записана каждая сделка между Весперами и семью стаями, которую нельзя было раскрыть.

— В том числе четырнадцать лет назад?

— Да.

— И кто открыл Мункип?

— Да.

— Ты её нашёл?

— Пока нет.

— Поэтому снова надел знак Чёрного Крыла.

— В некоторые запечатанные секции допускаются только бывшие исполнители.

— И Серафина тебе верит?

— Она никогда мне не верила. — Гидеон бросил взгляд на дверь. — Просто считает: что бы я ни делал, твоей жизнью рисковать не стану.

Это было его самой очевидной слабостью — и рычагом, которому Серафина доверяла больше всего.

Эллара посмотрела на ключ.

— Лунный колодец был лишь вторым этапом. Что ей нужно дальше?

Гидеон молчал.

— Хранилище Крови Предков — третий этап. Она должна перенести королевское право, полученное в Лунном колодце, внутрь хранилища.

— Каким образом?

— Во-первых, власть взрослого представителя Вейров, признанного Лунным колодцем. Ронан.

Эллара посмотрела в сторону двери.

— Он должен войти в хранилище?

— Нет. После признания Ронана печать Ориана, скрытая в твоей крови и костях, вновь активировалась. Через Лунный колодец королевское право Ронана связалось с этой печатью. Первое разрешение уже встроено в тебя.

Её пальцы сжались.

— Второе?

— Живая прямая кровь Весперов.

Она сама.

— Третье — тело, которое когда-то было запечатано королевской кровью Вейров, способно касаться следов смерти и открывать записи мёртвых для живых.

Снова она.

Эллара посмотрела на отца.

— Значит, после Лунного колодца именно я всегда была той, кто ей на самом деле нужен.

— Да.

— Ронан требовался только для активации королевской власти.

Гидеон сделал паузу.

— Для Серафины — да.

Признание Ронана Лунным колодцем не завершало план Серафины. Оно стало лишь первым ключом, которым снова открыли тело Эллары.

Ронан прошёл испытание. Печать Орина пробудилась в её крови. Теперь в ней одновременно существовали путь, оставленный королевской кровью Вейров, прямая кровь Весперов и способность касаться смерти.

Три условия не требовалось приносить в хранилище трём людям.

Серафина собрала их все в Элларе.

— Ты всегда знал, что я умею.

— Способность проявилась только один раз, когда тебе было девять.

— Поэтому ты использовал кровь Орина, чтобы подавить её.

— Без печати Исадора нашла бы тебя до десятилетия.

— Я спрашивала не об этом. — Голос Эллары похолодел. — Ты знал, что я слышу мёртвых.

Гидеон не стал отрицать.

— Да.

— И никогда мне не сказал.

— Я надеялся, что тебе никогда не придётся это узнать.

— Чтобы защитить меня?

— Да.

Эллара безрадостно рассмеялась.

— Ты, Ронан, Лунный совет — каждый из вас обожает решать, сколько мне позволено знать. А когда ущерб становится необратимым, вы объясняете, что делали это ради моей защиты.

— Некоторые истины превращают тебя в цель.

— Я уже цель.

— По крайней мере, ты жива.

— Это не даёт тебе права отнимать мой выбор.

Гидеону нечего было ответить.

— Что Серафина хочет заставить меня открыть в хранилище?

— Я не могу быть уверен.

— Ты не знаешь или отказываешься говорить?

— Не знаю. Мне удалось выяснить только одно: она хочет использовать твоё тело, чтобы прочитать запись, к которой живые не могут прикоснуться напрямую.

— Запись, оставленную мёртвым?

— Возможно, кости. Возможно, старый кровный договор или фрагмент сознания, который так и не был по-настоящему погребён.

— Кого она хочет заставить меня призвать?

— Этого я не выяснил.

Эллара посмотрела на самую глубокую точку карты.

— Исадора знает?

— Она знает, что Серафина готовит открытие хранилища. Но может не знать, какую именно запись та ищет.

— И разрешает?

— Исадоре нужна твоя кровь и способность. Серафине нужно нечто более конкретное.

Эти женщины не были полностью заодно. Исадора хотела получить прямую наследницу Весперов, которую Двор сможет контролировать. Серафина хотела заставить Эллару открыть нечто, чего, возможно, до конца не понимала даже правительница Двора.

— Кровь Орина в Лунном колодце тоже была частью плана Серафины?

— Да. Но человек, который доставил её в Мункип и поместил в цепочку ритуальных поставок, находился внутри Мункипа.

— Кто?

— Имени у меня нет.

— У тебя никогда ничего нет.

Выражение Гидеона изменилось.

— Эллара.

— А четырнадцать лет назад? — наконец спросила она. — Ты убил Орина?

В архиве воцарилась тишина.

Гидеон посмотрел на дочь.

— Нет.

— Когда ты вошёл в подвал, он был жив?

— Да.

— Ранен?

— Да.

— Кто его ранил?

— Я не видел.

— Ты взял его кровь.

— Да.

— Зачем?

— Люди Серафины уже забрали часть. Я не мог позволить им получить всё.

— Поэтому взял ещё.

— Я верил, что смогу его спасти.

— А потом?

Гидеон не ответил.

— Что насчёт Мейв?

Молчание затянулось.

Наконец Гидеон сказал:

— Сейчас не время говорить о ней.

Взгляд Эллары стал холодным.

— Это твоя вторая ложь.

— Я не лгал.

— Ты всегда отвечаешь только наполовину. Обычно именно спрятанная половина оказывается самой важной.

Гидеон поднялся.

— Если я расскажу всё сейчас, сегодняшний план рухнет.

Он положил два пальца на ключ из чёрного стекла.

— Каждое запечатанное имя, которое я открываю, оставляет кровавый след в журнале хранилища. Если Серафина увидит, что я получил доступ к записи Мейв до пира, она перенесёт доказательства и всё равно заставит тебя войти, используя Хелену или Джулиана.

— Чей план? Мой или твой?

— Наша цель одна.

— Это не означает моего согласия на то, чтобы ты мной пользовался.

Снаружи раздался голос Ронана:

— Время.

Эллара не повернулась.

Гидеон достал из-под карты сложенный лист.

— Когда войдёшь в хранилище, не прикасайся к костям без осторожности. Серафина знает, что через предметы ты видишь смерть. Она не способна создать прошлое, которого не было. Но может выбрать, какие истинные фрагменты положить там, где ты обязательно их найдёшь.

Это соответствовало правилам отголосков смерти. Отголосок не мог выдумать историю, но никогда не обещал полноты. Истинный фрагмент, намеренно выбранный кем-то, всё равно мог привести к ложному выводу.

Эллара приняла лист.

— Что-нибудь ещё?

— Не доверяй изображению, которое увидела только один раз.

Дверь открылась. Ронан стоял снаружи. Первым делом он посмотрел на ключ из чёрного стекла.

— Закончили?

— Пока да.

— Что он рассказал?

Эллара прошла мимо.

— Семейные тайны, которые принадлежат мне.

Ронан последовал за ней.

— Ты собираешься войти в Хранилище Крови Предков.

— Да.

— Я иду с тобой.

— Ты не можешь войти.

— Тогда я снесу дверь.

Эллара остановилась.

— Вот поэтому я не позволила тебе слушать.

— Ты уже решила идти одна.

— Я всё ещё решаю.

— Когда ты лёжешь, глаза становятся спокойнее.

Эллара приподняла бровь.

— Эллиот рассказал?

— Я заметил.

— Значит, ты действительно начинаешь меня понимать.

Это не было похвалой. Ронан знал.

Перед пиром Эллара пришла в западные гостевые комнаты Ронана. Публично они ещё не разорвали отношения, поэтому визит не вызвал бы подозрений.

Марек охранял внешний зал. Несса проверила линии наблюдения и подтвердила: Двор может видеть, кто проходит через дверь, но не слышит комнату.

На столе лежали настоящее кольцо, копия и внутренняя карта.

Эллара начала:

— Сегодня Исадора попросит меня остаться здесь.

— Ты согласишься.

— Да.

Ронан наблюдал за ней.

— Тогда отдай мне копию кольца.

— Чтобы они поверили, будто я вернула всё, что принадлежало тебе.

— Ты публично заявишь, что не доверяешь мне.

— Для этой части притворяться не придётся.

Он не ответил.

— Ты покинешь Двор вместе с Марексом и Серым Клыком, — продолжила Эллар. — Несса останется в гостевом медицинском крыле как целитель, следящий за реакцией моей крови.

Несса сказала:

— Мне не позволят свободно входить в восточное крыло.

— Оставайся максимально близко.

Эллар посмотрела на Ронана.

— После публичного ухода не возвращайся ко мне.

— Я останусь в месте, не охваченном их наблюдением.

— Ты не можешь снова войти в восточное крыло.

— Я не позволю наблюдению разрушить обман.

— Сигнал отхода остаётся прежним: «Лунный свет слишком яркий».

Ронан спросил:

— Что, если ты потеряешь память и забудешь фразу?

Эллар на один вдох замолчала.

— Тогда следуй плану и жди до рассвета.

— Я не стану ждать до рассвета.

— Серафине нужно, чтобы я открыла запись в хранилище. Она не убьёт меня раньше.

— Ты не можешь этого знать.

— Поэтому ты нужен мне на внешнем периметре.

Ронан посмотрел на кольца.

— Настоящее ты оставляешь себе.

— Да.

— Оно не открывает дверей и не командует Серым Клыком.

— Я знаю.

— Тогда зачем носить?

Эллар снова спрятала его в рукаве.

— Они должны поверить, что я вернула всё, связанное с Вейрами.

Настоящее кольцо не обладало властью. Оно доказывало только, что разрыв между ними не был полным.

Ронан понял.

— Ты действительно обязана войти одна?

— Да.

— Почему?

— Потому что Серафина считает меня женщиной, способной лишь ждать, пока другие расскажут правду. — Эллар встретила его взгляд. — Мне нужно, чтобы она продолжала так думать.

— Ты уверена, что останешься жива после того, как покинешь меня?

— Самая большая опасность часто угрожает мне не тогда, когда я одна, а когда отдаю свои решения другому человеку.

Ронан не отводил глаз.

— Ты считаешь, что я выберу за тебя неправильно.

— Я считаю, что так способен поступить любой.

— Включая меня?

— Особенно ты.

Недоверие было слишком глубоким, словно однажды Эллар отдала ему в руки самое важное и получила необратимый итог.

И всё же объяснения она не давала.

Спустя мгновение Ронан сказал:

— После пира я уйду, как мы договорились.

Эллара посмотрела на него.

— Обещаешь?

— Обещаю не позволить им узнать, что останусь поблизости.

— Это не одно и то же.

— Для меня одно.

Она не стала продолжать спор. По крайней мере, после публичного разрыва он не ворвётся в восточное крыло. Этого было достаточно.

Ронан подтолкнул к ней кольцо-копию.

— Надень.

Эллара надела.

— Сегодня сделай всё убедительно.

Он посмотрел холодно.

— Можешь не беспокоиться.

— Почему?

— Когда ты скажешь, что не доверяешь мне, притворяться не потребуется.

Глава 39. Она заняла место Весперов

Кровавый пир проходил в самом глубоком зале Двора Багровой Ночи. Обычных ламп не было. Сотни холодных огней горели вдоль стен в чёрных металлических рамах, отбрасывая тёмно-красный свет, в котором каждое лицо казалось бледнее.

Прямая линия Весперов сидела за высоким столом. Боковые ветви и офицеры Чёрного Крыла занимали столы ниже. Ронана и Серый Клык разместили на другой стороне — недалеко, но явно вне той же фракции.

Исадора Веспер вошла последней.

Она выглядела немного старше Серафины. Серебристо-чёрные волосы были собраны на затылке, а глаза имели такой тёмный красный оттенок, что казались почти чёрными. Короны на ней не было — только подвеска из древнего кровавого камня.

Все вампиры поднялись.

Эллара — нет. Ронан тоже.

Исадора не показала недовольства. Сев, она первым делом посмотрела на Эллару.

— Ты похожа на Гидеона в молодости.

— Мама говорит, что я больше похожа на неё.

— Люди любят искать себя в собственных детях.

— Вампиры нет?

— Нас больше интересует то, что остаётся в крови.

Исадора подняла руку. Служитель выдвинул свободный стул справа от неё.

Место для прямой линии Весперов.

— Сядь.

Ронан посмотрел на Эллару. Она не ответила взглядом.

Эллара подошла к высокому столу, сняла чёрно-серебряное кольцо с правой руки, положила рядом со своим прежним местом и села рядом с Исадорой.

По залу прошёл тихий шёпот.

Кольцо, оставленное между Ронаном и домом Веспер, стало публичным заявлением.

Ронан не двинулся, хотя линия челюсти затвердела.

Исадора это заметила.

— Собственность Вейров.

— Я хранила её для одного человека.

— И больше не хочешь?

Эллара посмотрела на стол.

— Рано или поздно вещи должны возвращаться владельцу.

Ронан знал, что это ложь. Слишком хорошо помнил вес настоящего кольца и форму его краёв. В ту же секунду, когда Эллара положила копию, он увидел разницу.

Но расстояние в её глазах было настоящим.

Из-за этого представление становилось опаснее.

Исадора подняла кубок.

— Ты признаешь кровь Весперов?

Все ждали.

Эллара подняла взгляд.

— Я признаю, что она существует.

— И только?

— Кровь — факт. — Она посмотрела на Исадору. — Не право собственности.

Исадора улыбнулась.

— Как Гидеон.

Серафина сидела с другой стороны. Служитель передал ей чёрно-красный металлический футляр, и она поставила его перед ними.

Длиной с предплечье, весь покрытый плотной медицинской письменностью Весперов.

Эллара сразу его узнала.

Футляр с кровавыми иглами Грейвбейна.

В церкви Холлоубон Серафина вынула последнюю дозу из точно такого же. Эллара уже была отравлена и не могла стоять от холода, когда Серафина сказала:

— Ты умрёшь не сразу.

— Меч Вейров завершит последний этап.

Она даже вытерла кровь с губ Эллара.

В этой временной линии футляр ещё не использовали, чтобы её убить.

Серафина придвинула его к центру стола.

— Для подтверждения прямой крови Весперов требуется прикосновение к родовому инструменту.

Исадора не возразила.

— Открой.

Серафина подняла крышку.

Лекарства внутри не было. Только три полые костяные иглы и подкладка, почерневшая от слишком большого количества впитанной крови.

Эллара не сразу протянула руку.

— Каждый прямой наследник прикасается к этому?

— Ты необычная.

— Потому что я гибрид?

— Потому что твою кровь уже кто-то запечатал.

Серафина посмотрела на Ронана.

— Нам нужно понять, сколько Веспера в тебе осталось.

Ронан заговорил:

— Она не согласится на проверку.

Эллара положила руку на край футляра.

— Соглашусь.

Серафина следила за её пальцами. Губы медленно изогнулись.

— Я знала, что ты согласишься, — мягко сказала она, будто уже видела, как Эллара делает тот же выбор.

Одним пальцем она постучала по крышке.

— Прикоснись.

— Позволь мне увидеть, сколько смерти в тебе осталось.

Глава 40. Меч Вейров завершит последний этап

В ту же секунду, когда кончики пальцев Эллары коснулись подкладки футляра, собственная память разорвалась.

Церковь Холлоубон. Холодные каменные стены. Ритуальная кровь, ещё влажная на полу.

Серафина сидела перед ней с таким же чёрно-красным футляром на коленях.

Она открыла его, достала светлый стеклянный флакон и с невозмутимостью врача, готовящего обычное лекарство, вылила жидкость в чашку.

— Выпей, — сказала она и протянула чашку с мягкой улыбкой. — Это подавит непокорные силы в твоём теле. По крайней мере, ты останешься жива до конца ритуала.

К тому времени Лунный совет уже изолировал Эллару. Личность Гидеона стала известна. Ронан больше не доверял ей полностью. Все задавались вопросом, не заразит ли кровь Весперов Мункип.

Только Серафина сидела рядом.

Эллара выпила.

Сначала на языке появилась горечь, затем металлический вкус крови. Кончики пальцев похолодели. Дышать стало трудно.

Серафина держала её за руку и наблюдала, как тело теряет силу. Потом негромко вздохнула.

— О, ты действительно уже остываешь.

Она вытерла кровь с губ Эллары. Когда та упала, Серафина наклонилась ближе. В её глазах сияло наслаждение.

— Не смотри на меня так. Ты не умрёшь сразу. — Голос звучал почти ласково, словно она уговаривала упрямого ребёнка. — Было бы слишком жаль, если бы ты погибла от моей руки.

Серафина улыбнулась.

— Меч Вейров завершит последний этап.

Это не было отголоском смерти, оставшимся на футляре в нынешней временной линии. Эллара не видела, как Серафина готовит Грейвбейн или обсуждает дозировку.

Она видела только то, чему сама стала свидетелем и что слышала.

Тот же предмет вырвал пережитую смерть из самого глубокого слоя памяти.

Затем изображение изменилось.

Церковь Холлоубон исчезла. Рука Серафины растворилась. Теперь из футляра поднялся настоящий старый след смерти.

Запечатанная лаборатория. Женщина в белом халате стояла у рабочего стола. Чёрные перчатки закрывали руки, пока она всыпала серо-белый порошок в стеклянную трубку.

Футляр с иглами лежал открытым рядом.

Сзади прозвучал голос Серафины:

— Сначала Грейвбейн должен попасть в кровь объекта.

— Не позволяйте ей умереть сразу.

— До начала ритуала она должна лишь потерять способность сопротивляться.

Исследовательница остановилась.

— А после ритуала?

Серафина не ответила.

Изображение оборвалось.

Поверх первого отголоска насильно наложился другой.

Тот же футляр лежал в центре длинного стола. На крышке находился документ с печатью высокопоставленного учреждения Мункипа.

Рука с кольцом в форме шипов удерживала лист и дважды постучала по металлическому краю.

Лица не было видно. Только приглушённый голос.

— Третья восточная линия обороны закроется до полуночи.

Кто-то по другую сторону стола спросил:

— А внутреннее королевское крыло?

— Я могу открыть только внешний слой.

— С остальным справляйтесь сами.

Отголосок снова раскололся.

В лаборатории появился Гидеон. Он вскрыл внутреннюю подкладку и вытащил из-под металлической пластины лист с формулой.

Зазвучала тревога.

Женщина в белом халате бросилась к двери и попыталась остановить приближавшихся офицеров Чёрного Крыла.

Костяная игла вошла ей в шею сбоку.

Падая, она ударила ладонью по краю футляра. Кровь медленно растеклась по тёмно-красному металлу.

Предмет сохранил последний отголосок её сознания.

В нём не было страха.

Только глубокое сожаление.

Не о том, что она помогла Гидеону бежать. О том, что участвовала в создании препарата.

Эллара попыталась увидеть больше.

Из металла хлынули другие голоса мёртвых. Одни принадлежали людям, которые касались футляра в разные годы. Другие превратились лишь в боль и неразличимый плач.

Все они ворвались в её разум одновременно.

Перед глазами стало чёрно. Тело накрылось.

Когда зрение вернулось, Ронан уже держал её за руку. Их пальцы переплелись под столом — со стороны жест выглядел близким, хотя он лишь не давал ей упасть.

— Смотри на меня, — сказал он.

Эллара моргнула.

На столе лежало чёрно-серебряное кольцо. Она уставилась на него.

— Чьё это?

Пальцы Ронана сжались так сильно, что никому не было видно. Он будто естественным движением притянул её ближе.

— Моё.

Эллара не отрывала взгляда от кольца.

— Почему оно здесь?

— Ты хранила его для меня.

Через несколько секунд память встала на место.

Копия. Кольцо Вейров. Она сама положила его на стол.

Эллара медленно сжала ладонь.

— Я вспомнила.

Ронан не отпустил.

— Уверена?

— Отпусти.

— У тебя холодная рука.

— Здесь у всех холодные руки.

Он ещё мгновение смотрел на неё, затем наконец разжал пальцы.

Исадора наблюдала за ними всё это время.

— Наследник Вейров заботится о тебе сильнее, чем ты признаёшь.

Эллара убрала руку.

— Это его проблема.

Серафина закрыла футляр.

— Что ты увидела?

— Женщину, умирающую в лаборатории.

— И?

— Больше ничего.

Во время лжи взгляд Эллара оставался совершенно спокойным.

Она не упомянула кольцо с шипами, третью восточную линию обороны или воспоминание о словах Серафины, что меч Вейров завершит последний этап.

Серафина явно не поверила полностью, но не стала давить. Новое прикосновение усилило бы последствия, а нужное подтверждение она уже получила.

Эллара могла читать отголоски смерти в футляре.

Могла выдержать воздействие родовых инструментов Весперов.

Пир продолжился.

Только Ронан понимал: Эллара потеряла не одну лишь силу. На несколько секунд она забыла кольцо.

В следующий раз она могла забыть что-то другое.

Глава 41. Мёртвые не станут лгать ради неё

Когда каменная дверь закрылась за ними, в Хранилище Крови Предков остались только две пары шагов.

Серафина шла впереди и не проверяла, следует ли Эллара. Она будто знала: человек, добравшийся так далеко, не повернёт назад у самого входа.

Подземный коридор уходил глубже, чем казалось снаружи. По обеим стенам в хронологическом порядке стояли чёрные двери шкафов. Их рамы были покрыты древней письменностью Весперов. В одни вставлены тёмно-красные кровавые камни. Другие закрывала выцветшая чёрная ткань и воск, высохший десятилетия назад.

Обычных ламп не было. Через каждые несколько ярдов в камне светился костяно-белый огонь — не пламя, а холодное сияние, заключённое за стеклом.

Чем дальше шла Эллара, тем больше голосов собиралось вокруг.

Они звучали неясно.

Прерывистое дыхание. Сдерживаемые рыдания. Короткий мерзкий хруст ломающейся кости.

Мёртвые не пробудились, но почувствовали человека, способного их услышать.

Серафина остановилась перед чёрным шкафом.

— Громко?

Лицо Эллары оставалось неподвижным.

— Очень тихо.

— В детстве Гидеон говорил то же самое.

— Вы знали его тогда?

— Разумеется. — Серафина провела пальцами по старому кровавому камню в центре двери. — Он принадлежал Весперам с рождения. Позже вообразил, что смена фамилии, брак с человеческой женщиной и двое детей превратят его в кого-то другого.

— Вам не решать, является ли он Веспером.

— Решает кровь.

— Кровь доказывает лишь происхождение.

— Для Весперов этого достаточно.

Серафина ногтем рассекла ладонь. Капля тёмной крови упала на камень. Замки тяжело повернулись внутри двери.

Полных останков за ней не было.

Только длинный серебристо-серый ящик с маленькой почерневшей фалангой пальца, вставленной в крышку.

Серафина поставила его на каменный стол.

— Останки последнего хранителя. До смерти он охранял все сделки, которые никогда не могли попасть в открытые записи.

Эллара не подошла.

— Если их нельзя было записывать, почему вы верите, что мёртвый мужчина сохранил их для вас?

— Потому что мёртвые не выбирают ложь.

— Зато живые выбирают, к какому мертвецу мне позволят прикоснуться.

Серафина улыбнулась.

— Гидеон хорошо тебя обучил.

— Он научил не доверять вам.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что ему я тоже не доверяю полностью.

Улыбка Серафины стала глубже.

Ей понравился ответ.

Женщину, которая не доверяет ни отцу, ни Ронану, легче изолировать, чем ту, у которой всё ещё есть место, где можно встать.

— Положи руку.

Эллара посмотрела на почерневшую кость.

— А если откажусь?

— Отправлю тебя обратно в восточное крыло.

— И всё?

— Разумеется. — Тон Серафины оставался почти мягким. — Пока я не пойму твою ценность, мне незачем причинять тебе вред.

— По крайней мере, вы честнее большинства людей здесь.

— Я просто не вижу смысла красиво говорить перед мёртвыми.

Эллара протянула руку.

Она не коснулась самой кости. Сначала пальцы легли на край ящика.

Холод мгновенно поднялся по руке.

Неразличимые голоса взорвались ясностью.

На серебре накопилось слишком много смертей. Отголоски разных лет переплелись, словно сотни рук одновременно толкали одну дверь изнутри.

Эллара закрыла глаза.

По другую сторону стола Серафина ждала момента, когда она потеряет контроль.

Поэтому Эллара позволила ей увидеть такой момент.

Дыхание стало неровным. Плечи задрожали. Одно колено ослабло.

Серафина немедленно подхватила её.

— Что ты видишь?

Эллара не ответила. Вцепилась в край каменного стола, словно едва могла удержаться на ногах.

На самом деле она искала среди наложенных друг на друга смертей самую чёткую нить.

Кровь.

Чёрный стол.

Печать высокопоставленного учреждения Мункипа, вдавленная в документ.

Рука с кольцом, покрытым узором шипов, удерживала угол листа.

Лицо оставалось скрытым. Голос намеренно понизили, и сохранилась только одна фраза:

— После закрытия третьей линии обороны у вас будет семнадцать минут.

Другой человек спросил:

— А внутреннее королевское крыло?

— Я могу открыть только внешний слой. Кровь Вейров вам придётся получить самостоятельно.

Изображение задрожало.

Этот отголосок был яснее, чем воспоминание из футляра с иглами.

Четырнадцать лет назад предатель внутри Мункипа лишь отключил третью восточную линию обороны. До входа Чёрное Крыло не обладало кровью Орина. Внутренний королевский сектор прорвали уже после начала нападения.

Эллара проникла глубже.

Отголосок сменился.

То же подземное хранилище. Серафина стояла у длинного стола. Перед ней были расставлены охлаждённые контейнеры с кровью. На одном стояли инициалы:

О. В.

Орин Вейр.

— Разделите королевскую кровь на две части, — приказала Серафина.
— Первая останется здесь как исходный образец.
— Во вторую внесите отложенный узор Весперов и отправьте в Мункип по цепочке ритуальных поставок.

Человек рядом спросил:

— Когда узор активируется?

— Когда Лунный колодец признает следующего взрослого наследника Вейров.

— Это может занять годы.

— Кровь умеет ждать.

Голоса распались.

Вперёд насильно прорвалось другое воспоминание.

Гидеон стоял в Хранилище Крови Предков — моложе, в чёрной форме офицера-исполнителя и весь в крови. Он вырвал страницу из чёрной книги, сложил её и спрятал в пальто.

До сигнала тревоги он сказал человеку у двери:

— Этот список не должен остаться у Исадоры.

Другой человек не ответил.

Поверх сцены легла новая смерть.

Женщина упала рядом с металлическим шкафом. Костяная игла пронзила горло. Кровь стекала по двери, пока она смотрела, как уносят чёрную книгу.

Последняя мысль была не о собственной смерти.

Они взяли не ту.

Живот Эллары сжался.

Не ту — что?

Гидеон украл страницу, которая не была важной? Чёрная книга, позже вывезенная из Двора Багровой Ночи, с самого начала являлась подменой?

Она попыталась проследить мысль.

Изображение снова изменилось.

Предыдущий хранитель стоял на коленях перед открытым шкафом. Из груди торчал сломанный костяной клинок. Кровь падала на древний ритуальный документ — гораздо старше резни, с краями, запечатанными старым кровавым воском Весперов.

В последние мгновения хранитель попытался вернуть документ внутрь. Ладонь закрыла часть текста. Кровь растеклась по второй половине предложения.

Эллара смогла прочесть лишь:

Сначала Грейвбейн входит в кровь.

Клинок из стали Вейров рассекает...

Всё остальное исчезло под кровью.

Способность Эллары не скрывала ответ.

Сам умирающий больше не увидел оставшиеся слова.

Дыхание Эллары остановилось.

Церковь Холлоубон. Препарат Серафины. Меч Ронана, вошедший в её грудь.

Она всегда считала, что клинок убил её.

Но старый ритуальный документ ставил Грейвбейн первым.

Что именно рассекала сталь Вейров?

Жизнь? Кровный договор? Ритуальную метку? Уже открывающийся путь души?

Эллара попыталась отодвинуть кровь.

Все смерти хранилища закричали одновременно.

Тьма поглотила зрение. Из носа пошла кровь.

Серафина схватила её за подбородок.

— Что ты увидела?

Эллара не ответила.

— Эллара.

Впервые Серафина произнесла её имя. Не мягко — как предупреждение.

— Скажи мне.

Эллара вслепую протянула руку к ближайшему шкафу слева.

Серафина перехватила запястье.

— Не этот.

Эллара ничего не видела, но услышала, как повернулся другой замок.

Серафина, опасаясь, что она коснётся другого запечатанного предмета, сама открыла настоящий шкаф с книгами и ритуальными записями.

Сейчас.

Эллара позволила ключу из чёрного стекла выскользнуть из кармана в ладонь.

Под каменным столом находилась старая замочная скважина, почти скрытая засохшими остатками крови. Гидеон отметил это место на сложенной записке.

Ключ не был универсальным ключом хранилища.

Он активировал аварийное разрешение, которым когда-то пользовались исполнители для изоляции заражённых записей.

Эллара вставила ключ.

Повернула.

Кровавый контур ближайшей секции отключился.

Все костяно-белые огни погасли.

Шкаф, который только что открыла Серафина, потерял управление кровавым замком и больше не мог закрыться. Остальные остались запечатанными.

Одновременно по коридору разорвалась тревога заражения. Тяжёлые изоляционные двери начали опускаться. В стене открылся аварийный путь.

Лицо Серафины изменилось.

— Что ты сделала?

Эллара не ответила.

Опираясь на запомненное положение, она сунула руку в шкаф, который больше не запирался. Пальцы коснулись бумаги.

Времени на проверку не было.

Она вытащила верхний лист, сложила и спрятала под пальто.

Серафина схватила её за запястье.

— Верни.

Свободной рукой Эллара нажала вторичное подтверждение заражения рядом со столом.

Изоляционные двери стали опускаться быстрее.

— Ты думаешь, этот путь выведет тебя наружу? — потребовала Серафина.

— Если Гидеон оставил ключ, он не мог оставить лишь половину побега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.